

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

И.А. Мельчук (Монреаль). Зависимости-2011: отношение зависимости в языке и в лингвистике	3
Е.В. Падучева (Москва). Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект	27
В.И. Подлесская (Москва). Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке	42
М.В. Дацишина (Москва). Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий. 1941–1944 гг.	66
Н.М. Бичурин (Санкт-Петербург). «Малые романские языки»: металингвистический дискурс и языковая политика Франции (на примере окситанского / провансальского и арпитанского / савойского)	88
Р.Р. Нагапетова (Москва). Граубюнденский ретороманский: тенденции развития языковой ситуации (по данным переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг.)	99

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

П.М. Аркадьев (Москва). <i>A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010</i>	110
Н.Р. Добрушина (Москва). <i>B. Rothstein, R. Thieroff (eds.). Mood in the languages of Europe. Amsterdam: John Benjamins, 2010</i>	118
Н.Л. Шибасова (Москва). <i>V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: John Benjamins, 2010</i>	121
Кс.П. Семёнова (Москва). <i>A. Bonola, O. Inkova (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi. Milano: EDUCatt, 2011</i>	126
А.В. Зеленин (Тампере). <i>Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009</i>	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Б. Бергельсон (Москва). Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий 2010–2011 годов	142
---	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2012 г. И.А. МЕЛЬЧУК

ЗАВИСИМОСТИ-2011: ОТНОШЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ В ЯЗЫКЕ И В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье обсуждаются три типа языковых зависимостей: семантическая, синтаксическая и морфологическая (= управление и согласование), а также их возможные комбинации. В рамках подхода «Смысл-Текст» рассматриваются глубинно-синтаксические и поверхностно-синтаксические зависимости, критерии установления поверхностно-синтаксических зависимостных отношений и языковые явления, для описания которых синтаксические зависимости необходимы. Особо характеризуются понятия «составляющая» ~ «синтагма» ~ «словосочетание» ~ «синтаксическая группа» и анализируется так называемый «парадокс расстановки скобок».

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Цель статьи

В этой статье не представлены какие-либо новые факты или новые идеи, касающиеся известных фактов. Ее цель – просто подытожить мой пятидесятилетний опыт работы над языковыми зависимостями и лучше организовать знания, накопленные в течение этого периода; я опираюсь на следующие опубликованные (и легко доступные) работы: [Мельчук 1963; 1974; Mel'čuk 1979; 1988; 2002; 2003; 2009]. Я не буду детально объяснять природу языковой зависимости и не предлагаю строгих определений используемых понятий и формализмов теории Смысл-Текст (заинтересованный читатель может найти все это в опубликованных работах, в частности, в [Мельчук 1974: 31 и сл.; Mel'čuk 1981; 1988: 43–101; 1997; 2006: 4–11; Kahane 2003]). И, наконец, я ограничусь минимумом ссылок.

Более конкретно, моя задача сводится к следующим пунктам:

- Представить краткий обзор того, что необходимо знать о языковых зависимостях, чтобы успешно работать с ними (≈ вводный курс «Dependencies 101»).
- Продемонстрировать необходимость зависимостей в лингвистических описаниях.
- Охарактеризовать использование лексемных групп (≠ составляющих) внутри строго зависимостного подхода.

Но сначала – о моем личном опыте в области языковых зависимостей.

1.2. Немного истории

Впервые я обнаружил полезность синтаксических зависимостей в конце пятидесятых годов прошлого века, когда я разрабатывал систему автоматического венгерско-русского перевода, см. [Мельчук 1957]. Вот один пример из указанной статьи: венгерская фраза (1a) должна быть переведена русской фразой (1b).

- (1) a. *A legtöbb nyelvnek sok idegen eredetű*
 АРТ_{опред} больше.всего язык-ЕД.ДАТ много иностранный «происхожденческий»
szava van.
 слово-ЕД.НОМ.ЗЕД есть

b. В большинстве языков есть много слов иностранного происхождения.

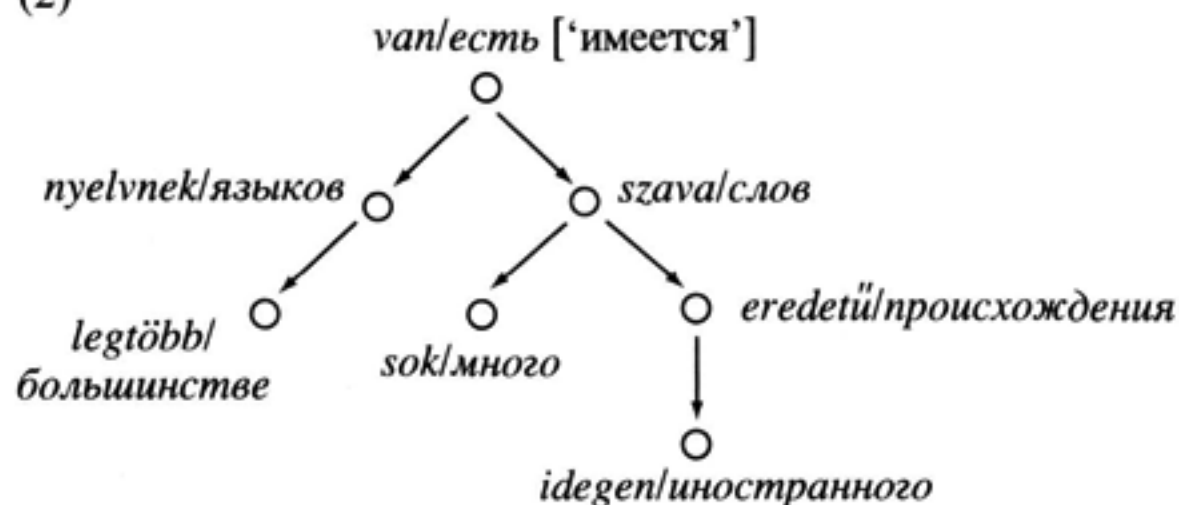
Чтобы система автоматического перевода смогла получить (1b) из (1a), должны быть формально разрешены по крайней мере четыре следующие проблемы:

- Грамматическое число существительных со смыслом ‘язык’ и ‘слово’, которые в венгерском стоят в единственном числе, поскольку к ним присоединен квантификатор (в венгерском языке все квантификаторы требуют единственного числа для квантифицированного существительного), а в русском должны иметь множественное число (так как в русском квантификаторы – за несколькими исключениями, вроде «малых» числительных, – требуют множественного числа для квантифицированного существительного).
- Согласование русского прилагательного *иностранный* с существительным *происхождение*, тогда как в венгерском прилагательные с существительными не согласуются.
- Дательному падежу венгерского существительного NYELV ‘язык’, который требуется глаголом VAN ‘иметься у Y-а’, в русском соответствует предлог В, управляемый глагольной формой ЕСТЬ – эквивалентом венгерского VAN.
- Порядок слов: в ряде случаев венгерские слова предшествуют своим синтаксическим хозяевам, а их русские эквиваленты должны следовать за своими; ср.: *szava van* ⇔ *есть слова*, *eredetű szava* ⇔ *слова ... происхождения*.

Так вот, в то время – равно, как и сейчас, – мне казалось невозможным сформулировать соответствующие правила в терминах структуры составляющих. Описание синтаксической структуры фразы посредством составляющих (phrase structure), которое лингвисты в бывшем СССР, работавшие в области машинного перевода, заимствовали из англо-американских источников, было тогда единственным достаточно известным формализмом. Однако я ясно видел, что перевод с помощью скобочных структур часто невозможен. И в результате моих попыток найти другой путь возникла идея синтаксических зависимостей¹.

Дело в том, что при использовании синтаксических зависимостей все названные выше проблемы перевода данной венгерской фразы решаются легко. Рассмотрим упрощенное дерево зависимостей венгерской и русской фраз (1):

(2)

Если опираться на зависимости между лексемами, то сформулировать правила, обеспечивающие для указанных четырех случаев необходимые изменения при переводе с венгерского на русский, сравнительно несложно. Таким образом, мне стало ясно, что, во-первых, для успешного автоматического перевода необходима – в качестве «посредника» между фразами двух разных языков – синтаксическая структура этих фраз и, во-вторых, эта структура должна быть представлена в терминах зависимостей.

¹ Я, разумеется, был не одинок в поисках альтернативы синтаксису составляющих: по крайней мере, в Германии, Франции и Чехословакии исследователи медленно двигались вперед по той же самой трудной дороге – и по тем же причинам. Интересно, что в США Дэвид Хейс сформулировал в явном виде основные положения зависимостного описания в синтаксисе уже в 1961 году [Haas 1961], но его голос оказался вопиющим в пустыне... Кроме того, описание синтаксической структуры в терминах зависимостей предлагалось спорадически и ранее – в рамках традиционной грамматики, начиная от арабских синтаксистов VIII века и вплоть до Теньера (однако основополагающий труд этого последнего [Tesnière 1959] был в то время еще не опубликован).

1.3. Зависимости и подход Смысл–Текст

Для того чтобы зависимостное представление высказываний на синтаксическом уровне было эффективным, важно следовать трем следующим принципам:

- Исходная точка изучения и описания высказывания есть его семантическое представление. Самое первое, что должен делать лингвист с любым изучаемым выражением, – это дать формальное представление его **смысла**, чтобы затем установить и описать соответствия между выражениями и их смыслами. Речь идет о принципе «Мы говорим то, что думаем!» (т. е. сначала думаем, а потом выражаем нашу мысль).

- Перспектива синтеза является предпочтительной: лингвистическое описание осуществляется в направлении **от смысла к тексту**. Другими словами, лингвист должен моделировать деятельность говорящего, т. е. того, кто производит тексты, а не адресата, который их понимает. Это принцип «Пользоваться языком – значит, прежде всего, говорить!»

- Лингвистическое описание должно быть стратификационным. Каждый тип главных языковых единиц – фразы, предложения и слова – должен быть представлен в **разных аспектах**, специфичных для данного типа, и, соответственно, лингвист должен иметь в своем распоряжении **разные формализмы**. В результате различаются несколько уровней лингвистических представлений, для каждого из которых имеются свои структуры; эти представления связаны формальными правилами лингвистической модели. Более конкретно, имеются семантическое, синтаксическое, морфологическое и фонетическое представления. Здесь мы действуем по принципу «Мухи отдельно, а котлеты отдельно!»².

Итак, зависимости в лингвистических описаниях должны применяться в комплекте с подходом Смысл-Текст.

Из сказанного вытекает, что я не могу ограничиться синтаксическими зависимостями. Поскольку синтаксис – это интерфейс между семантикой и морфологией, синтаксические зависимости следует рассматривать на фоне и в сравнении с другими типами языковых зависимостей.

1.4. Принятые упрощения

В предлагаемой ниже характеристике модели Смысл-Текст допущены два упрощения:

- 1) Самый глубинный уровень представления высказываний – это семантическое представление [= СемП]. Хотя самым верхним (т.е. самым поверхностным) представлением в принципе является фонетическое представление, в примерах, приводимых в данной статье, верхним представлением будет глубинно-морфологическое [= ГМорфП]. Таким образом, вся морфология остается за бортом (дело, в частности, в том, что многие языки – например, вьетнамский или китайский – не имеют или почти не имеют морфологии, так что в самом общем плане от рассмотрения морфологии можно и отказаться).

- 2) Вместо полного лингвистического представления некоторого уровня я ограничусь только его главной структурой. Например, хотя СемП предложения включает в себя четыре структуры – семантическую, семантико-коммуникативную, риторическую и референциальную, здесь будет рассматриваться только его главная, а именно **семантическая структура** [= СемС].

² Это заключительная строка старого еврейского анекдота. Некто заходит в дешевый примитивный ресторан и заказывает котлеты. Ему подают котлеты, на которых валяются дохлые мухи. Посетитель подзывает официанта и жалуется ему. Официант взрывается: – А тогда пошел вон! Если тебе не нравятся наши котлеты, катись на все четыре стороны! – и готовится к оскорблению действием. Посетитель, пытаясь урезонить его: – Вы меня не поняли! Я ничего не имею против ваших котлет, но я хотел бы мухи отдельно, а котлеты отдельно!

Что касается предлагаемых ниже определений, в них учитываются лишь прототипические манифестации определяемых языковых явлений. Тем самым некоторые определения являются неполными, т.е., строго говоря, некорректными. Однако для моей цели в данной статье они достаточны.

2. ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Рассмотрим следующую простую английскую фразу:

(3) *Male lions carefully groom their paws.*

‘Львы-самцы тщательно ухаживают за своими лапами’.

Задача лингвиста состоит в том, чтобы сформулировать систему правил, которые, будучи применены к формальному представлению смысла этой фразы (т. е. к ее СемП-у), строят формальное представление ее физической формы, т. е. ее фонетическое представление [= ФонетП]. Система таких правил для всего языка и есть **лингвистическая модель** этого языка, описывающая соответствие $\{\text{СемП}_i\} \Leftrightarrow \{\text{ФонетП}_j\}$. Как я уже сказал, в моих примерах я останавливаюсь на глубинно-морфологическом представлении [= ГМорфП], опуская более поверхностные представления.

Ниже даются СемС и ГМорфС фразы (3); для упрощения изложения я записываю СемС с помощью русских семантем:

(4) а.

Семантема ‘интенсивно’ представляет лексическую функцию Magn; Magn (УХАЖИВАТЬ) = ТЩАТЕЛЬНО.

Буквальное чтение СемС в (4а):

‘Львы-самцы имеют свойство интенсивно ухаживать за своими лапами’

То же самое в предикатно-аргументной нотации (предикаты набираются с заглавной буквы; индекс «i» указывает кореферентность):

Свойство(Самцы (львы_i); Интенсивно(львы_i; Ухаживать(Лапы (львы_i))))

б. MALE < LION_{PL} < CAREFULLY < GROOM_{IND, PRES, 3, PL} < THEIR < PAW_{PL}

Символ «<» задает линейный порядок лексем.

СемС в (4а) записана в терминах **семантических зависимостей**. Переход от (4а) к (4б) осуществляется через глубинно-синтаксическую и поверхностно-синтаксическую структуры [= ГСинтС и ПСинтС], которые базируются на **синтаксических зависимостях** (см. 5.4). Правила перехода от ПСинтС к ГМорфС используют **морфологические зависимости**. Что же в точности понимается под этими тремя типами зависимостей?

Зависимость есть бинарное отношение, являющееся антирефлексивным, антисимметричным и нетранзитивным; оно будет обозначаться буквой **D** (dependency) и изображаться стрелкой: Хозяин $\circ \longrightarrow \circ$ Зависимый.

Семантическая зависимость [= Сем-D].

СемС записана на формальном языке, базирующемся на языке исчисления предикатов³; ее элементы – **семантемы** (= означаемые лексем) – связаны отношением зависимости. Это **семантическая зависимость**, соответствующая отношению «предикат ~ аргумент»: предикат является семантическим хозяином своих аргументов. Поскольку

³ Я не знаю, существует ли другой формальный язык для описания языковых смыслов. Во всяком случае, все известные мне проекты формальных семантических метаязыков полностью эквивалентны языку исчисления предикатов.

предикатная семантема, как было эмпирически установлено, может иметь максимум шесть аргументов, следует различать шесть отношений семантической зависимости (Сем-**D**): 1, 2, ..., 6. (Номера отношений не передают никакого семантического содержания: см. 4.)

Синтаксическая зависимость [= Синт-D**].**

Поскольку формально СемС – это **сеть**, а МорфС – **цепочка**, то СинтС, назначение которой – служить удобным мостом между СемС и МорфС, должна быть **деревом зависимостей**. Синтаксические зависимости связывают лексемы, стоящие в узлах этого дерева, т.е. СинтС; они имеют две следующие функции:

1) Синт-**D** между элементами словосочетания задает дистрибуцию этого словосочетания внутри предложения, т. е. его способность использоваться в определенной синтаксической позиции. Так, в словосочетании $L_1\text{—синт}\rightarrow L_2$ хозяин ($= L_1$) – это элемент, который употребляется так же, как все словосочетание целиком; другими словами, это словосочетание может подставляться во фразе вместо L_1 , но не вместо L_2 .

2) Синт-**D** определяет линейную позицию зависимого элемента по отношению к его хозяину. Например, в английском, баскском и французском имеются словосочетания типа $\text{Adj}\leftarrow\text{синт}\rightarrow N$; они употребляются как N , а не как Adj , и позиция прилагательного Adj задается относительно управляющего им существительного N , хотя и по-разному в разных языках: в английском Adj предшествует N ; в баскском следует за N ; а во французском прилагательное может быть как перед, так и позади N , в зависимости от ряда условий.

Морфологическая зависимость [= Морф-D**].**

Сем-**D** и Синт-**D** являются языковыми универсалиями: не существует такого языка, в котором бы эти зависимости отсутствовали, и в любом языке не существуют предложения без полной системы указанных зависимостей (каковые охватывают все слова каждого предложения). Что же касается Морф-**D**, то они имеются только в некоторых языках, а именно в тех, для которых характерен феномен согласования или управления. Но даже в языке с морфологией не все слова любого предложения обязаны быть морфологически связанными. Так, в (3) глагол GROOM согласуется с подлежащим $LION_{PL}$, и это единственная морфологическая связь во всей фразе.

Подытожим сказанное.

Сем-**D** имеет место между семантемами, т.е. означаемыми лексем; ' $L_1\text{—сем}\rightarrow L_2$ ' значит ' $L_1(L_2)$ ', т.е. «семантема ' L_2 ' является аргументом предикатной семантемы ' L_1 '».

Синт-**D** имеет место между лексемами как таковыми: $L_1\text{—синт}\rightarrow L_2$ означает, что L_1 определяет дистрибуцию, т.е. пассивную валентность, выражения $L_1\text{—синт}\rightarrow L_2$ внутри предложения (точнее говоря, в СинтС этого предложения). В то же время линейная позиция лексемы L_2 в предложении определяется относительно лексемы L_1 : L_2 либо предшествует L_1 , либо следует за ней, либо может предшествовать или следовать в зависимости от языка и дополнительных контекстных условий.

Морф-**D** имеет место между граммемами и/или синтаксическими признаками лексем: $L_1\text{—морф}\rightarrow L_2$ означает, что граммема или синтаксический признак лексемы L_1 определяет некоторые грамлемы лексемы L_2 .

Сем-**D** и Синт-**D** универсальны; они образуют связные структуры (предложений) и эксплицитно отражены в формальных представлениях предложения – семантических сетях и синтаксических деревьях. Напротив, Морф-**D** не универсальны: они есть далеко не в каждом языке и они не образуют связную структуру (внутри предложения). Поэтому они не имеют эксплицитного отражения в формальных представлениях предложения, а используются лишь в синтаксических правилах, которые обеспечивают морфологизацию синтаксической структуры.

Рассмотренные типы зависимости не исчерпывают все возможные языковые зависимости: так, имеются еще, например, коммуникативные зависимости, которыми я здесь заниматься не буду.

3. ВОЗМОЖНЫЕ КОМБИНАЦИИ ТРЕХ ТИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Логическая автономность указанных трех типов зависимости проявляется в том, что они сочетаются друг с другом: две лексемы L_1 и L_2 одного предложения могут быть связаны любой комбинацией зависимостей из логически возможных 14 комбинаций. Ниже дан обзор всех этих комбинаций.

1. L_1 L_2 :	Между L_1 и L_2 нет никаких зависимостей; например, между НИЖЕ и ЭТОТ (в виде <i>этих</i>) в предыдущей фразе.
2. L_1 –сем→ L_2 :	Между L_1 и L_2 имеется только Сем- D ; например, между ИВАН _{L2} и БОЛЕТЬ _{L1} в <i>Иван начал болеть</i> .
3. L_1 –синт→ L_2 :	Между L_1 и L_2 имеется только Синт- D ; например, между TAKUSAN _{L2} ‘много’ и YOMU _{L1} ‘читать’ в яп. <i>Yoko+wa hon+o takusan yom+u</i> букв. ‘Йоко _{ТЕМА} книгу _{АСС} много читать _{PRES} ’ = ‘Йоко читает много книг’; семантически ‘takusan’ относится к ‘hon’, а морфологически <i>takusan</i> – неизменяемое наречие, синтаксически зависящее от глагола.
4. L_1 –морф→ L_2 :	Только Морф- D между L_1 и L_2 ; ср. IČ _{L1} ‘наш’ и НЕБГНУ-jič _{L2} ‘убежал.наш’ в табасаранском <i>Ič tudur uc^{wh}u+na hebgnu+jič</i> букв. ‘Наш козленок к.вам убежал.наш’, где глагол НЕБГНУ морфологически зависит от местоимения IČ ‘наш’, при отсутствии Сем- D или Синт- D между ними.
5. L_1 –сем→ –синт→ L_2 :	Однонаправленные Сем- D и Синт- D между L_1 и L_2 , без Морф- D ; ср. связи между READ _{L1} и NEWSPAPER _{L2} в <i>John is reading a newspaper</i> .
6. L_1 –сем→ ←синт→ L_2 :	Разнонаправленные Сем- D и Синт- D между L_1 и L_2 , без Морф- D ; ср. INTERESTING _{L1} и NEWSPAPER _{L2} в <i>an interesting newspaper</i> , где NEWSPAPER, Сем-аргумент предиката ‘interesting’, семантически зависит от лексемы INTERESTING, будучи ее синтаксическим хозяином.
7. L_1 –сем→ –морф→ L_2 :	Однонаправленные Сем- D и Морф- D между L_1 и L_2 , без Синт- D ; например, клитика le _{DAT-L2} ‘ему/ей’ в исп. <i>Juan le quiere dar un libro</i> ‘Хуан хочет дать ему книгу’ зависит семантически и морфологически от глагола DAR _{L1} , с которым синтаксической связи она не имеет (синтаксически клитика зависит от глагола-сказуемого QUERER ‘хотеть’, так как она образует с ним одну просодическую группу и ее позиция в предложении определяется по отношению к этому глаголу).
8. L_1 –сем→ ←морф→ L_2 :	Разнонаправленные Сем- D и Морф- D между L_1 и L_2 , без Синт- D ; например, во франц. <i>Marie est devenue belle</i> ‘Мари стала красивой’ MARIE _{L2} зависит семантически от предиката ‘beau’ (= BELLE _{L1}), будучи его аргументом, а BELLE зависит морфологически от MARIE (согласуется в роде и числе).
9. L_1 –синт→ –морф→ L_2 :	Однонаправленные Синт- D и Морф- D между L_1 и L_2 , без Сем- D ; например, AB _{L1} ‘от’ и URBS _{L2} ‘город’ в лат. <i>ab urb+e condita</i> букв. ‘от города основанного’ = ‘от основания города [= Рима]’.
10. L_1 –синт→ ←морф→ L_2 :	Противоположно направленные Синт- D и Морф- D между L_1 и L_2 , без Сем- D ; ср. TEMPERATURE _{L2} и BEGIN _{L1} в <i>Temperature begins to fall</i> : синтаксически TEMPERATURE зависит от BEGIN, а морфологически – наоборот; Сем- D между ними нет (‘temperature←сем–fall←сем–begin’).

11. $L_1 \begin{matrix} \leftarrow \text{сем} \rightarrow \\ \leftarrow \text{синт} \rightarrow \\ \leftarrow \text{морф} \rightarrow \end{matrix} L_2$:	Однонаправленные Сем- D , Синт- D и Морф- D между L_1 и L_2 ; например, <i>вижу</i> _{L1} <i>Маш+у</i> _{ACC-L2} в <i>Я вижу Машу</i> .
12. $L_1 \begin{matrix} \leftarrow \text{сем} \rightarrow \\ \leftarrow \text{синт} \rightarrow \\ \leftarrow \text{морф} \rightarrow \end{matrix} L_2$:	Однонаправленные Сем- D и Синт- D между L_1 и L_2 , при противоположно направленной Морф- D ; например, многоличное согласование глагола-сказуемого в безпадежном языке: в абх. <i>Nadš'a sara i+s+əl+teit' ašwq'</i> 'э букв. 'Надша мне дала книгу', где глагол <i>isəlteit'</i> _{L1} согласуется своими тремя префиксами со всеми неизменяемыми актантами (в лице и роде); семантически и синтаксически актанты зависят от глагола, а морфологически он зависит от них.
13. $L_1 \begin{matrix} \leftarrow \text{сем} \rightarrow \\ \leftarrow \text{синт} \rightarrow \\ \leftarrow \text{морф} \rightarrow \end{matrix} L_2$:	Однонаправленные Сем- D и Морф- D между L_1 и L_2 , при противоположно направленной Синт- D ; например, изафетная конструкция в иранских языках: перс. <i>ketab+e nav</i> 'книга-ИЗАФЕТ новый', где существительное <i>КЕТАВ</i> _{L2} 'книга' – семантический аргумент предиката <i>NAV</i> _{L1} 'новый', от которого и получает морфологический маркер -e, будучи его синтаксическим хозяином.
14. $L_1 \begin{matrix} \leftarrow \text{сем} \rightarrow \\ \leftarrow \text{синт} \rightarrow \\ \leftarrow \text{морф} \rightarrow \end{matrix} L_2$:	Однонаправленные Синт- D и Морф- D между L_1 и L_2 , при противоположно направленной Сем- D ; ср. <i>ИНТЕРЕСНЫЙ</i> _{L2} и <i>КНИГА</i> _{L1} в <i>интересная книга</i> .

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Говоря о семантической зависимости, прежде всего надо подчеркнуть, что в СемС не должно быть разных семантически нагруженных семантических отношений – типа глубинных падежей Филлмора или «семантических ролей» (= «θ-ролей») порождающей грамматики. Эксплицитно указывать в Сем-структуре фразы *Ваня любит Машу*, что лексема *ВАНЯ* (или, точнее, ее семантема) связана с лексемой *ЛЮБИТЬ* (т.е. с семантемой 'любить') Сем-отношением «Экспериенцер», а *МАША* – отношением «Стимул / Объект», логически непоследовательно. В самом деле, «Экспериенцер» – это попросту бинарный предикат 'X испытывает Y', который, строго говоря, в свою очередь требует указания о семантически нагруженных отношениях между ним и его аргументами, каковые, в свою очередь, требуют того же самого, и так далее – без конца. Например:

ЛЮБИТЬ – «Экспериенцер» → *ВАНЯ* ≡ *ЛЮБИТЬ* ← ? – *ИСПЫТЫВАТЬ* – ? → *ВАНЯ* ≡ ...

Это создает бесконечную регрессию, которую можно остановить только произвольным решением о том, какие семантические отношения и при каких условиях должны рассматриваться как непредикаты – или, по крайней мере, как не совсем нормальные предикаты. Однако допущение таких семантических отношений, которые не являются полноценными предикатами, есть *contradictio in adjecto*. Более того, каждый такой «не совсем нормальный» предикат способен выступать и как вполне нормальный, когда он приписан узлу (а не стрелке) семантической структуры. Таким образом, разные Сем-**D** имеют чисто различительную функцию (различая разные аргументы одного предиката с помощью любых произвольных символов, например, номеров) и не несут никакого конкретного содержания. Семантическая роль аргументов данного предиката по отношению к нему задается его семантическим разложением. Например:

'Ваня ← 1 – любить – 2 → Маша' ≈

'Ваня ← 1 – [испытывать сильное **расположение** и половое **влечение**] – 2 → Маша'.

NB: Однако имена «семантических отношений» могут быть использованы неформально – как своего рода полезные сокращения. Так, о лексеме L_1 можно говорить как об «Экспериенцере» по отношению к L_2 , если ' L_1 ' – это первый семантический актанта (= СемА 1) предиката 'испытывать (чувство)' в семантическом разложении лексемы ' L_2 '; L_1 , являющаяся СемА 2 предиката 'чувство ...', может быть описана как «Стимул / Объект» и т.п.

5. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

5.1. Глубинно- vs. поверхностно-синтаксическая зависимость

На уровне синтаксиса мы имеем два подуровня: глубинный, которому соответствует **глубинно-синтаксическое представление** [= ГСинтП] фразы, и поверхностный, которому соответствует **поверхностно-синтаксическое представление** [= ПСинтП]; внутри этих представлений имеются ГСинтС и ПСинтС. ГСинтП универсально – оно одинаково для всех языков; ПСинтС же определяется языком. Разделение синтаксического уровня на два подуровня позволяет делать полезные обобщения в области синтаксиса и формулировать простые и эффективные семантические правила, т.е. правила перехода от СемП к ГСинтП. Например, английский глагол **HELP** требует прямого дополнения (*help*–[the]–**DirO**→*neighbor*), а его русский эквивалент **ПОМОГАТЬ** – косвенного дополнения в дательном падеже (*помогать*–**IndirO**→*сосед+y*); таким образом, мы имеем здесь две разные синтаксические конструкции. Однако на глубинном уровне, где поверхностные различия нерелевантны, эти две конструкции представлены одинаково; они, так сказать, «нормализованы»:

HELP–II→NEIGHBOR и **ПОМОГАТЬ–II→СОСЕД**.

Различение глубинного и поверхностного синтаксических уровней влечет необходимость устанавливать для каждого уровня свой набор синтаксических Синт-**D**: глубинно- vs. поверхностно-синтаксические зависимости, более точно – глубинно-vs. поверхностно-синтаксические отношения [= ГСинтО vs. ПСинтО].

5.2. Глубинно-синтаксические отношения

ГСинтО должны быть независимыми от конкретного языка; все ГСинтО являются необходимыми, а их набор является достаточным в следующем смысле:

Необходимость: Каждое ГСинтО присутствует во многих (или даже во всех) языках.

Достаточность: ГСинтС любого предложения любого языка может быть естественным образом представлена в терминах имеющегося набора ГСинтО.

NB: Последнее утверждение верно только, если мы позволяем себе использовать в ГСинтС **фиктивные лексемы**, предназначенные передавать значения лексического типа, которые имеют некоторые синтаксические конструкции.

Каждое ГСинтО соответствует множеству сходных конкретных синтаксических конструкций разных языков; ГСинтО представляет эти конструкции в более абстрактной форме. ГСинт-отношения – это ориентированные на смысл обобщения специфических конструкций: на ГСинт-уровне различаются только самые общие типы синтаксических зависимостей. (Например, как показано выше, конструкции с прямым дополнением и косвенным дополнением при глаголах со смыслом ‘помогать’ в разных языках в ГСинтС представлены одинаково – посредством ГСинтО II.) Используемые в настоящее время ГСинтО перечислены в Таблице 1.

Таблица 1

Набор ГСинт-отношений

сочинительные ГСинтО		подчинительные ГСинтО									
		слабоподчинительные ГСинтО	сильноподчинительные ГСинтО								
			модификация: аттрибутивные ГСинтО	комплементация: актантные ГСинтО							
COORD 1	QUASI-COORD 2	APPEND 3	ATTR 4	ATTR _{descr} 5	I 6	II 7	III 8	IV 9	V 10	VI 11	II _{dir.sp} 12

Приведенный набор ГСинтО определяется пятью бинарными оппозициями:

1. Сочинение *vs.* подчинение: конструкции, употребляемые для списков (лексических выражений) ~ конструкции для выражений другого типа (не списков). В первом классе – классе **сочинительных** конструкций – имеются два ГСинтО: **COORD**(inative) [*Маша, –COORD→Петя, –COORD→Юра; Москва –COORD→или Тьмутаракань*] и **QUASI-COORD** [*в Москве –QUASI-COORD→на проспекте Вернадского –QUASI-COORD→у родителей*]; конструкции второго класса и соответствующие им ГСинтО являются **подчинительными**.

2. Слабое подчинение *vs.* сильное подчинение: конструкции со слабыми структурными связями ~ конструкции с сильными структурными связями. Первый класс – **слабоподчинительные** конструкции – представлен ГСинтО **APPEND**(itive) [*Миша пришел, –APPEND→к сожалению, поздно. | Миша, ←APPEND→пойди сюда. | Пролепс в языках типа китайского: «Миша ←APPEND→[голова] –болит»*]. Конструкции второго класса – **сильноподчинительные**.

3. Модификация *vs.* комплементация: определительные конструкции ~ актантные конструкции. **Модификацией** является такая Синт-**D** L_1 –синт→ L_2 , которая соответствует обратной Сем-**D** – ' L_1 ←сем– L_2 '; при **комплементации** направление Синт-**D** и Сем-**D** совпадает: L_1 –синт→ L_2 и ' L_1 –сем→ L_2 '. ГСинтО в конструкциях первого класса – это **модификативные** отношения [*работать –ATTR→упорно*], а в конструкциях второго класса – это отношения **актантные** [*Иван ←I –работать –II→над диссертацией*].

4. Ресриктивная модификация *vs.* дескриптивная модификация: конструкции с ресриктивным модификатором ~ конструкции с дескриптивным модификатором. Первый класс – **ресриктивная**, или идентифицирующая, модификация – представлен ГСинтО **ATTR** (которое по умолчанию понимается как ресриктивное): *Он читает только интересные <французские> книги*; второй класс – **дескриптивная**, или квалификативная, модификация – представлен ГСинтО **ATTR_{descr}**: *Эти трое студентов, которые вернулись из Европы, были отправлены на конкурс*.

5. Разные актантные роли: I, II, ..., VI, II_{dir.sp}. Конструкции с актантными ГСинтО делятся на семь классов, в соответствии с максимальным числом ГСинт-актантов, которое может иметь лексическая единица, а именно шесть, плюс специальное отношение для прямой речи («УФ!»)←II_{dir.sp}–ВЗДОХНУТЬ_{ПРОШ}–I→ЮРА ⇔ «Уф», –вздохнул Юра.

5.3. Поверхностно-синтаксические отношения: критерии их установления

Поскольку Синт-**D** – это абстрактные сущности, непосредственно не воспринимаемые ни разумом, ни органами чувств, при установлении набора ПСинтО данного языка необходимо иметь три группы формальных критериев:

А. Критерий наличия синтаксической связи между двумя лексемами L_1 и L_2 данного предложения;

В. Критерии направления синтаксической связи между L_1 и L_2 ;

С. Критерии конкретного типа синтаксической связи между L_1 и L_2 .

• Наличие синтаксической связи: критерий А

Критерий А (просодия и линейный порядок): потенциальное просодическое единство и взаимное расположение лексем в предложении

Две лексемы L_1 и L_2 данного предложения непосредственно связаны некоторым синтаксическим отношением (= L_1 –синт– L_2), если и только если:

- 1) они могут образовывать высказывание данного языка, т.е. **просодическую группу** данного языка вне всякого контекста (например, *к стулу, плещет волна, светлое будущее, или Иван*);
- 2) линейная позиция одной из них в предложении определяется по отношению к другой.

Формальное определение просодической группы дать невозможно: такие группы выделяются на основе интуиции носителей языка. **Просодическая группа языка L**,

или **потенциальная просодическая группа**, – это выражение языка L , которое существует в нем вне всякого контекста; **просодическая группа в предложении S** языка L , или **актуальная просодическая группа**, есть фрагмент предложения S , находящийся между двумя (потенциальными) паузами и имеющий специфический просодический контур. Потенциальная просодическая группа может быть и актуальной просодической группой (в данной фразе), но обратное неверно. Так, во фразе *Для его, так сказать, одностороннего атласа необходим футляр* цепочка *для его* является актуальной просодической группой; это, однако, ни в коем случае не потенциальная просодическая группа русского языка. (Различие между потенциальными и актуальными просодическими группами параллельно различию между словоформами языка и словоформами речи: словоформы языка существуют сами по себе, вне контекста: *деревьями, за, спохватившихся*; словоформы речи возникают в определенном контексте как результат синтаксических операций: франц. *ai* $\Leftarrow$ *à le* |__|/C/ или нем. *Mach' die Tür zu* 'Закрой дверь', из *zumach-(en)* 'закрыть'.)

Пример: в цепочке *на долгие годы* лексемы НА и ГОД_{PL} синтаксически связаны, так как 1) цепочка *на годы* является просодической группой русского языка и 2) лексема НА должна предшествовать лексеме ГОД_{PL}.

Конфигурация L_1 –синт– L_2 , рассматриваемая в реальной фразе, где каждая лексема реализована соответствующей словоформой, т.е. цепочка синтаксически связанных словоформ, есть не что иное, как **словосочетание**.

В принципе «просодическая группа» $\neq$ «словосочетание»; так, в сербской фразе (5) выделенная часть является просодической группой (в данном предложении, но не в языке), однако это не словосочетание (ни в этом предложении, ни в языке). С другой стороны, сербские словосочетания *видео*→*га* 'видевший его' и *сам*→*видео* 'есмы видевший' не являются просодическими группами в этой фразе (хотя в языке это просодические группы):

- (5) *Јуче сам га, као знаш, видео*
 вчера есмь его как знать-наст, 2ЕД видевиши
 'Вчера, как ты знаешь, я его видел'.

(САМ и ГА – клитики, что объясняет их специфическую линейную позицию.)

Аналогичный пример – выделенная цепочка в *У нашего, как вы знаете, директора...*: это просодическая группа, не являющаяся словосочетанием.

• **Направление синтаксической связи: критерии В**

Критерий В1 (синтаксический): пассивная валентность словосочетания

В словосочетании L_1 –синт– L_2 лексема L_1 является синтаксическим хозяином, если пассивная валентность всего сочетания в большей степени определяется пассивной валентностью лексемы L_1 , а не лексемы L_2 .

Так, пассивная валентность словосочетания *на годы* полностью определяется предлогом; отсюда *на*–синт→*годы*.

Если лексемы L_1 и L_2 имеют одинаковые пассивные валентности, критерий В1 не может выделить одну лексему как хозяина; тогда следует применять второй критерий.

Критерий В2 (морфологический): морфологические связи между словосочетанием и его внешним контекстом

В словосочетании L_1 –синт– L_2 лексема L_1 является хозяином, если L_1 определяет граммы лексем, внешних по отношению к данному сочетанию, или если эти внешние лексемы определяют граммы лексемы L_1 .

L_1 называется **морфологической контактной точкой** словосочетания L_1 –синт→ L_2 .

Так, в словосочетании *диван-кровать* критерий В1 не дает никакого ответа (оба компонента – существительные и имеют одинаковую пассивную валентность); однако критерий В2 выделяет в качестве хозяина лексему ДИВАН_(муж): ср. *эт+от* [ЕД.МУЖ] *диван-кровать был+Ø* [ЕД.МУЖ] ..., где внешний элемент согласуется с

ДИВАН_(муж), а не с КРОВАТЬ_(жен) (*эт+а диван-кровать был+а...); отсюда ДИВАН-synt→КРОВАТЬ.

Если и критерий В2 не работает (поскольку L_1 и L_2 имеют одинаковые морфологические свойства или же в данном языке нет морфологии), надо применить третий критерий.

Критерий В3 (семантический): денотат словосочетания

В словосочетании L_1 -синт- L_2 лексема L_1 является хозяином, если денотат этого словосочетания есть вид денотата лексемы L_1 , а не денотата лексемы L_2 .

В словосочетании *noun suffix* хозяином является лексема SUFFIX, так как *noun suffix* обозначает определенный вид суффикса (*suffix*), а не вид существительного (*noun*).

Можно сказать (вслед за [Zwicky 1993: 295–296]), что в словосочетании из двух слов синтаксический хозяин – это слово, являющееся либо детерминантом синтаксического класса всего словосочетания, либо – если синтаксического детерминанта не имеется – детерминантом морфологического поведения словосочетания, либо – если оба предыдущие детерминанта отсутствуют – детерминантом семантического содержания словосочетания.

• **Типы поверхностно-синтаксических отношений: критерии С**

Для каждой конфигурации L_1 -г[?]- L_2 следует определить, каким именно типом ПСинтО связаны соответствующие лексемы. Если хотя бы одно из условий, сформулированных в данных ниже критериях, не выполнено, гипотетическое ПСинтО г[?] должно быть расщеплено на два (или больше) ПСинтО.

Критерий С1 (минимальная пара): отсутствие семантического контраста

Если конфигурация L_1 -г[?]- L_2 может быть реализована двумя семантически противопоставленными словосочетаниями (которые формально различаются лишь синтаксическими средствами выражения, т.е. порядком слов, синтаксической просодией или синтаксическими граммемами), отношение г[?] должно быть расщеплено на два.

В русском языке конфигурация ДЕСЯТЬ←г[?]-КИЛО имеет две поверхностные реализации с разными значениями: *десять кило* vs. *кило десять*. При этом формальное различие между ними – чисто синтаксическое: порядок слов; поэтому гипотетическое ПСинтО г[?] должно быть расщеплено на два разных: ДЕСЯТЬ←количественное-КИЛО ⇔ *десять кило* и ДЕСЯТЬ←аппроксимативно-количественное-КИЛО ⇔ *кило десять*.

Критерий С2 (подставимость в контексте): синтаксическая подставимость

Символ $\Delta_{(X)}$ означает «ПСинт-поддерево, вершина которого – лексема синтаксического класса X».

Любое ПСинтО г языка L должно обладать следующим свойством (= «квазисвойство Кунце»): в L имеется такой синтаксический класс X, отличный от местоимений-субститутов, что для любой конфигурации L -г→ $\Delta_{(Y)}$ в любой ПСинтС замена $\Delta_{(Y)}$ на $\Delta_{(X)}$ (но не обязательно наоборот) не приводит к нарушению правильности этой структуры.

Иначе говоря, для каждого ПСинтО должен иметься прототипический зависимый, который возможен при любом хозяине. Так, в английских конфигурациях *have*-г[?]-*been* и *be*-г[?]-*going* гипотетическое ПСинтО г[?] не обладает указанным свойством: **have*-г[?]-*going* и **be*-г[?]-*been*; поэтому мы имеем здесь два разных ПСинтО: HAVE-perfect-analytical→BE и BE-progressive-analytical→GO.

Критерий С3 (повторимость): повторимость при одном хозяине

ПСинтО г должно быть либо неповторимым (в соответствующем поддереве только одна стрелка типа г может выходить из вершины этого поддерева), либо неограниченно повторимым (из вершины соответствующего поддерева может выходить любое количество стрелок г).

(6) В персидском языке крайне распространены выражения следующего типа:

Ramin+ra←г[?]-*kärd*-г[?]-*bedar*

Рамин DirO сделал пробуждение

букв. 'Рамина [он] сделал пробуждение'. = 'Он разбудил Рамина'.

Эти выражения включают глагольные коллокации *bedar kârd* ‘пробуждение сделал’ = ‘разбудил’ или *dârs dâd* букв. ‘урок дал’ = ‘научил’, в которых именной компонент (BEDAR и DÂRS) похож на прямое дополнение; однако, несмотря на наличие этого компонента, глаголы здесь являются переходными и управляют «настоящим» прямым дополнением (RAMIN), имеющим суффикс *-ra* – стандартный маркер прямого дополнения. Гипотетическое ПСинтО *r[?]* (= гипотетическое прямое дополнение) в таких выражениях может появиться только два раза, т.е. это отношение было бы ограничено повторимым. Поэтому вводятся два разных ПСинтО:

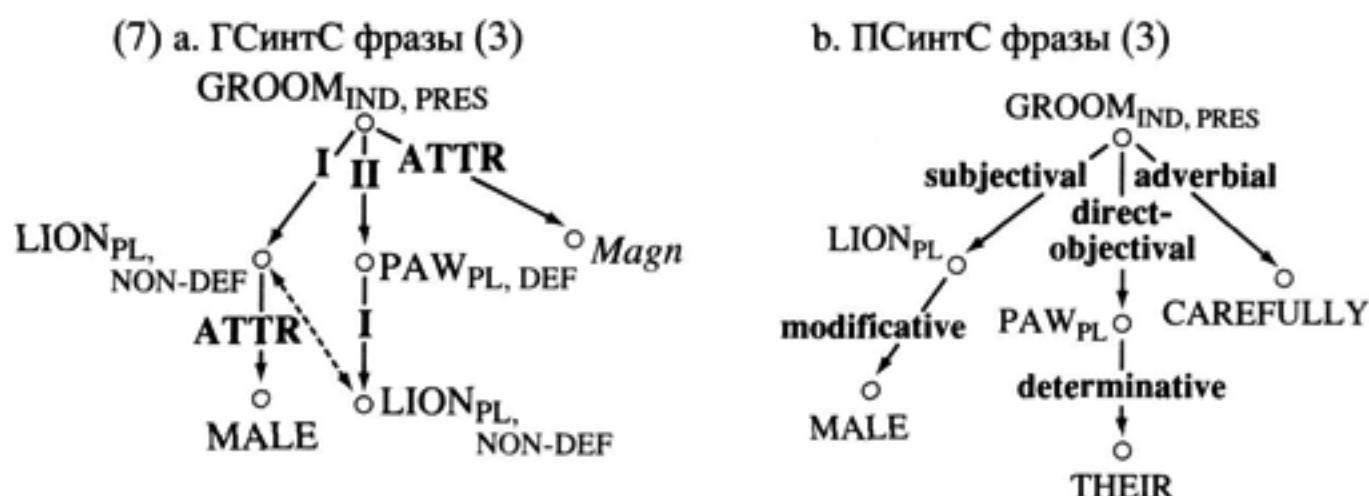
RAMIN←*dir-obj(ectival)*–KÂRD–*quasi-dir-obj*→BEDAR;

именной компонент (= база) в данных коллокациях считается квазипрямым дополнением.

Используя сформулированные критерии (а также во многих случаях действуя по аналогии), мы можем получить для данного языка полный список характерных для него ПСинтО. В Приложении дается список ПСинтО английского языка (составленный на основе работ [Mel’čuk, Pertsov 1987: 85–156] и [Mel’čuk 2009: 52–58]).

5.4. Примеры глубинно- и поверхностно-синтаксических структур

Чтобы проиллюстрировать применение ГСинтО и ПСинтО в практике лингвистических описаний, я приведу ГСинтС и ПСинтС фразы (3).

В ГСинтС (7а) пунктирная двунаправленная стрелка (←-----→) показывает кореферентность.

6. MORFOЛОГИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Два типа морфологической зависимости – согласование и управление – естественным образом описываются в терминах зависимостей (подробнее о согласовании и управлении см. [Mel’čuk 2006: 31–105]). Проиллюстрируем наш подход на примере латинской фразы (8):

(8) *Tu solebas meas esse aliquid putare nugas.*
 ты-НОМ иметь.обычно- мой-ЖЕН.МН.АКК быть-ИНФ нечто-НОМ полагать-ИНФ пустяк-МН.АКК
 вение-2.ЕД
 ‘Ты обычно полагал, что мои пустяки – это нечто’.

Рассмотрим пару произвольных лексем, связанных морфологической зависимостью: $L_1 \leftarrow \text{морф} - L_2$.

6.1. Согласование

Лексема L_1 **согласуется** с лексемой L_2 по словоизменительной категории C_1 , если и только если выполняются оба следующие условия:

1) L_1 не является местоимением-субститутом, заменяющим вхождение лексемы L_2 .

- 2) L_1 получает граммему $g_1 \in C_1$, которая выбирается в зависимости
- либо от граммемы $g_2(L_2)$, такой что $g_2 \in C_2$, причем C_1 сопряжена с C_2 ⁴;
 - либо от синтаксического признака $\Sigma_2(L_2)$, являющегося согласовательным классом, местоименным лицом или местоименным числом.

В предложении (8) имеются два случая согласования:

- $MEUS_{L_1}$ 'мой' согласуется с $NUGAE_{L_2}$ 'пустяки' по роду («жен» – признак синтактики L_2) и по числу / падежу (это граммемы L_2) в данной фразе;
- $SOLERE_{L_1}$ 'иметь обыкновение' согласуется с TU_{L_2} по лицу и числу (это признаки синтактики L_2).

6.2. Управление

Лексема L_1 **управляется** лексемой L_2 ($= L_2$ **управляет** L_1) по словоизменительной категории C_1 , если и только если граммема $g_1 \in C_1$ при лексеме L_1 выбирается в зависимости

- либо от синтаксического признака $\Sigma_2(L_2)$, не являющегося ни согласовательным классом, ни местоименным лицом, ни местоименным числом (стандартный случай);
- либо от граммемы $g_2 \in C_2$ (лексемы L_2), такой что $g_2 \in C_2$ и C_1 не сопряжена с C_2 (специальный случай).

Во фразе (8) имеются следующие случаи управления:

- $SOLERE$ управляет номинативом местоимения $TU_{НОМ}$ и инфинитивом глагола $PUTARE_{ИНФ}$;
- $PUTARE$ управляет аккузативом существительного $NUGAE_{АКК}$ и инфинитивом глагола $ESSE_{ИНФ}$;
- $ESSE$ управляет номинативом местоимения $ALIQUID_{НОМ}$.

7. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ

Теперь я хотел бы остановиться на достоинствах описания синтаксиса в терминах зависимостей. Имеется, по крайней мере, четыре языковых явления, которые удаётся адекватно описать только с помощью зависимостей: диатезы и залоги; лексические функции; перифразирование; порядок слов.

7.1. Диатезы и залоги

Диатезой лексемы L называется соответствие между ее Сем-актантами [= СемА] и ГСинт-актантами. Например, глаголы СЛЕДОВАТЬ и ПРЕДШЕСТВОВАТЬ имеют обратные диатезы: X_I *следует за* $Y_{ОМ_{II}} \equiv Y_I$ *предшествует* $X_{У_{II}}$; соответствующие диатезы могут быть изображены как $X \Leftrightarrow I, Y \Leftrightarrow II$ для СЛЕДОВАТЬ и $X \Leftrightarrow II, Y \Leftrightarrow I$ для ПРЕДШЕСТВОВАТЬ. Такая формулировка, равно как и понятие актанта – на трех разных уровнях (СемА, ГСинтА и ПСинтА [Mel'čuk 2004]), возможна только в рамках зависимостного подхода.

В свою очередь, описание диатез ведет к четкому определению **залога**: залог – это мена диатезы, эксплицитно маркированная грамматическими показателями. В частности, соотношение между активом и пассивом может быть представлено так же, как соотношение между глаголами СЛЕДОВАТЬ и ПРЕДШЕСТВОВАТЬ: X_I *читает* $Y_{II} \equiv Y_I$ *читается* $X_{ОМ_{II}}$. Используя предложенный аппарат, можно построить **исчис-**

⁴ Словоизменительная категория C_1 сопряжена со словоизменительной категорией C_2 , если и только если граммемы C_1 просто «отражают» граммемы C_2 и не делают в языке ничего другого. Например, категория падежа у прилагательного сопряжена с категорией падежа у существительного; категория числа у глагола сопряжена с категорией числа у существительного.

ление залогов; для этого следует выписать все логически возможные мены диатез, основанные на пермутациях ГСинт-актантов лексемы L по отношению к ее Сем-актантам, подавлении ГСинтА и референциальной идентификации Сем-актантов [Mel'čuk 2006: 181–262].

7.2. Лексические функции

Чтобы описать регулярные коллокации типа английских и русских *exert control* / осуществлять контроль, *pursue a policy* / проводить политику или *honor a commitment* / соблюдать обязательство, теория Смысл-Текст предлагает несколько десятков **лексических функций** [= ЛФ]; ср. $\text{Real}_1(\text{CONTROL}) = \text{exert} [\sim]$, $\text{Real}_1(\text{POLICY}) = \text{pursue} [\text{ART}\sim]$, $\text{Real}_1(\text{COMMITMENT}) = \text{honor} [\text{ART}\sim]$. Аналогично, для *empty promise* / пустое обещание, *poor example* / дурной пример и *pipe dream* / несбыточная мечта: $\text{AntiVer}(\text{PROMISE}) = \text{empty}$, $\text{AntiVer}(\text{EXAMPLE}) = \text{poor}$, $\text{AntiVer}(\text{DREAM}) = \text{pipe} [\sim]$. ЛФ применяется к базе коллокации (показана заглавными буквами) и выдает для нее соответствующие **коллокаты**. ЛФ, сопоставленные лексеме в словаре, позволяют осуществить правильный лексический выбор при автоматическом порождении текста или переводе, а также получать простым и элегантным способом перифразы, что часто необходимо для этих операций. Кроме того, они важны для лексикографии, а также чрезвычайно полезны для преподавания и изучения языка.

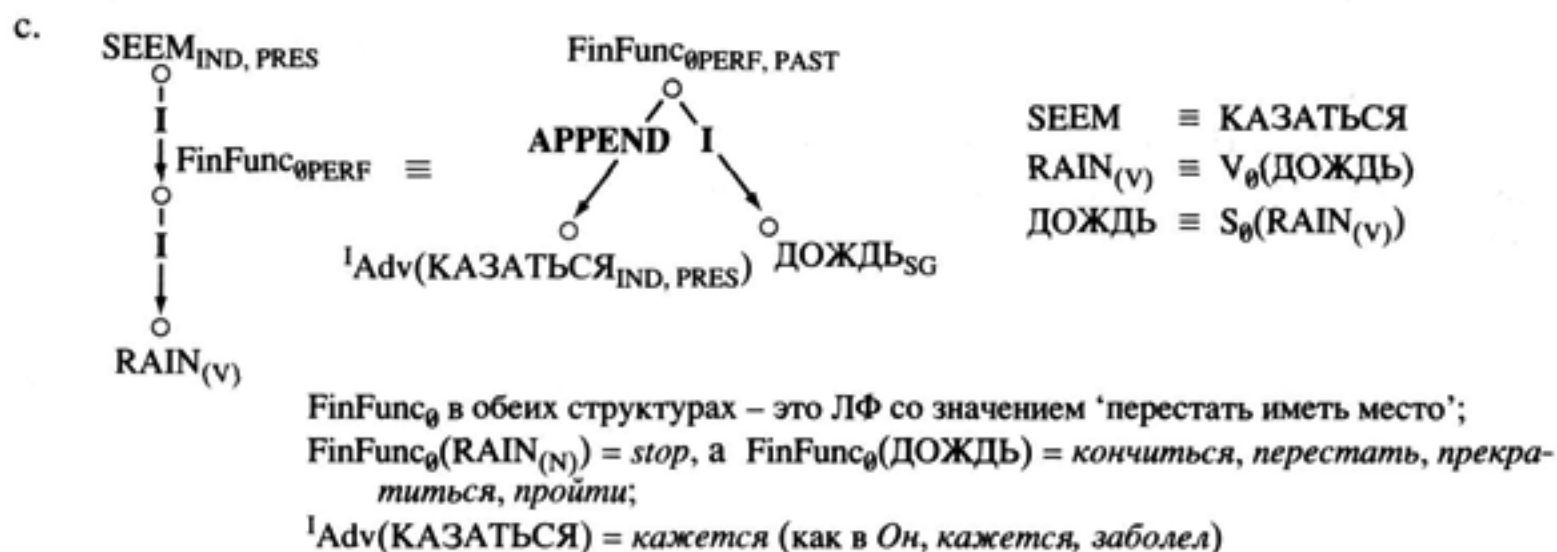
База коллокации и ее коллокаты связаны ГСинт-отношением, характерным для данной ЛФ: $\text{Real}_1(L) - \Pi \rightarrow L$, $L - \text{ATTR} \rightarrow \text{AntiVer}(L)$ и т.д. Таким образом, формализм лексических функций возможен только в рамках зависимостного подхода. (Более подробно о ЛФ см. [Иорданская, Мельчук 2007: 247–279].)

7.3. Перифразирование

Описание синтаксической структуры предложения в терминах зависимостей обеспечивает возможность эффективного **перифразирования**, т.е. исчисления множеств семантически эквивалентных ГСинт-структур. Такие правила перифразирования необходимы при автоматическом переводе из-за лексических, глубинно-синтаксических и морфологических расхождений между семантически эквивалентными предложениями разных языков [Mel'čuk, Wanner 2001; 2006; 2008]. Примером подобных расхождений может служить данная ниже пара фраз, английская и соответствующая ей русская:

- (9) a. *It seems to have stopped raining.*
b. *Дождь, кажется, перестал.*

ГСинтС этих фраз и соответствия между их лексемами даны в (9с):

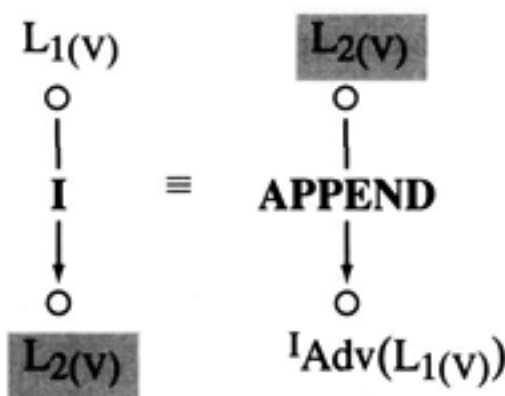

Для перехода от одной из этих ГСинтС к другой необходимы два следующие ГСинт-правила перифразирования (они приводятся здесь с серьезными упрощениями; штри-

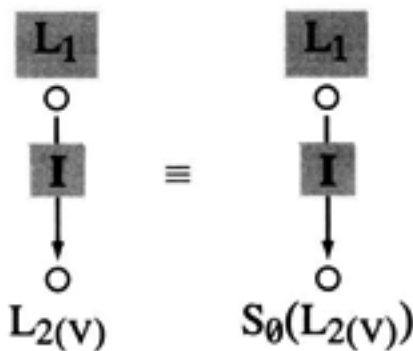
ховкой показан контекст – элементы структуры, не затрагиваемые правилом, но контролирующие его применение):

(10) ГСинт-правила перифразирования

Инверсия зависимостей

Синонимическая подстановка

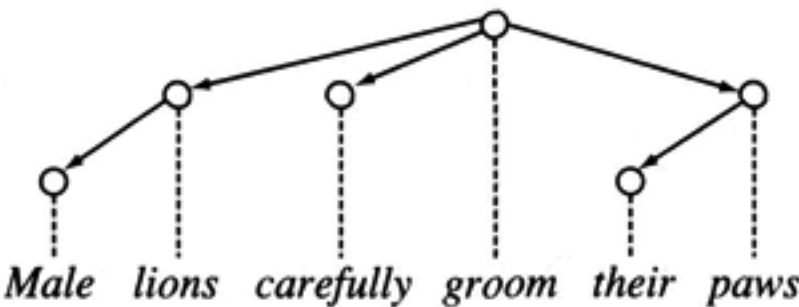
Эти правила формулируются в терминах лексических функций и стандартных ГСинт-преобразований. Благодаря ограниченному числу ЛФ и ГСинтО, с одной стороны, и небольшому числу возможных ГСинт-преобразований, с другой, удастся разработать полный набор правил ГСинт-перифразирования, которые оказываются универсальными, т.е. применимыми ко всем языкам (см. [Мельчук 1974: 149–176; Mel’čuk 1992; Milićević 2007: 245–333]).

7.4. Порядок слов

Одно из самых замечательных универсальных свойств порядка слов в разных языках, называемое **проективностью**, может быть описано естественным образом только в терминах зависимостей.

Порядок слов в предложении *S* является **проективным**, если и только если в проекции ПСинтС(*S*) на *S* ни одна стрелка зависимости не пересекает другую стрелку зависимости или перпендикуляр проекции.

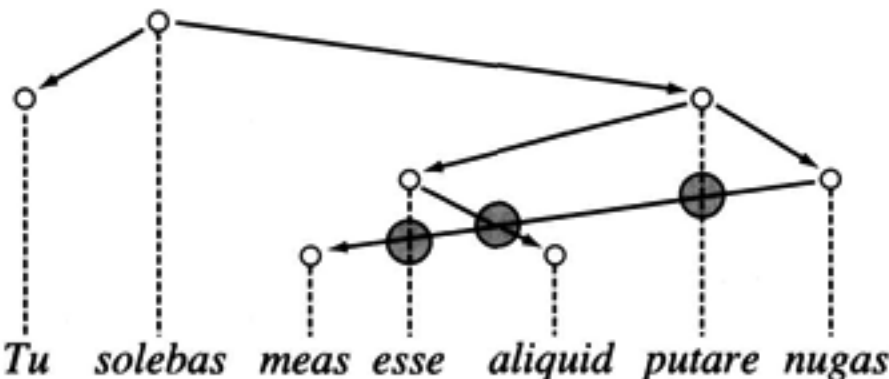
Фраза (3) проективна:

Подавляющее большинство фраз в текстах любых языков проективны, и это позволяет сформулировать простые и общие правила порядка слов.

Тем не менее, непроективные конструкции встречаются в самых разных языках. Так, например, фраза (8) непроективна; в диаграмме (11) заштрихованные кружки отмечают точки нарушения проективности:

(11)

Вот несколько типовых непроективных конструкций из четырех языков:

- (12) a. русск. *общается черт знает с кем*
 b. франц. *le poème dont j'ai oublié le titre* букв. 'стихотворение, которого я забыл заглавие'
 c. англ. *visit the highest building in town* 'посетить самое высокое здание в городе'
 d. нем. *das Buch, das ich lesen will* букв. 'книга, которую я читать хочу'

Эти и другие случаи непроективности непринужденно описываются в терминах зависимостей, тогда как для составляющих они представляют серьезную проблему.

8. ГДЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ НЕДОСТАТОЧНЫ

В настоящий момент я знаю только одно синтаксическое явление, где чисто зависимостное описание недостаточно: это сочинительная конструкция, имеющая такой зависимый (выделен в примере полужирным шрифтом), который может относиться либо ко всему сочинительному словосочетанию (ко всем однородным членам), либо только к одному однородному члену. Вот стандартный пример:

- (13) а. ***старые** мужчины и женщины*
 может значить:
 либо 'старые мужчины' + 'женщины';
 либо 'старые мужчины' + 'старые женщины'.

Указанное семантическое различие не может быть выражено естественным образом в терминах зависимостей. Необходима дополнительная техника: в случае, когда зависимый элемент относится ко всем однородным членам, соответствующее поддерево должно быть эксплицитно указано; см. (13b):

- б. ***старые** ← [—мужчины → и → женщины]*: 'старые мужчины' + 'старые женщины' vs.
***старые** ← —мужчины → и → женщины* : 'старые мужчины' + 'женщины'

9. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ~ СИНТАГМЫ ~ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ~ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

«Классические» составляющие вообще не могут быть частью синтаксической структуры предложения хотя бы уже потому, что, как бы мы их ни определяли, они являются средством выражения этой структуры. Их естественное место – если где и есть, то в глубинно-морфологическом представлении [= ГМорфП] фразы. Однако там они появляются не как составляющие в строгом смысле этого термина, а как указания об актуальных просодических группах: задание пауз, фразовых ударений и интонационных контуров. Фраза (3) имеет ГМорфП (14), с тремя просодическими группами:

- (14) MALE LÍON_{PL} || CÁREFULLY GRÓOM_{IND, PRES, 3, SG} (I) THEIR PÁW_{PL}

Указанные здесь три части фразы не являются составляющими в строгом смысле слова: они не образуют иерархию последовательных вложений.

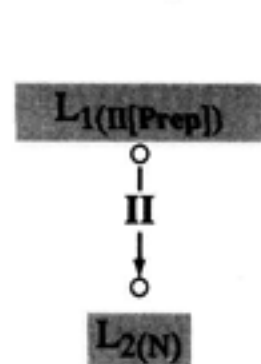
Таким образом, не следует даже обсуждать преимущества представления синтаксической структуры фразы в терминах зависимостей по сравнению с ее представ-

лением в терминах составляющих: представление СинтС строго и исключительно в терминах составляющих, т.е. без задания зависимостей, попросту невозможно. В то же время, задание зависимостей достаточно для получения составляющих или их аналогов.

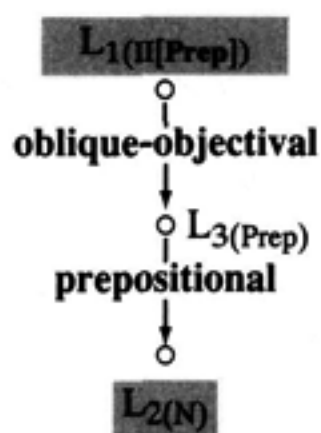
Тем не менее, для описания синтаксических явлений необходимы некоторые аналоги составляющих: я имею в виду понятия «словосочетания» и «синтаксической группы», которые примерно соответствуют английскому «phrase» (но не в смысле «составляющая»). О словосочетаниях речь уже шла выше; чтобы ввести синтаксические группы, необходимо понятие **синтагмы**. Различаются два типа синтагм: потенциальные, или синтагмы языка, и актуальные, или синтагмы речи.

• **Потенциальная синтагма** – это абстрактная схема некоторых реальных синтаксических конструкций данного языка. Она записывается в терминах частей речи и синтаксических признаков, как, например, $N \leftarrow V_{FIN}$, $V \rightarrow N$, $A \leftarrow N$, $Prep \rightarrow N$, $Adv \leftarrow V$ и т.п.; она обязательно минимальна, т.е. бинарна. Потенциальные синтагмы не выступают в каких-либо языковых представлениях, а используются в синтаксических правилах, как глубинных, так и поверхностных. Вот, например, два синтаксических правила русского языка:

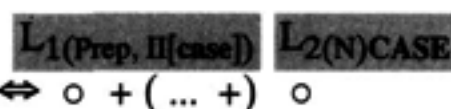
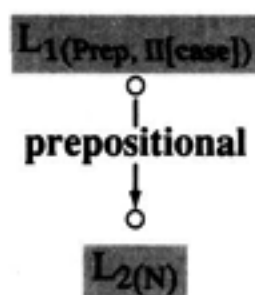
ГСинт-правило

⇔

ПСинт-правило

и $L_1 \Rightarrow \text{No.2}(\text{МСГ}_{(N)})$,
 $L_2 \Rightarrow \text{No.7}(\text{МСГ}_{(N)})$

«МСГ» означает 'минимальная синтаксическая группа', см. ниже; п° 2 и п° 7 отсылают к позициям 2 и 7 в обойме соответствующей МСГ.

Левая часть любого синтаксического правила – это потенциальная синтагма, соответственно, глубинная или поверхностная. Правые же части у правил разных уровней разные. Правая часть ГСинт-правила задает соответствующее ПСинт-поддерево. Правая часть ПСинт-правила предоставляет информацию о линейном порядке элементов синтагмы, а именно – об их взаимном расположении, о возможном промежутке между ними и об их месте в соответствующей обойме **М**(инимальной) **С**(интаксической) **Г**(руппы). Например, обойма $\text{МСГ}_{(N)}$ для русского языка выглядит следующим образом:

Таблица 2

Обойма именной МСГ для русского языка

1	2	3	4	5	6	7	8
сочин. союз	предлог	указат. местоимение	числительное	притяж. прилагат.	прилагательное	существительное	формула
ИЛИ	ДЛЯ	ЭТИ	ТРИ	НАШ	ИНТЕРЕСНЫЙ	ПРИМЕР	(11)

или для этих трех наших интересных примеров (11)

Актуальная синтагма – это конкретный фрагмент предложения данного языка, как, например, *Иван отдыхает, отдыхаем от Ивана, для его процветания, не сумел как следует отдохнуть* и т. д. Эти синтагмы бывают простые (= минимальные,

т.е. состоящие из двух лексем) или сложные (= включающие любое количество лексем). Актуальная синтагма представляет собой поддерево ПСинтС или ее линейную проекцию, которая и есть словосочетание.

Приведенное выше ГСинт-правило покрывает такие актуальные синтагмы, как *зависеть от Юры*, *ссориться с соседями* или *спешить в город*; в частности, оно производит их ПСинтС:

ЗАВИСЕТЬ-П → ЮРА ⇔ ЗАВИСЕТЬ-косвен.-дополн. → ОТ-предложное → ЮРА

ПСинт-правило обеспечивает линейризацию и морфологизацию соответствующих поддеревьев: *зависеть от Юры* и т. д.

Актуальная синтагма соответствует, по большей части, просодической группе, однако, как было сказано, это единицы совершенно различной природы. Так, фраза (8) имеет ГМорфП (15a), включающее четыре просодические группы, но только три актуальные синтагмы в (15b):

(15) а. ГМорфП фразы (8)

$TU_{NOM} < SOLERE_{IND, IMPF, 2, SG} | < MEUS_{FEM, PL, ACC} | < ESSE_{INF} < ALIQUID_{NOM} | < PUTARE_{INF} < NUGA_{PL, ACC}$

б. *tu solebas putare, meas nugas, esse aliquid*

10. ПАРАДОКС РАССТАНОВКИ СКОБОК («BRACKETING PARADOX»)

Описание английских выражений типа *historical novelist* или *nuclear physicist* в рамках некоторых синтактико-морфологических теорий представляет собой серьезную проблему. Трудность состоит в том, что суффикс *-ist* относится, так сказать, не просто к основе имени существительного, а к сочетанию этой основы с предыдущим прилагательным:

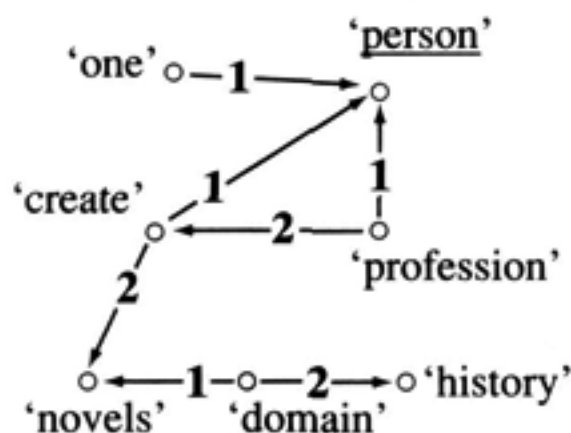
[historical novel]+ist ‘человек, профессия которого – создавать + исторические романы’;

[nuclear physics]+ist ‘человек, профессия которого – работать в + ядерная физика’.

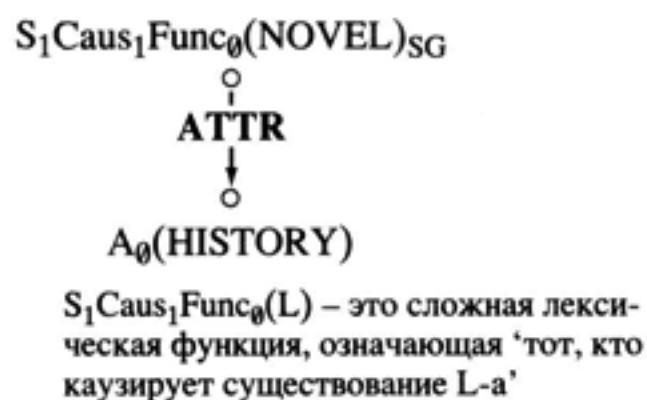
Это явление известно под именем «bracketing paradox», т.е. парадокс расстановки скобок [= ПРС]⁵; оно полностью определяется применением составляющих. Однако в рамках теории Смысл-Текст, где составляющих нет, указанная трудность преодолевается совсем легко; точнее говоря, она просто не является трудностью.

Формальное описание соответствия между значением и структурой таких словосочетаний состоит из двух частей: представлений рассматриваемого словосочетания на разных уровнях и правил соответствия между этими представлениями. Ниже даются СемС, ГСинтС, ПСинтС и ГМорфС словосочетания *historical novelist* (более поверхностные представления для данной проблемы нерелевантны).

СемС словосочетания *historical novelist*

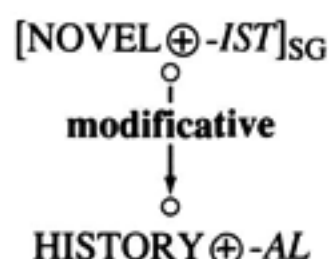

ГСинтС словосочетания *historical novelist*

⁵ Я признателен Т.М. Гроссу, от которого я узнал о ПРС.

ПСинтС словосочетания *historical novelist*

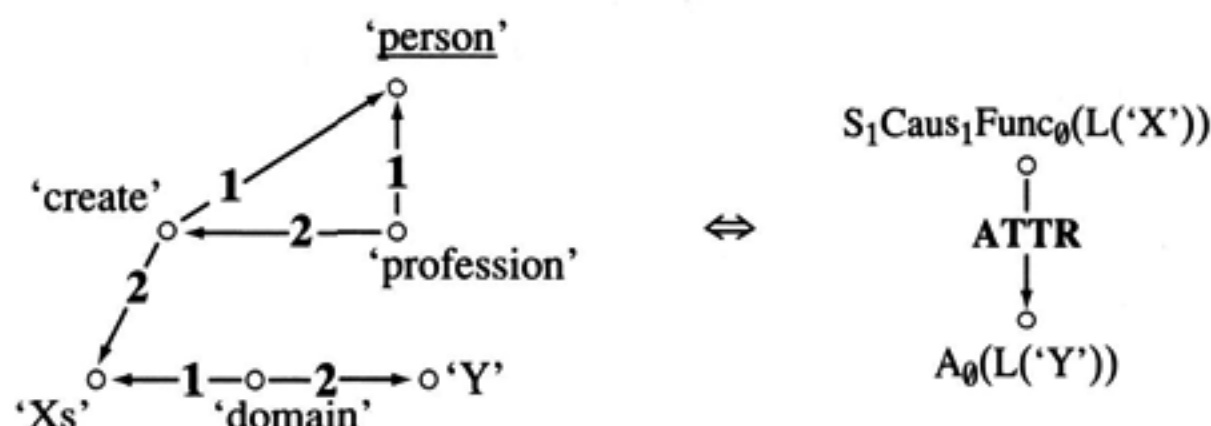

ГМорфС словосочетания *historical novelist*

$\text{HISTORY} \oplus -\text{AL} < [\text{NOVEL} \oplus -\text{IST}]_{\text{SG}}$

Теперь зададим правила соответствия.

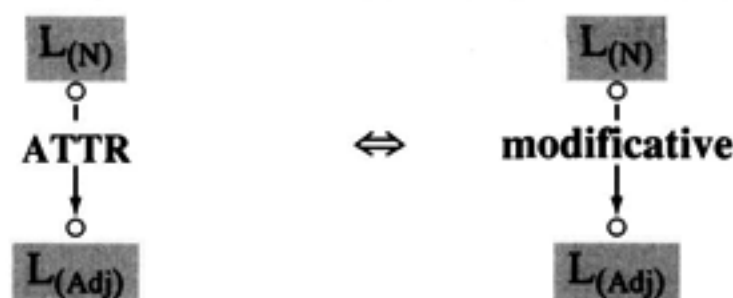
Семантическое правило (СемС $\Leftrightarrow$ ГСинтС)

Глубинно-синтаксические правила (ГСинтС $\Leftrightarrow$ ПСинтС)

$S_1\text{Caus}_1\text{Func}_0(\text{NOVEL}) \Leftrightarrow \text{NOVEL} \oplus -\text{IST}$

$A_0(\text{HISTORY}) \Leftrightarrow \text{HISTORY} \oplus -\text{AL}$

Итак, при нашем подходе никакого парадокса не наблюдается. Мораль: если вы не хотите парадоксов, не создавайте их неудачным выбором языка описания!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После этого длинного текста я могу ограничиться очень коротким заключением. Для описания структуры языковых выражений на всех уровнях необходимы и достаточны зависимости между элементами данных выражений. Составляющие (в классическом смысле этого термина) не могут использоваться в языковых представлениях; существуют, разумеется, просодические группы, которые указываются в глубинно-морфологическом представлении фразы. Что же касается синтаксических группировок разного типа, то они используются только в синтаксических правилах – в виде синтагм и синтаксических групп⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПСинт-отношения английского языка

I. Подчинительные ПСинтО: 1–51

ПСинтО, связывающие члены предложения: 1–21

Эти ПСинтО имеют место между вершинами максимальных (= насыщенных) синтаксических групп.

⁶ Текст настоящей статьи был прочитан Ю. Апресяном, Д. Беком, Л. Ваннером, М. Гловинской, Л. Иорданской, С. Кааном и Я. Миличевич – и снова Л. Иорданской. Я выражаю всем им мою сердечную признательность за конструктивную критику и полезные соображения.

Актантные ПСинТО

1. Subjectival:

I←**subj**→*am old*. *Intervention*←**subj**→*seems out of the question*.

Smoking←**subj**→*is [dangerous]*. *That*←**subj**→*[Alan can do that]→is [clear]*.

It←**subj**→*is [clear that Alan can do that]*.

2. Quasi-Subjectival:

[It←subj]→is [clear]→quasi-subj→that [Alan can do that].

3. Direct-Objectival:

sees→**dir-obj**→*me*; *[to have] written*→**dir-obj**→*novels*

[Helen] wants→**dir-obj**→*Alan* *[to read]*; *worth*→**[a]→dir-obj**→*trip*

explain→**[to him]→dir-obj**→*that [Alan was absent]*

make→**dir-obj**→*it* *[possible]*

make→**dir-obj**→*it* *[possible to neutralize the consequences]*

make→**[possible]→dir-obj**→*to* *[neutralize the consequences]*

4. Quasi-Direct-Objectival:

make→**[it possible]→quasi-dir-obj**→*to* *[neutralize the consequences]*

5. Indirect-Objectival:

gives→**indir-obj**→*Alan/him* *[some money]*;

convince→**[Alan]→indir-obj**→*that* *[he should work less]*

6. Oblique-Objectival:

depends→**obl-obj**→*on* *[Alan]*; *my respect*→**obl-obj**→*for* *[Alan]*

translation→**obl-obj**→*from* *[Lushootseed into Polish]*

translation→**[from Lushootseed]→obl-obj**→*into* *[Polish]*

7. Infinitival-Objectival:

can→**inf-obj**→*read*; *want*→**inf-obj**→*to* *[read]*;

[Helen] wants→**[Alan]→inf-obj**→*to* *[read]*.

[Helen] makes→**[Alan]→inf-obj**→*read*; *[her] desire*→**inf-obj**→*to* *[come home]*

8. Completive:

find→**[this]→compl**→*easy*; *consider*→**[Alan]→compl**→*happy*

make→**[it]→compl**→*possible*; *make*→**[Helen a good]→compl**→*wife*

9. Copular:

be→**copul**→*easy*; *be*→**[a]→copul**→*teacher*; *be*→**copul**→*without* *[a hat]*

seem→**copul**→*in* *[a difficult position]*

10. Agentive:

written→**agent**→*by* *[Alan]*; *arrival*→**agent**→*of* *[Alan]*

shooting→**agent**→*of* *[the hunters: 'the hunters shoot']*

[a] translation→**agent**→*by* *[Alan]*; *[I like] for*←**agent**→*[Alan to]→play* *[cards]*.

11. Patientive:

translation→**patient**→*of* *[this text]*; *shooting*→**patient**→*of* *[the hunters: 'the hunters shot']*

Копредикативные ПСинТО

12. Subject-copredicative:

[Alan] returned→**subj-copred**→*rich*.

13. Object-copredicative:

[Alan] likes→**[Helen]→obj-copred**→*slim*;

[Alan] hammered→**[the coin]→obj-copred**→*flat*

Сравнительные ПСинТО

14. Comparative:

older→**compar**→*than* *[Leo]*; *[Alan loves Helen] more*→**compar**→*than* *[Leo]*

more→**[important]→compar**→*than* *[Leo]*; *as*→**[important]→compar**→*as* *[Leo]*

Невалентные ПСинТО: модификация

Абсолютивные ПСинТО

15. Absolute-predicative:

[His first] attempt-[a]-abs-pred→*failure*, [Alan ...]

[He went out, his]-anger-abs-pred→*gone*. [He ran, his]-gun-abs-pred→*in* [his left hand].

Адвербиальные ПСинТО

16. Adverbial:

walk-**adverb**→*fast*; delve-**adverb**→*deeply*; [He] works-**adverb**→*there* (in [this office]).

[will] write-[next]-**adverb**→*week*; [He] ran,-[his]-**adverb**→*gun* [in his left hand].

With←**adverb**-[her paper finished, Helen]-can [afford this trip].

17. Modificative-adverbial:

[As always] *elegant*,←**mod-adverb**-[Alan]-walked [away].

18. Appositive-adverbial:

[An old] *man*,←**appos-adverb**-[Alan]-works [less].

19. Attributive-adverbial:

Abroad,←**attr-adverb**-[Alan]-works [less].

Сентенциальные ПСинТО

20. Parenthetical:

Oddly,←**parenth**-[Alan] works [less]. [Alan,] *naturally*,←**parenth**-accepted [the offer].

As←**parenth**-[we have known for some time, Alan]-works [less].

To←**parenth**-[give an example, I]-consider [now nominal suffixes].

21. Adjunctive:

OK,←**adjunct**-[I]-agree.

ПСинТО, связывающие элементы синтаксических групп: 22–51

Эти ПСинТО имеют место внутри членов предложения, т.е. внутри насыщенных групп.

ПСинТО в любых группах

Невалентные ПСинТО: модификация

22. Restrictive:

still←**restr**-taller; *most*←**restr**-frequent; *not*←**restr**-here;

[Alan] *just*←**restr**-arrived.

ПСинТО в именных группах

Валентные ПСинТО: комплементация

23. Elective:

[the] poorest-**elect**→*among* [peasants]; [the] best-[ones]-**elect**→*of* (from) [these boys]

five-**elect**→*of* these books; [the] most-[expensive car]-**elect**→*in* [France]

ПСинТО смешанных типов = валентные и невалентные: модификация

24. Possessive:

Alan's←**poss**-arrival; Alan's←**poss**-bed; Alan's←**poss**-garden

25. Compositive:

man←**compos**-[machine]-interaction; car←**compos**-repair

noun←**compos**-phrase; color←**compos**-blind

Невалентные ПСинТО: модификация

26. Determinative:

my←**determ**-bed; a←**determ**-bed; those←**determ**-beds

27. Quantitative:

three←**quant**-beds; [three←**num-junct**]-thousand←**quant**-people

28. Modificative:

comfortable←**modif**-beds; visible←**modif**-stars; French←**modif**-production

29. Post-modificative:

[all the] stars-**post-modif**→*visible* [vs. visible stars]

30. Descriptive-modificative:

[these] beds, -**descr-modif**→*comfortable* [and not expensive,] ...

31. Relative:

[the] paper-[that I]-**relat**→*read* [yesterday]; [the] paper-[I]-**relat**→*read* [yesterday]
the girl-[who]-**relat**→*came* [first]

32. Descriptive-relative:

[this] paper-[which I]-**descr-relat**→*read* [yesterday]
Alan,-[who]-**descr-relat**→*loves* [her so much]

33. Appositive:

Alan-[the]-**appos**→*Powerful*; General←**appos**-Wanner; [the] term-**appos**→'suffix'

34. Descriptive-Appositive:

[This] term-**descr-appos**→('suffix') [will be considered later].
[You forget about] me,-[your]-**descr-appos**→*mother*

35. Sequential:

man-**sequent**→*machine* [interaction]; fifty-**sequent**→*to* [seventy dollars]

36. Attributive:

learners-**attr**→*with* [different backgrounds]; dress-**attr**→*of* [a beautiful color]
years-**attr**→*of* [war]; [the] bed-**attr**→*of* [Alan]; [a] man-[the same]-**attr**→*age*

37. Descriptive-attributive:

[Professor] Wanner,-**descr-attr**→*from* [Stuttgart, was also present].

ПСинТО в предложных группах

Валентные ПСинТО: комплементация

38. Prepositional:

in-**prepos**→*bed*; without-[three hundred]-**prepos**→*dollars*; [a] year←**prepos**-ago

39. Prepositional-infinitival:

to-**prepos-inf**→*go* [to bed]

ПСинТО в глагольных группах (= аналитические формы)

Невалентные ПСинТО: вспомогательные

40. Perfect-analytical:

has-**perf-analyt**→*written*; has-**perf-analyt**→*been* [beaten]

41. Progressive-analytical:

was-**progr-analyt**→*writing*

42. Passive-analytical:

was-**pass-analyt**→*written*

ПСинТО в союзных группах

Валентные ПСинТО: комплементация

43. Subordinate-Conjunctive:

[Suppose] that-[Alan]-**subord-conj**→*comes*
[so] as-[not]-**subord-conj**→*to* [irritate Leo]

44. Coordinate-Conjunctive:

[Alan] and-**coord-conj**→*Helen*

45. Comparative-Conjunctive:

than-**compar-conj**→*Helen*; as-**compar-conj**→*always*

46. Absolute-conjunctive:

If-[a]-**abs-conj**→*pronoun*, [the grammatical subject may ...]; while-**abs-conj**→*in* [bed]

ПСинТО в словоподобных группах

Невалентные ПСинТО: вспомогательные

47. Verb-junctive:

give-**verb-junct**→*up*; bring-**verb-junct**→*down*

48. Numeral-junctive:

fifty←**num-junct**-three; fifty←**num-junct**-third

49. Binary-junctive:

if–[...]**bin-junct**→*then* ...; *the*–[*more*...]**bin-junct**→*the* [*more* ...]; *till*–**bin-junct**→*after*;
from–[...]**bin-junct**→*to* [...]; *either*–[...]**bin-junct**→*or* [...]

50. Pronominal-junctive:

[*bought it God*] *knows*←**pron-junct**–*where* ...;
[*He met you'll never*] *guess*←**pron-junct**–*whom*

51. Colligative:

[*is*] *dealt*–**collig**→*with* [«осиротевшие» предлоги]

II. Сочинительные ПСинтО: 52–53

Невалентные ПСинтО: сочинение

52. Coordinative:

Alan–**coord**→*and* [*Leo*]; *rich*,–**coord**→*intelligent*–**coord**→*and* [*beautiful*]

53. Quasi-coordinative:

[*He was*] *abroad*–**quasi-coord**→*without*–[*a penny*]–**quasi-coord**→*in* [*a desperate situation*]

[*These moneys we keep hidden*]... *under*–[*a loose board*]–**quasi-coord**→*under*–[*the floor*–**quasi-coord**→*under*–[*a chamber pot*]–**quasi-coord**→*under* [*my friend's bed*]
(T. Capote. «A Christmas Memory»)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иорданская, Мельчук 2007 – Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

Мельчук 1957 – И.А. Мельчук. О некоторых вопросах МП с венгерского языка на русский // Бюллетень объединения по проблемам МП. 1957. 4. (Более детальное и более доступное описание системы венгерско-русского машинного перевода дается в И.А. Мельчук. О машинном переводе с венгерского языка на русский // Проблемы кибернетики. 1958. 1)

Мельчук 1963 – И.А. Мельчук. Автоматический анализ текстов (на материале русского языка) // Славянское языкознание. М., 1963.

Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей типа «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

Iordanskaja, Mel'čuk 2009 – L. Iordanskaja, I. Mel'čuk. Establishing an inventory of surface-syntactic relations: valence-controlled surface-syntactic dependents of the verb in French // A. Polguère, I. Mel'čuk (eds.). Dependency in linguistic description. Amsterdam; Philadelphia, 2009.

Hays 1961 – D. Hays. Grouping and dependency theories // H.P. Edmundson (ed.). Proceedings of the National symposium on machine translation. Englewood Cliffs (NJ), 1961.

Kahane 2003 – S. Kahane. The Meaning-Text theory // V. Agel, L. Eichinger, H.-W. Eroms, P. Hellwig, H.J. Herringer, H. Lobin (eds.). Dependency and valency. An international handbook of contemporary research. V. 1. Berlin; New York, 2003.

Mel'čuk 1979 – I. Mel'čuk. Studies in dependency syntax. Ann Arbor (MI), 1979.

Mel'čuk 1981 – I. Mel'čuk. Meaning-Text models: a recent trend in Soviet linguistics // Annual review of anthropology. 1981. V. 10.

Mel'čuk 1988 – I. Mel'čuk. Dependency syntax: theory and practice. Albany (NY), 1988.

Mel'čuk 1992 – I. Mel'čuk. Paraphrase et lexique: la théorie Sens-Texte et le Dictionnaire explicatif et combinatoire // Mel'čuk et al. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.

Mel'čuk 1997 – I. Mel'čuk. Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale au Collège de France. Paris, 1997.

Mel'čuk 2002 – I. Mel'čuk. Language: Dependency // N. Smelser, P. Baltes (eds.). International encyclopedia of the social and behavioral sciences. Oxford, 2002.

Mel'čuk 2003 – I. Mel'čuk. Levels of dependency in linguistic description: concepts and problems // V. Agel, L. Eichinger, H.-W. Eroms, P. Hellwig, H.J. Herringer, H. Lobin (eds.). Dependency and valency. An international handbook of contemporary research. V. 1. Berlin; New York, 2003.

Mel'čuk 2004 – I. Mel'čuk. Actants in semantics and syntax. I: Actants in semantics // Linguistics. 2004. 42 (1); II: Actants in syntax // Linguistics. 2004. 42 (2).

- Mel'čuk 2006 – *I. Mel'čuk*. Aspects of the theory of morphology. Berlin; New York, 2006.
- Mel'čuk 2009 – *I. Mel'čuk*. Dependency in natural language // A. Polguère, I. Mel'čuk (eds.). Dependency in linguistic description. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
- Mel'čuk 2011 – *I. Mel'čuk*. Word order in Russian // И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2011.
- Melčuk, Pertsov 1987 – *I. Mel'čuk, N. Pertsov*. Surface syntax of English. A formal model within the Meaning-Text framework. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Mel'čuk, Wanner 2001 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Towards a lexicographic approach to lexical transfer in machine translation (illustrated by the German-Russian language pair) // *Machine translation*. 2001. 16 (1).
- Mel'čuk, Wanner 2006 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Syntactic mismatches in machine translation // *Machine translation*. 2006. 20 (2).
- Mel'čuk, Wanner 2008 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Morphological mismatches in machine translation // *Machine translation*. 2008. 22 (3).
- Milićević 2007 – *J. Milićević*. La paraphrase. Modélisation de la paraphrase langagière. Bern, 2007.
- Tesnière 1959 – *L. Tesnière*. Esquisse de syntaxe structurale. Paris, 1959. [Русск. пер.: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.]
- Zwicky 1993 – *A. Zwicky*. Heads, bases and functors // G. Corbett, N. Fraser, S. McGlashan (eds.). Heads in grammatical theory. Cambridge, 1993.

Сведения об авторе:

Игорь Александрович Мельчук
 Université de Montréal
 igor.melcuk@umontreal.ca

© 2012 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПОДРАЗУМЕВАЕМЫЙ СУБЪЕКТ

Исследование подразумеваемых субъектов неопределенно-личного и обобщенно-личного предложения показало, что русской грамматике не хватает такого важного понятия как «иллокутивное местоимение» – личное местоимение, обозначающее говорящего и адресата, но не третье лицо. Следующий шаг – иллокутивное местоимение в обобщающем употреблении (когда, например, *ты* фактически означает ‘я’: *Ну что ты будешь делать!*), и дальше – «иллокутивный нуль» как нулевой аналог иллокутивного местоимения в обобщающем употреблении (*Ничего не подделаешь!*). Именно иллокутивный нуль является субъектом односоставного обобщенно-личного предложения. «Третьеличный нуль», подразумеваемый субъект неопределенно-личного предложения, противопоставлен иллокутивному нулю, но отличается и от нулевого аналога местоимения 3 лица, поскольку не просто отсылает к участнику 3 лица, а выражает понижение в коммуникативном ранге.

Посвящается памяти Татьяны Вячеславовны Булыгиной

В русской грамматической традиции различается два типа односоставных личных предложений, т. е. предложений, которые, имея сказуемое, не имеют синтаксически выраженного подлежащего, но не являются при этом ни неполными, ни безличными. Это неопределенно-личные предложения (такие как *В большом доме напротив играли на рояле*) и обобщенно-личные (такие как *На всех не угодишь*), см. [Пешковский 1938/2000: 370–376; Грамматика 1954: 5–12].

В [Грамматика 1954] предложения типа *Цыплят по осени считают* отнесены к обобщенно-личным – предположительно, на базе семантического критерия, поскольку в них налицо обобщение. Это решение неудачное (хотя оно принято во многих вузовских и школьных учебниках русского языка). Более обоснованным является деление (см., например, в [Булыгина 1990; Шелякин 1991]), ориентированное на формальный признак, – который в конечном счете оказывается и семантически значимым. А именно, к неопределенно-личным естественно отнести все односоставные предложения, в которых сказуемое имеет форму 3 лица мн. числа, – в том числе, и такое, как *Цыплят по осени считают*, которое выражает общее суждение.

Что касается обобщенно-личных предложений, то они не образуют синтаксически единого класса: их основу составляют односоставные предложения со сказуемым во 2 лице (пример выше) или в 1 лице мн. числа (*Что имеем, не храним*). Но сюда же относят и предложения с подлежащими-местоимениями 2 и 1 лица в обобщенном значении, которые являются двусоставными (*Ну что ты подделаешь с бессовестными людьми!*). В [Грамматика 1980: § 2251], используется более корректный термин – «предложения с обобщенно-личным значением». Термин «неопределенно-личное предложение» понимается в [Грамматика 1980] в формальном и, тем самым, в широком смысле: в число неопределенно-личных включаются, в частности, предложения *С модой не спорят*; *Предателю руки не подают* (§ 2514); *Его уважают*; *Эти ягоды не едят*; *Поэтов у нас любят* (§ 2515); *В школе этому не учат* (§ 2516).

Как мы увидим, грамматическое лицо подразумеваемого субъекта играет важную роль в семантике неопределенно-личного предложения. И то, что одни неопределенно-личные предложения выражают частное суждение с неопределенным субъектом (*У меня украли паспорт*), а другие – общее (*Победителей не судят*), не препятствует их объединению в одном классе. В самом деле, странно было бы, как предлагается в [Гак 1991: 82], относить предложение *Это едят без хлеба* к обобщенно-личным, а *Это ели без хлеба* – к неопределенно-личным: оба предложения подразумевают субъект 3 лица, и на этом основании называются неопределенно-личными.

Итак, неопределенно-личное предложение (НЛП) – это односоставное предложение со сказуемым в 3 лице мн. числа наст., прош. или буд. времени, изъявительного (примеры выше) или сослагательного (*Сменили бы нам белье!*) наклонения. Сказуемое в НЛП обычно в действительном залоге (см. уточнение ниже); но оно может не иметь финитного глагола (*Есть дом, где вам всегда рады, Женщина всегда чувствует, когда в нее влюблены*, пример из [Булыгина, Шмелев 1997]), может включать показатели модальности (*Нас могут заметить*). НЛП легко становится частью сложного предложения, см. [Грамматика 1954: 5] (например: *Иван подозревает, что за ним следят*), что отличает НЛП от разного рода неполных предложений: неполнота относится к «явлениям главного предложения» (main clause phenomena, см. [Hooper, Thompson 1973; Падучева 1996: 297–299]), каковым неопределенно-личность не является.

Чтобы описать НЛП на современном уровне, необходимо обратиться к важнейшим понятиям грамматики, теории референции и коммуникативной структуры предложения – таким как референциальный статус (анафора и антецедента), конкретная и родовая референция, неопределенность, в том числе – неизвестность и слабая определенность; диатеза и актантная деривация, акциональный класс глагола; коммуникативный ранг именной группы и семантика фокуса внимания.

Будем считать, что в НЛП имеется подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица – третьеличный нуль¹. Ср. в этой связи анафорический нуль (нулевой анафорический знак), который был введен Р. Якобсоном для представления предложений с анафорическим эллипсисом [Jakobson 1938/1971]; и эгоцентрический нуль, который предложен в [Падучева 2011] для представления актантной структуры слов с подразумеваемым говорящим [Апресян 2001] или наблюдателем [Апресян 1986; Падучева 1996]. Третьеличный нуль, как и эгоцентрический, относится к разряду субстантивных нулевых знаков – в отличие от анафорического нуля, который имеет неопределенную синтаксическую природу.

Сложнее обстоит дело с термином для подразумеваемого подлежащего обобщенно-личного предложения. Начнем с того, что местоимения 1 и 2 лица назовем иллокутивными, поскольку они обозначают участников речевого акта. При этом местоимение 2 лица, равно как и местоимение 1 лица мн. числа (в отличие от местоимения 1 лица ед. числа), может употребляться в обобщающем значении, как в примерах *Лезет под колеса, а ты за него отвечай; Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*, см. об обобщенных значениях иллокутивных местоимений в [Пешковский 1938/2000: 374]. Тогда подразумеваемое подлежащее обобщенно-личных предложений можно обозначить как иллокутивный нуль: он имеет то же значение, что иллокутивные местоимения в обобщающем значении². Термин «обобщенно-личное предложение» неудачный. При всей разнообразности этого класса, он все-таки един в том, что его подразумеваемый, а иногда и синтаксически выраженный, субъект не просто ‘все’, а ‘Я и такие, как Я’.

¹ В [Мельчук 1974] для этого нуля было введено обозначение Ø-люди, в [Булыгина 1990] – Ø-3 мн. Мы этими обозначениями не пользуемся. Нулевые субъекты безличного и неопределенно-личного предложения обосновываются в [Тестелец 2001: 310–313].

² Почему местоимение 1 лица ед. числа, я, не употребляется в обобщающем значении, выдвигая на эту роль местоимение 2-го лица, остается до некоторой степени загадкой. Г.А. Золотова [1982: 110] объясняет употребление *ты* (и глагольных форм 2 лица) в значении обобщающего ‘я’ через вовлечение «собеседника в сопереживание с рассказчиком: ты, так же как я и любой на моем месте». Похожее объяснение предлагается в [Падучева 1996: 213].

Смысл 'неопределенное лицо', который выражает русский третьеличный нуль, во многих языках передается местоимениями, такими как франц. *on*, нем. *man*, нидерландское *men*. Так, франц. *On a coupé la conversation* переводится на русский как *Разговор прервали*, пример из [Плунгян 2011: 264] (хотя *on* может иметь и другие значения). К этому ряду, казалось бы, естественно подключить английское *one*, см. [Moltmann 2006]. Однако *one* в большей степени соответствует русскому обобщающему *ты* и иллюкутивному нулю. У третьеличного нуля в русском языке соответствующее ему местоимение отсутствует – если не считать слова *они*, крайне ограниченного в употреблении, ср. диалог:

– Мне позвонили из Академии. – И что *они* сказали?

Теперь задача состоит в том, чтобы охарактеризовать третьеличный нуль с лексической, грамматической и референциальной точки зрения.

1. Лексика. Третьеличный нуль всегда обозначает лицо, причем не просто одушевленное существо, например, животное, а именно человека. Так, фраза *За окном мяукали* (пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 346]) означает, вопреки ожиданиям, что звук, свойственный кошкам, издавали люди. В [Мельчук 1974] отмечается разница между НЛП *Его исцарапали* и пассивным *Он был исцарапан* – состоящая в том, что первая фраза, в отличие от второй, однозначно выражает присутствие в ситуации агенса-человека.

Косвенным – метонимическим – указанием на субъект может быть обстоятельство места³:

В Петербурге *поговаривали* о какой-то предстоящей катастрофе [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1934–1939)];

Им верят, как всегда в России *верили* полководцам [А. Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)].

В [Грамматике 1980: 356] говорится, что «[с]убъект действия или состояния, когда он известен, выражается субъектно-пространственным детерминантом». Что неточно: группы *в Петербурге* и *в России* нельзя считать средством выражения субъекта действия или состояния – субъект НЛП в любом случае остается третьеличным нулем, а обстоятельства задают, метонимически, антецедент этого нуля.

Традиционные грамматики исходят из того, что глагол-сказуемое в НЛП имеет действительный залог. В [Морфология 2009: 392] утверждается, что глагол в НЛП может иметь форму пассива, что подтверждают примеры типа (а), (б):

(а) в США *встревожены* историей с журналистом Гонгадзе (Известия, 14.02.2001);

(б) Агентство Синьхуа заявило, что в КНР «*шокированы*» решением нидерландского правительства (Соц. индустрия, 2.12.1980).

Существенно, что предложения (а) и (б) имеют детерминант, который нельзя убрать без нарушения грамматической правильности. То есть это не обычный детерминант, а особый, обязательный, компонент конструкции, в составе которой глагол неопределенно-личного предложения может быть пассивным. При этом далеко не всякий глагол с объектом-лицом может выступать в пассивной неопределенно-личной конструкции этого рода. Например, *В КНР осуждены Гаагским трибуналом* – невозможное предложение. (В [Булыгина, Шмелев 1990: 112] говорится, что пассивные формы в составе НЛП возможны только у глаголов психологического состояния, причем при наличии «локального определителя», например, *Дома были очарованы ею*; см. об этом также [Тестелец 2001: 312].)

³ Примеры с адресом в квадратных скобках – из Национального корпуса русского языка, www.ruscorpora.ru.

Что же касается предложения (в), пример из [Морфология 2009: 392], то оно неправильное – пропущено *люди*, и предлог *с* относится неизвестно к чему:

(в) На геологоразведочный факультет обычно *принимаются* с более высоким проходным баллом (А. Битов).

Так что пассивных форм на *-ся* в составе НЛП не зафиксировано. На этом фоне причастия *встревожены*, *шокированы*, *очарованы* можно было бы трактовать по аналогии с *влюблены* – как атрибутивы, лишённые собственно страдательного значения. Однако во фразе *В министерстве уже были предупреждены о нашем приезде*, пример из [Булыгина, Шмелев 1990], однозначный пассив.

Конструкция с третьеличным нулем принимается в [Плунгян 2011] в качестве основы для того, что называется БЕЗАГЕНСНЫМ ПАССИВОМ (или двучленной пассивной конструкцией), и иллюстрируется примером *Разговор был прерван*. Для предложений типа *Разговор был прерван* исходными признаются «структуры типа *Разговор прервали*, в которых на синтаксическом уровне материально выраженное подлежащее уже отсутствует (но, разумеется, семантически оно однозначно вычисляется – ‘прервали какие-то люди’))» [Там же: 263].

Однако называть пассив в примере *Разговор был прерван* безагенсным можно лишь условно. Пассивная конструкция в русском языке, действительно, чаще возникает на базе предложений с субъектом-лицом, но это все-таки не обязательно. Так, в (г), (д) подлежащим в исходной активной конструкции было не лицо, а именная группа с не-предметным значением:

(г) Череда не очень приятных мыслей Ваксона *была прервана* приближением легких шагов [В. Аксенов. Таинственная страсть (2009)];

(д) И этот страстный гимн жизни *был прерван* приходом каких-то двух дам [З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)].

Пассивную конструкцию, не включающую каузатора, как в предложении *Разговор был прерван*, можно получить на базе предложений (г), (д), опустив периферийную именную группу в твор. падеже. Так что двучленную пассивную конструкцию нет оснований считать безагенсной. Во всяком случае, она не может быть производной от конструкции с третьеличным нулем, которая действительно однозначно подразумевает субъект-лицо: одно из различий, отмечаемых между НЛ-конструкцией и пассивом, состоит ровно в том, что в пассиве каузатор, будь он выраженным или опущенным, не обязательно лицо, см. ниже раздел 5.

2. Грамматика. Хотя третьеличный нуль является подлежащим при глаголе 3 лица множественного числа, он может относиться в дискурсе не только к множеству лиц, что допускает контекст примера (1а), но и к заведомо единичному лицу, как в (1б):

(1) а. Его *избили*;

б. – Вадим, а Максим Чертанов – это баба? – Женщина, *ответили* мне (Захар Прилепин. Новый мир. 2011. № 6).

Число субъектов может оставаться неопределенным; в примере ниже только из последней фразы мы узнаем, что имеется в виду, скорее всего, один человек; но на основаниях чисто прагматических – трудно себе представить, чтобы спросили сразу несколько человек, и все прищуриваясь:

Там с Никанором Ивановичем <...> *вступили* в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел. Первый же вопрос, который *был задан* Никанору Ивановичу, был таков: – Вы Никанор Иванович Босой, председатель домкома номер триста двабис по Садовой? На это Никанор Иванович, рассмеявшись страшным смехом, ответил буквально так: – Я Никанор, конечно, Никанор! Но какой же я к шуту председатель! – То есть как? – *спросили* у Никанора Ивановича, *прищуриваясь* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 1 (1929–1940)].

Уточним, что речь идет не о грамматическом числе третьеличного нуля, а лишь о количественной характеристике его правдоподобного референта.

Падеж у третьеличного нуля всегда именительный: валентность на этот нуль глагол приобретает только благодаря своей финитной форме (в отличие от эгоцентрического нуля, который входит в модель управления, скажем, глагола *показаться* в любой его форме, в том числе и в причастной). У иллокутивного нуля падеж тоже именительный, но иллокутивное местоимение в обобщающем значении обладает полной свободой в этом отношении: *Хорошо, когда тебя уважают*.

3. Референция; неопределенность. Исходная гипотеза состоит в том, что подразумеваемый субъект НЛП выражает неопределенность, а именно, неизвестность говорящему. В самом деле:

(2) К тебе *пришли* = 'а) пришел человек; б) один или несколько; в) мне неизвестно, кто это'.

Однако в [Шелякин 1991] справедливо говорится: «Семантика неопределенно-личности не раскрывается через понятие неизвестности».

4. Коммуникативный статус. В большей части контекстов третьеличный нуль выражает не неизвестность, а несущественность референта субъекта для говорящего:

(3) У него мобильник *украли*;

(4) Тебя сегодня *спрашивали*?

(5) В магазин *привезли* новые товары.

То, что третьеличный нуль выражает именно несущественность, а не неопределенность, доказывается его принципиальной несинонимичностью с неопределенным местоимением. В предложении (3) *украли* не синонимично *кто-то украл* в такой же мере, в какой *он женат* не синонимично *он на ком-то женат*: неопределенное местоимение предполагает желание знать (см. [Падучева 1997]), а в семантике третьеличного нуля этот компонент начисто отсутствует.

В этом отношении неопределенно-личная конструкция сходна с декаузативной, как она описана в [Падучева 2001]. В [Плунгян 2011] декаузативация представлена как понижающая актантная деривация, т. е. изменение актантной структуры глагола, в результате которого у него пропадает одна из валентностей. Между тем декаузативацию, в главном ее варианте, т. е. при неагентивном каузаторе, можно трактовать аналогично пассиву – как выраженную в глагольной форме мену диатезы: набор семантических валентностей у декаузатива тот же, что в каузативной конструкции, а форма на *-ся* маркирует изменение синтаксической роли и, соответственно, коммуникативного ранга каузатора. Отличие декаузатива от пассива состоит в том, что у пассива в исходной активной конструкции каузатор – это, обычно, агенс, а в исходной для декаузатива каузативной конструкции каузатор отчетливо неагентивный. Так что при декаузативации неагентивной каузативной конструкции каузатор уходит из центральной, субъектной позиции на периферию, с возможностью последующего выхода за пределы зоны внимания – **за кадр**. Так, в (6а) каузатор занимает позицию подлежащего; в (6б) он в периферийной синтаксической позиции, что означает понижение коммуникативного ранга; в (6в) он за кадром:

(6) а. Непрерывные войны истощили казну;

б. Казна истощилась от непрерывных войн;

в. Казна истощилась.

Представление структуры предложения (6в) не требует нуля – как не требует нуля структура с невыраженным синтаксически периферийным участником.

Аналогия НЛ-конструкции с декаузативной нужна для того, чтобы подчеркнуть различие между семантикой неизвестности, референциальной, и семантикой несущест-

венности, коммуникативной: НЛ-конструкция, как и декаузативная, выражает, прежде всего, понижение коммуникативного ранга участника.

Итак, НЛП сопоставляет ситуации концепт, который меняет коммуникативный ранг субъекта, подразумеваемого глаголом в личной форме действительного залога – исключает субъекта из поля зрения говорящего. В одних случаях такая концептуализация естественна, см. (7), но в других она парадоксальна, см. (8):

(7) Когда *унесли* свечу, Сережа слышал и чувствовал свою мать (Толстой. Анна Каренина);

(8) В одно собрание Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его *не видят*, с ним ни слова (Пушкин. Евгений Онегин).

В самом деле, ситуацию «видеть», из которой исключен видящий субъект, можно, как выясняется, описать с помощью языка, но совершенно невозможно, например, представить себе зрительно! (Разве что *не видят* значит ‘не замечают, намеренно’.)

Вернемся теперь к проблемам референции и рассмотрим референциальный потенциал третьеличного нуля более подробно. Следует различить две позиции третьеличного нуля – а) позиция первого упоминания и б) позиция с возможным антецедентом.

а) Позиция первого упоминания.

• Третьеличный нуль имеет КОНКРЕТНО-РЕФЕРЕНТНЫЙ СТАТУС, если предложение соотносится с конкретной единичной ситуацией. Глагол может быть в совершенном виде, как в (9а), или в несовершенном, как в (9б):

(9) а. – Ваш роман *прочитали*, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и *сказали* только одно, что он, к сожалению, не окончен (М. Булгаков);

б. Молчали желтые и синие. В зеленых <вагонах> *плакали* и *пели* (А. Блок).

В (9а) подразумевается один субъект (Бог), а в (9б) субъект множественный, и референциальный статус третьеличного нуля в обоих случаях неопределенный. Но есть разница.

Третьеличный нуль часто выражает то значение, которое свойственно местоимениям слабой определенности [Падучева 1985/2009: 212–215]. Одно из назначений местоимения слабой определенности (а оно относится в традиционной классификации к неопределенным) – выражать отказ говорящего указать участника события слушающему, см. (10). Именно эту функцию выполняет третьеличный нуль в (11) (и, конечно, в (9а)):

(10) – Кто тебе звонил? – Человечек *один*.

(11) Не беспокойтесь, меня *проводят*.

В этом смысле толкование, предложенное выше примеру (2), было неточным – говорящему личность пришедшего вполне могла быть известна.

• Третьеличный нуль может иметь РОДОВОЙ СТАТУС, как в предложениях *Цыплят по осени считают*, *Лежачего не бьют*, которые выражают общее суждение.

• Третьеличный нуль может иметь ДИСТРИБУТИВНУЮ РЕФЕРЕНЦИЮ:

(12) Бывало, он еще в постеле, ему записочки *несут*.

Глагол *несут* обозначает повторяющееся действие, и у этого действия может быть каждый раз свой субъект.

б) Позиция непервого упоминания участника.

Третьеличный нуль, в отличие от местоимения 3 лица, не предназначен для анафорической отсылки: его функция состоит в том, что он устраняет участника из поля зрения (точнее, из концепта ситуации), а не отсылает к нему, как это делает, например, анафорический нуль. Так что понятие антецедента применимо по отношению к третьеличному нулю лишь с большой долей условности. Однако референциальные связи меж-

ду подразумеваемым субъектом НЛП и лицами, ранее упомянутыми в дискурсе, так или иначе возникают. Так, в (13а) третьеличный нуль по смыслу кореферентен неопределенному субъекту первого предложения; (13б) третьеличному нулю кореферентен подразумеваемый субъект деепричастия:

- (13) а. Кто-то позвонил ей. *Сказали*, что она должна прийти на собрание.
б. Снявши голову, по волосам *не плачут*.

Неопределенные местоимения «характеризуются пониженными возможностями выступать в качестве антецедента местоимения» [Падучева 1985/2009: 212]. Если же антецедент третьеличного нуля – конкретно-референтный терм, может возникать кореферентность, но третьеличный нуль понижает коммуникативный ранг участвующего лица, как в примере (16):

– Вадим, а Максим Чертанов – это баба? – Женщина, *ответили* мне [ср. *ответил он мне*].

Кореферентность третьеличных нулей между собой возможна, хотя не без ограничений, см. (9а), а также пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 342]:

Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, *уважали*, коли *задумались* (Чехов).

Сложное референциальное соотношение третьеличного нуля с антецедентом возникает в примере (из Д. Гранина), который приводится в [Булыгина, Шмелев 1997: 342]:

- (14) Прощаясь, *Ипполитов* поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей *целовали* руку.

Статус у третьеличного нуля при сказуемом *целовали* общеэкзистенциальный: имеется в виду ‘какое бы то ни было лицо’ [Падучева 1985/2009: 94]. Соотношение между термом *Ипполитов* и третьеличным нулем может быть охарактеризовано как частичная равносильность [Падучева 1974/2007: 131]: это отношение между множеством (в данном случае – множеством лиц) и конкретным элементом из этого множества. Такое соотношение часто возникает в предложениях с придаточным определительным, ср.: *день* и *<дни>*, *какие бывают*:

На следующее утро был чудесный, мягкий *день*, *какие* бывают у нас в Абхазии в дни сбора винограда [Ф. Искандер. Слово (1980–1990)].

5. Отчуждение от 1 лица (см. [Булыгина, Шмелев 1997]). Специфическое референциальное свойство третьеличного субъекта – его отчужденность (дистанцированность) от 1 лица. Здесь следует рассмотреть несколько разных контекстов.

• Если третьеличный нуль имеет родовую референцию, то говорящий исключается из потенциального множества лиц, которые имеются в виду в качестве субъекта:

- (15) Дни поздней осени *бранят* обыкновенно,
Но *мне* она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно (Пушкин).

В (15) мнение «других людей» противопоставлено мнению говорящего, так что множество людей, которое подразумевается в качестве денотата третьеличного нуля, исключает говорящего. В (16) мнение говорящего не обязательно иное, чем у «других людей», но оно из этой фразы неизвестно, поскольку третьеличный нуль как бы не имеет в виду говорящего:

- (16) Обычно *считают*, что мужчин вдохновляют на красноречие благодарные слушательницы [Труд-7, 2002.01.28].

Ясно, что третьеличный нуль в этом отношении противопоставлен иллокутивному, который, напротив, имеет в виду, прежде всего, первое лицо:

Когда *уезжают*, оставляют адрес <возможное продолжение: *а я не оставил*>;

Когда *уезжаешь*, оставляешь адрес <подразумевается: *я делаю так, и другие тоже*>.

- Дистанцированность от 1 лица – это то, что отличает конструкцию с третьеличным нулем от пассивной, см. [Храковский 1991]: «высказывание *Работу закончили в 5 часов* неуместно, если речь идет о работе, выполненной говорящим⁴, в отличие от *Работа была закончена в 5 часов*, где такого запрета нет». Ср. также примеры из [Булыгина, Шмелев 1997] – пассивная форма не исключает, что субъектом является автор, а третьеличный нуль однозначно показывает, что имеется в виду только третье лицо (или лица), но не говорящий:

как уже *отмечалось* ранее – как уже *отмечали* ранее;

как здесь уже *говорилось* – как здесь уже *говорили*;

спрашивается, где взять денег – *спрашивают*, где взять денег.

- Особый случай – когда подразумеваемым референтом третьеличного нуля по смыслу является именно говорящий (поскольку высказывание включает глагол речи и прямо обращено к адресату):

(17) Вставай, кому *говорят*! Тебя *просят*! Вам русским языком *говорят*!

Примеры типа (17) не являются нарушением тезиса о том, что третьеличный нуль выражает дистанцированность от 1 лица: здесь ситуация намеренно концептуализуется таким образом, что говорящий отказывается от своей выделенной позиции в акте коммуникации и скрывается за неким неопределенным лицом. В [Guiraud-Weber 1984: 81] такие употребления трактуются как стилистически маркированные, периферийные и «несущественные с точки зрения грамматики» (та же точка зрения – в [Булыгина, Шмелев 1997: 345]). Между тем это частный случай использования конструкции с третьеличным нулем для создания парадоксальной концептуализации ситуации, когда главный ее участник вынесен за кадр, как в примере (8) *Его не видят, с ним ни слова*, – с той разницей, что в (17) в этой «коммуникативно сниженной» позиции оказывается не просто субъект действия, а говорящий в своей роли субъекта речи.

Другой пример дистанцированности от 1 лица, выраженной третьеличным нулем: фраза *Пока я жива, у тебя есть место, где тебя ждут*, скорее всего, имеет импликатуру ‘ждет говорящий’; но прямым текстом сказано, что есть какие-то люди, которые тебя ждут. Так что между говорящим и множеством ждущих людей тут, в прямом смысле, нет даже частичной равносильности.

- Замечательный пример кажущегося нарушения правила о том, что третьеличный нуль выражает дистанцированность от 1 лица, приводится в [Булыгина, Шмелев 1997: 346]:

Н. Ильина следующим образом комментирует запись из дневника А.А. Реформатского («Вчера Н.И. вернулась поздно и ругала фильм. Я радовался сему»): Радовался. *Оставили* его одного, *побежали* развлекаться, а не получилось.

Здесь третьеличный нуль при сказуемых *оставили*, *побежали* по смыслу относится к говорящему – Н. Ильиной. Ясно, однако, что это не собственная прямая речь: говорящий, Ильина, становится на точку зрения Реформатского; только в результате этого оказывается возможной референция к ней с помощью третьеличного нуля (референция

⁴ Если речь идет о работе, в которой говорящий принимал участие, то так сказать можно, но это не будет НЛП.

Реформатского к себе как к третьему лицу, с помощью местоимения *его*, не противоречит законам несобственной прямой речи, см. [Падучева 1996: 344]).

Еще раз подчеркнем, что референция к конкретному лицу с помощью третьеличного нуля – это всегда «косвенная» референция, поскольку третьеличный нуль а) не предназначен для референции и б) не предназначен быть анафором.

6. Акциональный класс предиката в неопределенно-личном предложении. В [Булдыгина, Шмелев 1997: 344] про предложение (18) с неопределенно-личным придаточным справедливо говорится, что оно отклоняется от нормы:

(18) Когда *влюблены*, то часто *приходится* говорить не прямо о любви (В. Шкловский).

Причину аномальности авторы видят в том, что предикат *приходится* требует субъекта в дативе, а у третьеличного нуля этой падежной формы нет. Однако аномалия сохранится и в том случае, если употребить в главном предложении предикат с другой моделью управления, ср.:

(18') Когда *влюблены*, часто не *говорят* прямо о любви.

Можно думать, дело здесь в том, что семантико-синтаксическая структура предложения (18) предполагает итерацию ситуации, выраженной в каждом из простых предложений (каждый раз, когда имеет место Р, имеет место Q). И клауза с глагольным сказуемым без затруднений интерпретируется в значении многократности. Между тем стативное адъективное сказуемое, такое как *влюблены*, не способно итерироваться. Заменив адъектив на глагол, мы получим безупречное предложение с двумя неопределенно-личными клаузами:

(18'') Когда *ухаживают* за дамой, часто приходится не *говорить* прямо о любви.

Таким образом, пример (18) демонстрирует ограничение на акциональный класс предиката в НЛП, которое должно быть принято во внимание⁵.

7. Порядок слов. В неопределенно-личном предложении имеются определенные ограничения на порядок слов, точнее – на коммуникативное членение. Эти ограничения до конца не ясны, но некоторые соображения можно высказать. В [Грамматика 1980: 357] предложение (19) приводится как пример неопределенно-личного:

(19) В Двине *купались* // ночью (Ю. Казаков).

На самом деле, предложение (19) в силу своих свойств, о которых пока не было речи, не может быть понято как неопределенно-личное. И действительно, при рассмотрении более широкого контекста оказывается, что в нем предполагаемый субъект глагола-сказуемого во мн. числе прош. времени не третьеличный нуль, выражающий отстраненность от говорящего, как должно быть у НЛП, а, наоборот, *мы*, выраженное в предтексте:

И вот несколько дней назад на пароходе «Юшар» *мы* пришли в Мезень, и ходу было всего два дня от Архангельска ... Весь июль стояла на Севере противоестественная жара. В Двине *купались* ночью (Ю. Казаков. Северный дневник).

На базе примера (19) мы вправе заключить, что тематическая позиция глагола в 3 лице мн. числа может исключать наличие при нем третьеличного нуля в естественных для него значениях. Так, предложение (19') может быть понято как НЛП с неопределен-

⁵ По мнению Б.А. Успенского, предложение (18) допускает возможность прочтения с подразумеваемым *вы*, при котором оно будет не аномальным. Согласна, но это будет не неопределенно-личное, а обобщенно-личное предложение, причем *вы* в нем нельзя будет опустить.

ным подразумеваемым субъектом, поскольку глагол 3 лица мн. числа находится в рематической позиции (в теме – обстоятельство времени); предложение (19''), с глаголом в тематической позиции, но в наст. времени, может быть понято как НЛП с обобщенным значением; и только (19) не допускает интерпретации в рамках неопределенно-личных конструкций.

(19') В Двине ночью купались = 'кто-то купался ночью';

(19'') В Двине купаются ночью = 'обычно купаются ночью'.

Тематическая позиция глагола в НЛП не полностью исключена, но она требует специального контекста; так, *Кричали далеко* (пример из [Грамматика 1954]) вполне допустимое НЛ-предложение, но оно предполагает, что о крике уже шла речь.

Свойства НЛП, раскрываемые на примере (19), позволяют вернуться к загадочной начальной фразе «Пиковой дамы» Пушкина:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова.

Как заметил еще В.В. Виноградов [Виноградов 1938], в этой фразе что-то не в порядке. Чтобы сделать фразу обычным НЛП, достаточно было бы изменить порядок слов – передвинув глагол в рематическую позицию [Падучева 1995/2009]:

Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты.

Очевидно, Пушкин имел в виду что-то другое. В.В. Виноградов видит в этой фразе присутствие автора. А именно, все становится на свои места, если в это предложение вставить *мы*: В.В. Виноградов констатирует в этой фразе присутствие повествователя, который как бы причисляет себя к тому же кругу, что играющие. В самом деле, подразумеваемое *мы* позволило бы интерпретировать фразу Пушкина так же, как фразу Ю. Казакова. Разница, однако, в том, что у Пушкина, в отличие от Казакова, *мы* не присутствует в предтексте. Можно думать, это подразумеваемое *мы* – остаток от первоначального замысла «Пиковой дамы», которая, согласно комментариям Б.В. Томашевского, задумывалась как повествование от 1 лица (из черновых набросков к ранней редакции повести: *Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами*), см. [Падучева 1995/2009].

Из сказанного следует, что фразу из «Пиковой дамы», которая часто фигурирует как пример неопределенно-личного предложения, следовало бы из учебников изъять, поскольку *мы* не является нормативным подразумеваемым субъектом НЛП.

8. Грамматическая атрибуция формы глагола в НЛП. В [Плунгян 2011: 294] неопределенно-личная конструкция (как в *Ваш роман прочитали*) названа безличной (а форма глагола – имперсоналом). Но в русской грамматической традиции безличными называются конструкции с безличным глаголом (как *светает, приспичило, першит <в горле>, <легко> дышится*), с глаголом в безличном употреблении (как в *его ветром сдуло, у меня булькает в животе*) или вовсе без финитного глагола (*Довольно унижаться*), т. е. конструкции с совершенно иной структурой и семантикой, см. [Грамматика 1954: 12–42]. Термин «амбиперсонал» из [Томмола 1998] тоже не годится как название для морфологической формы глагола в НЛП. Хотя бы потому, что он мыслится как единый для НЛП и ОЛП (с. 43), а ОЛП – это совершенно отдельный класс предложений, с разнородным набором подразумеваемых и эксплицитных подлежащих. Кроме того, «амби»личный значит, очевидно, 'и личный, и неличный' или 'то личный, то неличный'. Между тем глагол в НЛП, напротив, как бы дважды личный: 1) он подразумевает подлежащее как субъект обозначаемого им действия, состояния, свойства и т. д., в отличие от безличных предложений; и 2) подразумеваемый субъект глагола в НЛП является именно лицом, а не произвольной сущностью, как в обычных двусоставных, т. е. подлежащих, предложениях.

То, что происходит с глаголом в составе НЛП, – это, согласно терминологии из [Плунгян 2011: 279], интерпретирующая актантная деривация. Она состоит в том, что изменяется актантная структура глагола, но изменение касается не числа участников, как при понижающей или повышающей деривации, а ограничения на их лексическую и референциальную характеристику. Форма 3 лица мн. числа глагола в НЛП служит показателем того, что глагол является финитным, т. е. предикативным, но неспособен, в отличие от обычного финитного глагола, иметь синтаксически выраженное подлежащее, а имеет подразумеваемое (нулевое) подлежащее – притом всегда лицо. Глагол в НЛП можно было бы назвать имплицитный персонал: эта форма требует подлежащего-лица, но не присоединяемого к глаголу синтаксически, а подразумеваемого.

9. Деонтическая модальность. В [Булыгина, Шмелев 1997: 348] была отмечена семантическая оппозиция между НЛ- и ОЛ-предложениями, состоящая в том, что ОЛ-конструкция интерпретируется как выражающая алетическую возможность, а НЛ-конструкция, при обобщенном понимании, – деонтическую необходимость:

- (20) а. С начальством *не поспоришь* [ОЛП] = ‘невозможно, бессмысленно спорить’;
б. С начальством *не спорят* [НЛП] = ‘не следует /не принято спорить’ [Плунгян 2011].

Эти предложения различаются, однако, не только типом конструкции, но и видом глагола (в (20а) – совершенный вид, в (20б) – несовершенный; NB отрицание). Между тем, как известно, *нельзя перейти*, СВ, = ‘невозможно’, алетическая модальность, а *нельзя переходить*, НСВ, = ‘запрещено’, деонтическая [Рассудова 1982: 124]. И действительно, в НЛП, выражающих общее суждение, глагол всегда имеет несовершенный вид, а ОЛП предпочитают совершенный вид, в наглядно-примерном (по [Бондарко 1971: 22]) значении, см. об этом [Булыгина, Шмелев 1997: 337]. Но в таком случае различная модальность в НЛ- и ОЛ-конструкциях объясняется различием вида глагола, ср.:

- С одного вола двух шкур *не дерут* [НЛП; = ‘обычно не дерут’, ‘не следует драть’];
С одного вола двух шкур *не сдерешь* [ОЛП; = ‘невозможно содрать’].

А там, где в ОЛП вид несовершенный, различие между ОЛП и НЛП минимальное; как говорит Ю.П. Князев, «неопределенно-личное предложение используется для формулировки общего правила, а обобщенно-личное – для его обоснования на основе личного опыта» (устное сообщение; см. об этом также [Булыгина, Шмелев 1997: 335]). Сравни:

- (21) а. По платью *встречают*, по уму *проводжат*;
б. *Встречаешь* по платью, а *проводжаешь* по уму.

10. К типологии нулевых субстантивов. Итак, имеются следующие различные виды нулей, у которых есть соответствующие им местоимения (или, наоборот, местоимения, у которых есть соответствующий нуль).

• Эгоцентрический нуль (как в *На дороге показался всадник* или в *Он едва ли вернется*) имеет в виду, в речевом режиме, говорящего; соответствующее местоимение – я: по смыслу, ‘всадник показался в моем поле зрения’; ‘я считаю маловероятным, что он вернется’ [Падучева 2011]. Местоимение я не имеет анафоров: при необходимости повторного упоминания, оно повторяется само. Случаи опущения я в русском языке ограничены специальными синтаксическими позициями (*И рассказ свой первый я написал не потому, что <я> мнил себя в дальнейшем писателем*)⁶.

• Третьеличный нуль (*На селе поговаривают, будто совсем она ему не родственница*) и соответствующее ему, но крайне ограниченное в своем употреблении местоимение *они* (как в *Они там совсем оборзели*).

⁶Ср. также нулевой коррелят местоимения 1 лица в построениях типа *Я пришел, чтобы <мне> тут жить*.

• Анафорическое местоимение 3 лица (*Каждый хочет, чтобы его уважали*) и его нулевой аналог – нулевой анафор (*Каждый хочет жить* = ‘каждый хочет, чтобы он жил’), см. об анафоре с кванторным антецедентом в [Ивлиева 2009]. Рефлексивное местоимение (*Каждый уважает себя*) не имеет нулевого аналога.

• Иллокутивный нуль (*Тише едешь, дальше будешь*) и местоимение *ты* в обобщающем значении (*Ну что ты будешь делать!*). Те же функции имеет, в ограниченных контекстах, местоимение 1 лица мн. числа в обобщающем значении (*Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*). Иллокутивный нуль (всегда обобщающий) представлен в примерах *Картину можно видеть от входа; Берлиоз обнаружил незаурядную эрудицию*. В [Падучева 2011] в таких предложениях усматривался говорящий-наблюдатель, причем не проводилось различия между эгоцентрическим нулем, конкретно-референтным, и иллокутивным, обобщающим. Между тем есть очевидное противопоставление: предложение *Жаль бросать начатую работу* может быть понято двояко – с эгоцентрическим нулем конкретно-референтным (= ‘мне сейчас жаль’) и с иллокутивным, обобщающим (= ‘мне, как и тебе, и всякому на моем месте’).

Описание поведения «нулевых подлежащих» – в частности, в тех контекстах, где в данной работе усматривается иллокутивный нуль, – содержится в [Тестелец 2001: 287–316], где приводится богатейший материал на эту тему. Так, отмечено, например, что итальянский язык требует согласования во мн. числе там, где в русском – единственное:

(a) È difficile parlare di *se stessi* ‘трудно <всякому> говорить о себе самом’ [букв. *самих себе*].

Отмечено, что в английском языке «нулевое подлежащее» может быть выражено двояко – как *one* и как *you*; отсюда возможность двоякого построения фразы со значением ‘не всегда легко держать себя в руках на людях’⁷:

- (б) It is not always easy to control *oneself* in public;
(в) It is not always easy to control *yourself* in public.

Термин порождающей грамматики PRO, от англ. *pronoun*, который используется в [Тестелец 2001] в применении к подразумеваемым актантам, не кажется удачным. Дело в том, что прототипическое местоимение должно иметь ненулевой антецедент; между тем иллокутивный нуль употребляется существенно иначе.

Местоимение 3 лица и нулевой анафор способны выражать кореферентность или коассигнацию только по отношению к эксплицитному антецеденту, см. пример (25) ниже. А иллокутивный нуль, как и обобщающее *ты*, во-первых, может употребляться вообще без антецедента (*Его не переубедишь*), а во-вторых, может иметь антецедентом:

– третьеличный нуль:

- (22) Я ее уважаю, как <люди> уважают существо, к которому *ваша* жизнь привязана (пример из [Булыгина, Шмелев 1997]) [*ваша* соотносится с подразумеваемым <люди>; анафорическое местоимение требовало бы эксплицитного антецедента: как люди уважают существо, к которому *их* жизнь привязана];

– иллокутивный нуль:

- (23) Становится <тебе> страшно, когда об этом <ты> читаешь;

– нулевой анафор:

⁷ В современных «политкорректных» текстах встречается согласование во мн. числе, которое противоречит правилам английской грамматики: *Almost any person is capable of occasionally feeling sorry for themselves from time to time* (из Интернета).

(24) Каждый, войдя, ищет место, куда <ему> ноги поставить, чтобы <тебе> не особо налегать на соседа и чтобы *на тебя* не сильно налегали (пример из [Булыгина, Шмелев 1997]) [подразумеваемое <ему> связано коассигнацией с *каждый* и является антецедентом для иллокутивного нуля <тебе> – а потом и для местоимения *тебя*].

Если в (24) заменить нулевой анафор на местоимение 3 лица, то и во всех последующих вхождениях можно будет заменить иллокутивный нуль или иллокутивное местоимение на местоимение 3 лица (в то время как иллокутивный нуль не требовал этого местоимения):

(25) Каждый, войдя, ищет место, куда *ему* ноги поставить, чтобы *он* не особо налегал на соседа и чтобы *на него* не сильно налегали.

Пример (26) интересен тем, что в нем иллокутивный нуль связан с эгоцентрическим местоимением *я* отношением частичной равносильности – как в примере (14) выше:

(26) И рассказ свой первый *я* написал не потому, что мнил себя в дальнейшем писателем, а потому, что <меня> томило желание рассказать, но *не станешь же* <ты> рассказывать про войну тем, с кем <ты> вместе воевал [Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)].

В (27) иллокутивный нуль, который фактически имеет в виду обобщенного (наглядно-примерного) говорящего, сталкивается с местоимением *я*, которое имеет в виду просто говорящего:

(27) И *поди докажи* <ты> всем этим врагам и иноверцам, что есть среди награжденных еврей. *Не станешь же* <ты> *меня* всякий раз вызывать и показывать, чтоб мой профиль узрели. Вот так не повезло мне с фамилией! [О. Глушкин. Анкетные данные (1990—1999)].

В (28) иллокутивное местоимение *тебя* в обобщающем значении имеет антецедентом иллокутивный нуль – как в (23):

(28) Мое мнение такое: советовать <людям> надо <тебе> тогда, когда <люди> *тебя спрашивают* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)].

Иллокутивное местоимение имеет свой антецедент, а третьеличный нуль – свой.

В примере (29) (из [Булыгина, Шмелев 1997]) иллокутивный нуль <ты>, в контексте всеобщности, имеет антецедентом эгоцентрический нуль <мне>, и, в свою очередь, является антецедентом для обобщающего *твой*:

(29) Покинутый мною мир казался <мне> странным, как <всякий> дом, в котором <ты> жил когда-то, давным-давно, и уже успел забыть, с какой стороны дверь *твоего* подъезда.

В примере из [Анна А. Зализняк (в печати)] иллокутивный нуль, т. е. обобщающее <ты>, связан частичной равносильностью с *я*, которое обозначает говорящего:

Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых <ты> еще не бывал (Высоцкий. Прощание с горами).

Итак, имеется существенное различие между неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями. Оно непосредственно вытекает из свойств иллокутивного нуля и состоит в том, что иллокутивный нуль охотно вступает в кореферентные отношения, тогда как третьеличному нулю это не свойственно. Поэтому общие суждения, которые выражают зависимость между действиями одного и того же субъекта, естествен-

но формулируются с помощью обобщенно-личных предложений (*Тише едешь, дальше будешь; Подальше положишь, поближе возьмешь; Не обманешь, не продашь* и т. д.), а неопределенно-личных предложений с такой структурой почти нет (ср., впрочем, пример из [Булыгина, Шмелев 1997]: *Скоро бегут, дальних не ждут*). Поговорку *С волками жить – по-волчьи выть* можно перевести в определенно-личное предложение (*С волками живешь – по-волчьи воешь*), но не в неопределенно-личное (**С волками живут – по-волчьи воют*).

Проделанный анализ вводит в рассмотрение иллокутивный нуль – аналог иллокутивного местоимения в обобщающем значении. Иллокутивный нуль противопоставлен эгоцентрическому нулю – аналогу местоимения 1 лица ед. числа, который, как и само местоимение 1 лица ед. числа, всегда остается конкретно-референтным*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русск. яз. в науч. освещ. 2001. № 1.
- Бондарко 1971 – А.В. *Бондарко*. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Булыгина 1990 – Т.В. *Булыгина*. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования: Памяти акад. Г.В. Степанова 1919–1986. М.; Л., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1990 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Синтаксические нули и их референциальные свойства // В.С. Храковский (ред.). Типология и грамматика. М., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов 1936 – В.В. *Виноградов*. Стил «Пиковой дамы». М., 1936.
- Гак 1991 – В.Г. *Гак*. Неопределенность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Грамматика 1954 – В.В. *Виноградов* (ред.). Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1954. Т. 2. Ч. 2.
- Грамматика 1980 – Н.Ю. *Шведова* (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980.
- Анна А. Зализняк (в печати) – Анна А. *Зализняк*. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология. (в печати).
- Золотова 1982 – Г.А. *Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ивлиева 2009 – Н.В. *Ивлиева*. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
- Морфология 2009 – Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2009.
- Падучева 1974/2007 – Е.В. *Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974; 2-е изд. 2007.
- Падучева 1985/2009 – Е.В. *Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; 6-е изд. М., 2009.
- Падучева 1995/2009 – Е.В. *Падучева*. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // ИАН СЛЯ. 1995. Т. 54. № 3 (Перепечатано в: Е.В. *Падучева*. Статьи разных лет. М., 2009).
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 – Е.В. *Падучева*. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // Известия РАН. 1997. № 2; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf.Shinel.pdf>.
- Падучева 2001 – Е.В. *Падучева*. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русск. яз. в науч. освещ. 2001. № 1; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/RJNO01-1.pdf>

* Автор благодарен С.А. Крылову, без помощи которого нельзя было бы разобраться в том, как трактуются неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в богатой содержанием, но чрезвычайно неудачной по композиции [Грамматика 1980]. Приношу благодарность Анне А. Зализняк, Ю.П. Князеву, Б.А. Успенскому и Я.Г. Тестельцу за ценные соображения и поправки.

- Падучева 2011 – *Е.В. Падучева*. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. // ВЯ. 2011. № 3; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/egocentrals.pdf>
- Пешковский 1938/2001 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938; изд. 8-е, доп. М., 2001.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рассудова 1982 – *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Томмола 1998 – *Х. Томмола*. Заметки к типологии амбиперсонала // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского. СПб., 1998.
- Храковский 1991 – *В.С. Храковский*. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Шелякин 1991 – *М.А. Шелякин*. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Jakobson 1939/1971 – *R. Jakobson*. Signe zéro // *Mélanges Ch. Bally*. Genève, 1939 (*R. Jakobson*. Selected writings. The Hague, 1971. V. 2).
- Guiraud-Weber 1984 – *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Hooper, Thompson 1973 – *J. Hooper, S.A. Thompson*. On the applicability of root transformations // *Linguistic inquiry*. V. 4. 1973.
- Moltmann 2006 – *F. Moltmann*. Generic one, arbitrary PRO and the first person // *Natural language semantics*. 2006. № 4.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Падучева
ВИНИТИ РАН
elena.paducheva@yandex.ru

© 2012 г. В.И. ПОДЛЕССКАЯ

СТРУКТУРНАЯ И ЛИНЕЙНО-ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ИМЕННЫХ ГРУПП ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЧИНЕННЫЕ И КОМИТАТИВНЫЕ ГРУППЫ С ЛИЧНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ ПЕРВОГО ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена сочиненным и комитативным группам с личным местоимением первого лица, занимающим в предложении позицию подлежащего и согласующимся со сказуемым по числу и по лицу: *я и Маша идем, мы с Машей идем, я с Машей иду* и т.д. По данным Национального корпуса русского языка представлен количественный и качественный анализ конструкций этого семейства, в том числе описан их морфологический статус (характер формального и семантического согласования со сказуемым), реакции на синтаксические, коммуникативно-просодические и линейные преобразования, сочетаемость с различными классами предикатов. С учетом выявленных фактов предлагаются уточненные критерии грамматической, просодической и линейной целостности именной группы.

0. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Данная работа посвящена сочиненным и комитативным группам с личным местоимением первого лица, занимающим в предложении позицию подлежащего и согласующимся со сказуемым по числу, а в формах презенса – еще и по лицу: *я и Маша идем, мы с Машей идем, я с Машей иду* и т.д.¹ Конструкции этого семейства в русском языке являются одним из способов выражения множественной референции, т.е. средством обозначения некоторого множества референтов, объединенных по признаку участия в заданной ситуации (см. подробнее в [Даниэль 2000] и [Архипов 2009]). Исследование ставит перед собой две взаимосвязанные задачи: дескриптивную и теоретическую. Дескриптивная задача состоит в том, чтобы представить количественный и качественный анализ такого рода конструкций по данным Национального корпуса русского языка, в том числе описать особенности их согласования со сказуемым, их линейную структуру, сочетаемость с различными классами предикатов и ряд других свойств. Теоретическая задача состоит в том, чтобы, опираясь на выявленные факты, уточнить критерии грамматической, просодической и линейной целостности именной группы. Вопрос о грамматическом статусе именной группы, в том числе и на русском материале, неоднократно обсуждался в теоретической и типологической литературе – см., в частности, [Лютикова 2010; Тестелец 2011; Cysouw 2010; Plank 2003; Rijkhoff 2004; Velasco, Rijkhoff 2008]. В данной работе предпринимается попытка продвинуться в решении этой задачи с опорой на систематическое корпусное исследование.

Именная группа (ИГ) понимается здесь как составляющая (компонент иерархической структуры предложения), которая обладает синтаксическими свойствами своей вершины – существительного или местоимения-существительного, в том числе личного (*я, ты, он...*); возвратного (*себя*); вопросительно-относительного (*кто, что...*);

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант 10-04-00256а).

неопределенного (*кто-то, кое-что...*); отрицательного (*никто...*); кванторного (*все, всё...*) и некоторых других.

Фундаментальное синтаксическое свойство именных групп состоит в их способности выступать в функции синтаксических актантов; прежде всего синтаксических актанов предиката – подлежащего и дополнения. Способность именных групп выступать в функции синтаксического актанта определяется их референциальной семантикой, а именно способностью называть некоторую выделенную в пространстве и времени сущность и идентифицировать ее в качестве участника некоторой ситуации. Именем референта является ИГ как целое. Это проявляется, в частности, в том, что анафорическое местоимение может замещать (т.е. иметь антецедентом) только группу целиком. Так, в предложении *Меня попросили купить [красное сухое французское вино Шатенеф-дю-Пап урожая 1988 года, произведенное Жеромом Кио], однако в здешних лавках я его, не нашел* местоимение *его* кореферентно всей именной группе, заключенной в квадратные скобки. Предложение означает, что я не нашел вина с полным набором перечисленных признаков, при том что в лавках вполне могло быть красное сухое калифорнийское вино, красное сухое французское вино другой марки, красное сухое французское вино Шатенеф-дю-Пап урожая другого года или даже красное сухое французское вино Шатенеф-дю-Пап урожая 1988 года, но другого производителя и т.п.

Референциальная целостность ИГ как компонента иерархической структуры предложения подкрепляется ее грамматической, просодической и линейной целостностью, или интегрированностью.

В частности, грамматическую целостность ИГ можно продемонстрировать на следующем показательном примере. Согласование сказуемого с подлежащим регулируется особыми правилами, если подлежащее – сочиненная ИГ или ИГ с комитативом (*Петя и Маша, Петя с Машей*). В этом случае семантический признак «множественность», контролирующий множественное число глагола, может быть приписан только ИГ в целом, но не какому-либо из ее компонентов в отдельности (*Петя и Маша пришли. Петя с Машей пришли*). Сочиненные ИГ в препозиции к сказуемому согласуются с ним только по множественному числу (**Петя и Маша пришел*) – в отличие от сочиненных ИГ в постпозиции к сказуемому и комитативных групп, которые допускают как согласование по множественному, так и согласование по единственному числу:

В этом доме Пушкин и Гончарова провели первое супружеское лето [Ю. Кантор. Пушкинский дом. Открылась мемориальная дача поэта в Царском Селе (2002) // «Известия»];

Галилей с Ньютоном открыли законы / по которым движутся все тела / от планет до атомов [В. Федоров. Лекция по истории: Культура эпохи Просвещения // практиканты, 2007];

Мичман с дамой подошёл почтительно и поспешно [Б.С. Житков. «Сию минуту-с!...» (1927)];

Дикая утка с селезнем живет на даче 2 года [Вопросы ветеринарному врачу (форум) (2007)];

Но я-то знаю, что с ней на одной лестничной клетке проживала Лиза и мужик-пьяница, никаких женщин с крохотными детьми там не было [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

Еще более изысканными оказываются правила для случаев, когда в составе сочиненной ИГ имеется личное местоимение (*я и Маша*): в этом случае лицо глагола (первое) контролируется местоимением, а форма числа – всей группой в целом (*я и Маша придём попозже*). В современном языке, впрочем, такие конструкции, как и еще более архаичные (*я с Машей придём попозже*), уверенно вытесняются комитативными с множественным числом личного местоимения (*мы с Машей придём попозже*). Корпус позволяет качественно и количественно оценить этот феномен, чему и посвящена настоящая статья.

Логически для конструкций данного семейства имеются следующие возможные типы согласования с учетом числа местоимения, числа глагола и подразумеваемого количества говорящих, см. таблицу 1. В таблице 1 и далее везде термины «сочиненная группа (конструкция)» и «комитативная группа (конструкция)» употребляются в узком смысле – для различения конструкций с сочинительным союзом *и* и конструкций с ко-

митативным предлогом *с*. Параметр «количество говорящих» позволяет разграничить случаи, когда говорящий является единоличным локутором, даже если использует местоимение множественного числа (наиболее вероятным локутором высказывания *мы с Машей поженились тридцать лет назад* является лицо мужского пола), и случаи, когда говорящий выступает как представитель группы (высказывание *мы и студенты четвертого курса должны сдать курсовые в мае* естественно понимается как сделанное от имени группы локуторов, вероятнее всего от имени студентов других курсов); в первом случае мы будем говорить, что говорящий один, а во втором – что говорящих более одного.

Таблица 1

**Логически возможные типы согласования
(с предварительной оценкой их допустимости / недопустимости / маргинальности
по данным интроспекции и опроса носителей)**

		Сочиненные группы			Комитативные группы		
Число местоим.	Число глагола		Кол-во гов-щих			Кол-во гов-щих	
Ед	Ед	Тип 1	один	<i>*?я и Маша шел / иду</i>	Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>
Ед	Мн	Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	Тип 6	один	<i>?я с Машей шли / идем</i>
Мн	Ед	Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>	Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>
Мн	Мн	Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	Тип 8	один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>

Количественные данные о том, какие из логически возможных Типов 1–8 реально оказываются представлены в корпусе, сведены в таблицу 2². Свойства отдельных типов перечислены в разделах 1–6; использование конструкций данного семейства при инверсии подлежащего и сказуемого описывается в разделе 7; в разделе 8 обсуждаются возможные критерии интегрированности именных групп и сравнивается степень интегрированности отдельных конструкций внутри данного семейства; в заключительном разделе 9 сопоставляются конструкции данного семейства и конструкции, в которых оба компонента выражены полными именами, и делаются выводы об относительном характере предложенных критериев интегрированности.

1. КОНСТРУКЦИИ ТИПА 8

Как видно из таблицы 2, комитативные конструкции (Тип 5 и Тип 8) в целом оказываются гораздо более частотным способом оформления множественной референции в сочетании с местоимением 1 лица, чем сочинение (в отличие от групп, где оба ком-

² Для того чтобы в выборки вместе с исследуемыми сочетаниями типа *я / мы с Машей* не попадали сочетания с творительным падежом типа *я с силой... ударил; я с радостью... приму ваше предложение* и т.п., в запросах учитывались только одушевленные существительные. Сохраняющаяся в выборках незначительная доля шума связана прежде всего с омонимией слов типа *надежда, любовь*, которые в частотных конструкциях типа *мы с надеждой... смотрим в будущее* обычно выступают в качестве неодушевленного существительного, однако имеют и омонимичный вариант – имя собственное (одушевленное) и потому в подкорпусе с неснятой омонимией ошибочно захватываются запросом на одушевленность. Однако шум такого рода равномерно распределен в сопоставляемых выборках и не мешает сравнительной оценке.

Таблица 2

Встречаемость типов 1–8 по данным НКРЯ

		Сочиненные группы							Комитативные группы						
					Всего,	в т.ч.:	> 1960	в т.ч.:				Всего,	в т.ч.:	> 1960	в т.ч.:
Число место-им.	Число глагола		Кол-во гов-щих			согл. лицо		согл. лицо		Кол-во гов-щих			согл. лицо		согл. лицо
Ед	Ед	Тип 1	один	<i>*я и Маша шел / иду</i>					Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	427	123	167	50
Ед	Мн	Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	269	69	57	15	Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	14	5	1
Мн	Ед	Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>					Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>				
Мн	Мн	Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	7	2	3	0	Тип 8	один (редко: неизв.)	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4257	726	982	330

понента – полнзначные имена: там сочиненные конструкции, такие как *Петя и Маша*, встречаются многократно чаще, чем комитативные, такие как *Петя с Машей*; см. об этом подробнее в разделе 9).

Наиболее частотным из рассматриваемых является Тип 8 – комитативные группы с множественным числом личного местоимения, согласующиеся со сказуемым по множественному числу (*мы с Машей шли/идем*). В работах [Даниэль 2000; Архипов 2009] этот тип квалифицируется как «конструкции с поглощением референта», в том смысле что референт личного местоимения включает референт комитатива (*Маша* входит в набор референтов местоимения *мы*). По запросу (1)

(1)

мы nom,pl
на расстоянии 1 от *с*
на расстоянии 1 от (S|SPRO),ins,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,pl

– т.е. контактно расположенные друг за другом местоимение *мы* в именительном падеже, предлог *с*, одушевленное существительное или местоимение-существительное в творительном падеже единственного числа, глагол в форме индикатива множественного числа – основной корпус выдал 4 257 примеров, из которых 726 – с формой 1 лица множественного числа индикатива (т.е. только типа *мы с Машей идем*, но не *мы с Машей шли*), см. таблицу 2. Абсолютное большинство в выборке составляют случаи, где *мы* однозначно отсылает к единственному говорящему, как в (2):

(2)

Мы с мужем повздыхали, покряхтели: все-таки компьютер – вещь для нас недешевая, но живем в современном мире, понимаем, что это нужно, ну и поднапряглись и купили... [Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! (2004) // «Даша»];

В тот же вечер мы с матерью сидели вдвоем в гостиной... [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];

...мы с Хреновым принадлежали к разным тусовкам (подсказал бы мне кто-нибудь, к какой принадлежал я) [В. Ханан. Собачка завтракала зря (1998) // «Звезда»];

До сих пор мы с Джимом обитали в двух совершенно разных вселенных, поэтому встреча в этом фильме стала приятной неожиданностью для нас обоих [К. Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» (2004) // «Экран и сцена»].

В редких случаях (по частичной случайной выборке – не более 1%!) количество говорящих без широкого контекста однозначно не устанавливается. Так, в следующем примере может подразумеваться как один говорящий, так и более одного:

(3)

И вот мы с сержантом перетащили бюсты в машину, перевязали их так, чтоб они не стукались о борт и друг о друга, закрыли брезентом и поехали [В. Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник»].

Конструкции Типа 8 могут обозначать как ситуации, не предполагающие множественности активного одушевленного участника, см. глаголы в (2)–(3) – *повздыхать*, *покряхтеть*, *сидеть*, *перетащить* и проч., так и ситуации с множественностью участников, обусловленной лексическим значением предиката (4) или его грамматической формой, например при реципроке (5):

(4)

Правда, окончательно мы с Алешкой расстались гораздо позже [А. Геласимов. Ты можешь (2001)];

Мы с Машей переглянулись [О. Зуева. Нас любовь кружила до утра (2003) // «Даша»];

Мы с Марией договорились: в случае чего я его себе возьму... [Ю. Буйда. У кошки девять смертей (2000) // «Новый мир», 2005].

(5)

Мы с Борисом посоветовались и подумали, а может, вам принять участие в нашей затее? [И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)];

Как было сказано, мы с Виталием встречались каждую неделю [И. Грекова. Дамский мастер (1963)];

Мы с женой познакомились двадцать четвертого сентября [А. Терехов. Каменный мост (1997—2008)].

Предварительные подсчеты по небольшой случайной выборке показывают, что конструкции Типа 8 используются в контексте обусловленной множественности участников приблизительно в 15 % от общего числа конструкций данного типа.

2. КОНСТРУКЦИИ ТИПА 5

Комитативные конструкции Типа 5 (*я с Машей шел /иду*) занимают второе место по представленности в корпусе после Типа 8, но значительно (в 10 раз!) уступают по частотности последним. По запросу (6)

(6)

я nom,sg
на расстоянии 1 от с
на расстоянии 1 от (S|SPRO),ins,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,sg

– т.е. контактно расположенные друг за другом местоимение *я* в именительном падеже, предлог *с*, одушевленное существительное или местоимение-существительное в творительном падеже единственного числа, глагол в форме индикатива единственного числа – основной корпус выдал 427 примеров, из которых 123 – с согласованием не только по числу, но и по лицу, см. таблицу 2:

(7)

Завтра я с Борисом поеду в Чернигов, посоветуемся слевой (все же имела на него некую надежду), разузнаем о Терещенко [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)];

Спускайся, я с оператором буду там через пять минут [М. Баконина. Девять граммов пластила (2000)];

Я с дружиной задержу их, насколько можно [А. Иванов. Сердце Пармы (2000)].

Однако среди примеров этой группы значительно выше доля контекстов с обусловленной множественностью участников; по данным предварительной ручной обработки небольшой случайной выборки, таковых – не менее половины случаев:

(8)

Договорились идти к ней, я с официантом рассчитываюсь, заказал с собой еще бутылочку и тут что-то майора вспомнил [В. Черкасов. Черный ящик (2000)];

Я с братом вижусь очень, очень изредка, но... [И. Ратушинская. Одесситы (1998)].

3. КОНСТРУКЦИИ ТИПА 2

Следующим по представленности в корпусе является Тип 2 – сочиненные именные группы с единственным числом личного местоимения, согласующиеся со сказуемым по множественному числу (*я и Маша шли /идем*). По запросу (9)

(9)

я nom,sg
на расстоянии 1 от и
на расстоянии 1 от (S|SPRO),nom,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,pl

– т.е. контактно расположенные друг за другом местоимение *я* в именительном падеже, союз *и*, одушевленное существительное или местоимение-существительное в именительном падеже единственного числа, глагол в форме индикатива множественного числа – основной корпус выдал 287 примеров:

(10)

Он сел в кабину рядом с шофером, а я и мама взобрались по лесенке в будку [Ю. Петкевич. Живые цветы зимой (2001)];

Я и Колька лежали возле костра, глядели в небо и грызли травинки [В. Маканин. Голоса (1977)];

После работы я и жена решили пойти в кино [В. Солоухин. Третья охота (1967)].

Из 287 случаев около четверти (78) – с формой 1 лица множественного числа индикатива (т.е. только типа *я и Маша идем*, но не *я и Маша шли*):

(11)

Евгений остается на берегу в роли повара, а я и Володя берем ружья и плывем в разные стороны [Ю. Гладков. Подводная охота на Ворскле (1965) // «Спортсмен-подводник»].

Из полученной выборки были, далее, вычтены конструкции, в которых сочиненной ИГ предшествует обобщающее слово во множественном числе (обычно – местоимение *мы*), которое и контролирует глагольное согласование, ср. *И мы оба, я и жена, понесем Ваш образ глубоко в душе нашей* [Л. Спиридонова. «Правда нужна всякой власти...» (2003) // «Наш современник»]. В результате подтверждается 269 случаев согласования группы по множественному числу (в том числе с согласованием по первому лицу – 69), см. таблицу 2. Эта конструкция практически не используется в контекстах с обусловленной множественностью участников³.

4. КОНСТРУКЦИИ ТИПА 6

Еще реже встречаются комитативные именные группы Типа 6 – с вершиной - личным местоимением первого лица единственного числа, согласующиеся со сказуемым по множественному числу (*я с Машей шли/идем*). По запросу (12)

(12)

я nom,sg
на расстоянии 1 от с
на расстоянии 1 от (S|SPRO),ins,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,pl

– т.е. контактно расположенные друг за другом местоимение *я* в именительном падеже, предлог *с*, одушевленное существительное или местоимение-существительное в творительном падеже единственного числа, глагол в форме индикатива множественного числа – основной корпус выдал 80 примеров:

(13)

В 1972 году я с женой были приглашены к нему на дачу в Комарове (мы рядом отдыхали) [В. Катанян. Прикосновение к идолам (1998)];

11 мая я с Зиной поехали в гости к Моисееву [Л.К. Бронтман. Дневники и письма (1932—1942)].

На Михайловской у филармонии я с дочкой встретили Нерадовского [П.Н. Филонов. Дневник (1930–1939)].

В эти восемьдесят входят 14 случаев с формой 1 лица множественного числа индикатива (т.е. только типа *я с Машей идем*, но не *я с Машей шли*), см. таблицу 2:

(14)

Видел сон, – засмеялся он, – будто я с Валькой сидим на крыше и смотрим в телескоп на луну [Ю.К. Олеша. Зависть (1927)];

Милый друг, я с Модестом мечтаем после здешнего карнавала поехать пожить несколько времени в Флоренции [П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк (1882)];

³ По точному запросу «*я и Маша встречаемся*» поисковик Google дает ровно одно вхождение – запись в блоге *Вчера было 10 месяцев, как я и Маша встречаемся*. Поисковик Яндекс по тому же запросу, помимо процитированной выше записи, обнаруживает еще одну: *Я и Маша встречаемся в 2 у Киш-Миша. Татьян, во сколько ты подгребешь к зоопарку?*

Мы теперь занялись опять детскими книгами, – пишет она 20 сентября 1871 года, – Левочка пишет, а я с Варей переписываем – идет очень хорошо [Т.Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной поляне (1910–1950)].

Эта конструкция не используется в контекстах с обусловленной множественностью участников.

5. МЕРА АРХАИЧНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ

Конструкции Типа 6 (*я с Машей шли/идем*) оказываются, по сравнению со всеми остальными, очень архаичными – из восьмидесяти обнаруженных примеров лишь пять созданы после 1960 года (т. е. за последние 50 лет), причем лишь один из них – с согласованием в презенсе, т.е. не только по числу, но и по лицу:

(15)

Я с Алексеем присоединяемся к училищу Бориса [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998)].

Видимо, именно в силу архаичности этот тип конструкций при докорпусном опросе информантов был оценен как сомнительный, см. таблицу 1 выше. Если использовать в качестве меры архаичности долю контекстов, созданных после 1960 года, от общего числа конструкций данного типа, то для конструкций Типа 6 эта величина составляет 5 %. Для сравнения, конструкции Типа 8 (*мы с Машей шли/идем*) имеют показатель 23,1 %: из общего числа (4 257 случаев) после 1960 г. создано 982 примера. Конструкции Типа 2 (*я и Маша шли/идем*) имеют близкий показатель 21,2 %: из 269 примеров данного типа после 1960 г. создано 57. Самая высокая доля контекстов, созданных в течение последнего полувека, у конструкций Типа 5 (*я с Машей шел/иду*) – 39,1 %: из общего числа (427 конструкций) после 1960 г. создано 167.

6. НЕПРЕДСТАВЛЕННЫЕ И РЕДКИЕ ТИПЫ

Не представлены в корпусе логически возможные, но неграмматичные конструкции Типа 1 (**я и Маша шел/иду*), Типа 3 (**мы и Маша шел/иду*) и Типа 7 (**мы с Машей шел/иду*). Тип 1 становится однако возможным при инвертированном порядке подлежащего и сказуемого: *иду я и Маша*, см. ниже. Последняя логически возможная комбинация – Тип 4 (*мы и Маша шли/идем*). Здесь, в отличие от всех остальных конструкций этого семейства, *мы* всегда подразумевает более одного говорящего. Эта конструкция, впрочем, оказалась достаточно редкой – всего семь случаев в основном корпусе, см. таблицу 2. Причем согласование по лицу обнаружилось лишь в двух примерах, оба – с повторным союзом:

(16)

Конечно, если банк, который и мы, и мэр видим главным своим партнером, настолько не доверяет, мы можем поднапрячься, перекредитоваться в другом месте и вернуть вам полученные средства [С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)];

А договоренность возможна, ведь и мы, и Коль хотим сотрудничать с вами во всех областях [М.С. Горбачев. Как это было. Объединение Германии (1999)].

7. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ ИНВЕРСИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО

Для того чтобы проверить, сохраняются ли обнаруженные количественные тенденции при препозиции сказуемого в презенсе, перечисленные выше запросы были повторены с инвертированным порядком сказуемого и ИГ⁴. Полученные результаты сведены

⁴ Ложные выдачи типа *когда мы из школы идем, я с Машей беседую* или *вот иду я, и Маша мне говорит* были отсечены дополнительным условием запроса – после глагола и после личного местоимения были запрещены знаки препинания.

в таблицу 3, нижний индекс «и» при номере обозначает инверсию конструкции соответствующего типа.

Как естественно было ожидать, в целом конструкции с инвертированным порядком подлежащей ИГ и сказуемого встречаются многократно реже, чем с прямым. Однако, как видно из таблицы 3, общие закономерности согласования по лицу и числу перечисленных выше типов групп сохраняются. Подтвердилось абсолютное преобладание Типа 8_и (*шли / идем мы с Машей*):

(17)

В этой братской могиле покоится прах нашего папы. Сюда носим мы с братом цветы [Л. Кузнецова. «...Собираю разрозненные бревнышки народа своего...» (2003) // «Вестник США»];

Только без специй!!! – умоляем мы с Лёней. – Ни «чилли», ни черного перца – ничего! [М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)].

Тип 2_и (*шли / идем я и Маша*) представлен единичными примерами:

(18)

Я привез тебе, Елена Евгеньевна первого зама. Рекомендую я и господин Сосновский, банкир, твоя будущая финансовая опора [Л. Корнешов. Газета (2000)].

Быть может, на самом деле «понимальщиков» гораздо больше, чем думаем я и Таня [Л.К. Чуковская. Спуск под воду (1949–1957)];

Ночью дежурить будем я и Таня. Ты иди, спи, Клим [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. (1925)].

Самый редкий при прямом порядке Тип 6_и при обратном порядке (*шли / идем я с Машей*) и вовсе не представлен.

Тип 5_и (*шла / иду я с Машей*), как и при прямом порядке достаточно частотный, однако при инвертированном порядке также высока доля конструкций с обусловленной множественностью участников, ср. (19) и (20). Показательно, что в (20) в предложении с реципрокальным глаголом *дружить* надежно восстанавливается контрастивный фразовый акцент на группе *с Сережей*:

(19)

Выйду я с милой гулять за околицу, В поле запутаем след... Мы согрешим, – Ну, а бабка помолится Богу, которого нет [Г. Полонский. Доживем до понедельника (1966–1968)];

Захожу я с капитаном в комнату, где художник-ретушер работает [И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица (1956)];

Илья одет девочкой в красной юбочке, а Кэти клоуном. За ними иду я с Сережей. Я одета маркизом: на мне голубые кафтан и панталоны, белые чулки и башмаки [Т.Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной поляне (1910–1950)];

(20)

Лёня – поэт, Сережа – путешественник, и дружу я с **Сережей**. ... Лёня – поэтичен, Сережа – нет, и дружу я с **Сережей** [М.И. Цветаева. Нездешний вечер (1936)].

Как будет показано ниже, в разделе 8, возможность просодического выделения части конструкции (в (20) местоимение *я* не попадает в сферу действия выделительного акцента) косвенно свидетельствует о том, что в такого рода конструкциях с обусловленной множественностью участников комитативная предложная группа *с Сережей* не входит в подлежащую ИГ, а подчинена глаголу.

В этом типе обращает на себя внимание, что число конструкций с обратным порядком (всего по основному корпусу – 332) лишь незначительно уступает числу конструкций с прямым порядком (всего по основному корпусу – 427), тогда как в других типах, как уже было сказано, инвертированный порядок встречается многократно реже. Весьма вероятно, что нечувствительность этого типа к инверсии происходит именно за счет того, что в эту группу формально попадают не только собственно комитативные ИГ – подлежащие, но и случаи, где предложная группа подчинена глаголу. Однако эта гипотеза требует тщательной проверки.

При инверсии становится возможным Тип 1_и (*шел / иду я и Маша*), аналог которого с прямым порядком (**я и Маша шел / иду*) отсутствовал. Для уточнения количественных данных в этой группе вся выдача была проверена вручную, и в таблицу попали только

«чистые» цифры – всего в корпусе имеется 11 таких конструкций, из них 3 – с согласованием и по числу, и по лицу (после 1960 г. – 5 и 1 соответственно):

(21)

Продукты вожу я и Николай, – продолжала Людмила [В. Черных. Москва слезам не верит (1980)];

Нечего всем сюда собираться. Пойду я и Митягин [А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)];

и только очень редко в этом участвовал я и старший брат Кисса – Нурдал, тоже воспитанник Риисской школы [И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава четвертая (1928–1929)];

Отсюда во всех нормах Христа противопоставляется я и другой: абсолютная жертва для себя и милость для другого [М.М. Бахтин. Автор и герой в эстетической деятельности (1920–1924)];

Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников [Д.И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях (1798)].

По-видимому, запрет на такой тип согласования становится не столь категоричным при контактном расположении глагола и местоимения (*вожу я, пойду я*), ср. типологическую закономерность, отмеченную Г. Корбеттом, согласно которой сочиненные группы, разрешающие согласование с одним из конъюнктов, обычно реализуют согласование с тем конъюнктом, который расположен ближе к мишени (см., например, в [Corbett 2009]). При этом говорящий оказывается более центральным участником ситуации, чем лицо, обозначенное вторым конъюнктом, т.е. «продукты вожу я, а со мной еще Николай», «пойду я, а со мной еще Митягин». В терминах работы [Архипов 2009] можно говорить, что при инверсии один из компонентов сочиненной конструкции получает более высокий ранг, чем другой, т.е. приобретает свойство, типичное для комитативной группы, а не для сочиненной (см. подробнее раздел 8).

Тип 7_н (**иду мы с Машей*) и Тип 3_н (**шел/иду мы и Маша*), как и при прямом порядке, запрещены. И наконец, Тип 4_н (*шли/идем мы и Маша*) с неединственным говорящим представлен отдельными примерами и только с согласованием по числу, но не по лицу. В этой группе вся выдача была проверена вручную, и в таблицу попали только «чистые» цифры: всего в корпусе имеется три примера такого рода, из которых после 1960 г. – один:

(22)

После дождя на улице были мы и Григорий Сторожевой, – ответил Сопыряев и от уважения к участковому деликатно кашлянул в кулак. – ... [В. Липатов. Деревенский детектив (1967–1968)];

Сели мы и еврей на высокие горы угля поезда, идущего в Николаев [В.Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923)];

Два дома были заняты, в одном жили мы и сам хозяин с своей мачехой – толстомяжкой вдовой, которая так матерински и с такой ревностью за ним присматривала, что он только украдкой от нее разговаривал с садовыми дамами [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть третья. Владимирна-Клязьме (1853–1856)].

Рассмотренные выше количественные данные сведены в таблицу 3.

8. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС РАССМОТРЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Рассмотренные восемь типов конструкций обладают различной мерой интегрированности. Иначе говоря, их грамматическое и коммуникативно-просодическое поведение, а также семантические ограничения на сочетаемость не всегда позволяют однозначно рассматривать их как единую составляющую. Ниже обсуждаются несколько критериев, позволяющих оценить меру интегрированности сочиненных и комитативных конструкций с личным местоимением первого лица. (Шире о синтаксическом статусе сочинительных и комитативных конструкций см. в [Архипов 2009].)

8.1. Синтаксический критерий: специальный вопрос

Как известно, в прототипических сочиненных группах затруднены такие операции, которые включают в сферу действия один из связанных элементов, оставляя вне сферы действия другой (операции, демонстрирующие так называемые «остров-

Таблица 3

Встречаемость типов 1_н–8_н по данным НКРЯ

Число местоим.	Число глагола	Сочиненные группы							Комитативные группы						
					Всего,	в т.ч.:	> 1960	в т.ч.:				Всего,	в т.ч.:	> 1960	в т.ч.:
			Кол-во гов-щих			согл. лицо		согл. лицо		Кол-во гов-щих			согл. лицо		согл. лицо
Ед	Ед	Тип 1 _н (без шума)	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	11	3	5	1	Тип 5 _н	один	<i>шел / иду я с Машей</i>	332	39	92	14
Ед	Мн	Тип 2 _н	один	<i>шли / идем я и Маша</i>	37	16	12	7	Тип 6 _н	один	<i>*шли / идем я с Машей</i>				
Мн	Ед	Тип 3 _н	один	<i>*шел / иду мы и Маша</i>					Тип 7 _н	один	<i>*шел / иду мы с Машей</i>				
Мн	Мн	Тип 4 _н (без шума)	более одного	<i>шли / идем мы и Маша</i>	6	–	3	–	Тип 8 _н	один (редко: неизв.)	<i>шли / идем мы с Машей</i>	786	127	289	60

Синтаксический критерий: специальный вопрос

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инверт. порядок)	Блокирован ли специальный вопрос к одному из компонентов?	Интегр.
		Сочиненные группы				
Тип 1	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	Ø	11	Нет <i>иду я и кто [еще]?</i>	–
Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	269	37	Да <i>*я и кто идем?</i>	+
Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>	Ø	Ø		
Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	7	6	Да <i>*мы и кто идем?</i>	+
		Комитативные группы				
Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	427	332	Нет <i>я с кем иду?</i>	–
Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	Ø	Да <i>*я с кем идем?</i>	+
Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>	Ø	Ø		
Тип 8	один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4 257	786	Один говорящий: да <i>*мы с кем идем?</i> Более одного говорящего: нет <i>*мы с кем идем?</i>	+ –

ные ограничения»). Прототипическая сочиненная группа является интегрированной, т.е. формирует единую составляющую. Поэтому тест на сочинение позволяет проверить интересующие нас конструкции на меру интегрированности. Наглядным тестом на сочинение является специальный вопрос: в сочиненных группах невозможно задать специальный вопрос, затрагивающий лишь один из элементов, ср. правильные вопросы к Типу 5 *я с кем иду? кто с Машей идет?* и неправильные к Типу 2 **я и кто идем? *кто и Маша идет?*

Результаты данного теста сведены в таблицу 4. Как видим, свойство интегрированности, проявляющееся в данном случае в блокировании специального вопроса к одному из элементов, не коррелирует прямо с разграничением «формально сочиненных» типов (т.е. групп с союзом *и*) и «формально комитативных» типов (т.е. групп с предложением *с*). Так, Тип 8 *мы с Машей идем* с поглощением референта также является интегрированным по этому параметру: при подразумеваемом единственном говорящем вопрос *мы с кем идем?* невозможен. Он, однако, является правильным, если говорящих более одного.

Для инвертированных «формально сочиненных» Типов 1_и, 2_и и 4_и *Иду я и Маша, Идем я и Маша, Идем мы и Маша* (при неединственном говорящем) данный тест дает не такой очевидный результат, поскольку при инверсии в разговорной речи вопросы ко второму элементу конструкции становятся допустимыми, ср. *иду я и кто [еще]? идем я и кто [еще]? идем мы и кто [еще]?* В корпусе такого рода примеров нет, однако в Интернете они обнаруживаются и по опросам информантов являются допустимыми. Существенно, что конструкции Типа 1 представлены в корпусе исключительно в инвертированном варианте, поэтому в таблице 4 они отмечены как НЕинтегрированные по данному параметру. С другой стороны, Тип 8 с поглощением референта (с единственным говорящим) и при инверсии не допускает вопроса ко второму элементу, ср. **идем мы с кем?* (но вопрос становится допустимым, если говорящих более одного). Тем самым, парадоксальным образом, при инверсии Тип 8 (с единственным говорящим) оказывается более интегрированным, чем даже «формально сочиненные» типы с союзом *и*.

8.2. Коммуникативно-просодический критерий: «узкий фокус»

Интегрированность рассматриваемых конструкций может оцениваться и по коммуникативно-просодическому фактору: может ли часть конструкции (а не только вся конструкция целиком) выделяться в отдельную – контрастивную или эмфатическую – коммуникативно-просодическую составляющую. По этому параметру НЕинтегрированными оказываются: Тип 5, Тип 8 без поглощения референта (с множественными говорящими) и примыкающий к ним по данному свойству маргинальный Тип 1. Данные НКРЯ ввиду отсутствия просодической разметки не позволяют надежно оценить этот феномен, однако очевидно, что большинство конструкций указанных трех типов допускают вариативность просодической реализации – с контрастивным выделением одного из элементов конструкции и без такового. Ср. (20) выше и следующую группу примеров, где жирным шрифтом отмечено возможное просодическое выделение второго элемента конструкции Типа 5:

(23)

Можно, я с **Васиным** пойду в Старый Город? [С. Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999)];

Ах, няня, милая, я не знала, что вы в доме, – на минуту очнувшись, сказала Анна. – Я не живу, я с **дочерью** живу, я поздравить пришла, Анна Аркадьевна, голубушка! [Л.Н. Толстой. Анна Каренина (1878)];

Только раньше меня не брали, я с **бабушкой** оставалась, а теперь взяли [Н. Дубов. Мальчик у моря (1966)];

Вася,пусти меня... дай дорогу, а то через стол выпрыгну. Я с **Пашей** хочу плясать. Паша! [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)].

В такого рода предложениях при размещении акцента на предложной группе (*с Васиным, с дочерью*) она интерпретируется как зависящая от глагола, а при размещении акцента на глаголе может интерпретироваться как часть именной группы (*я с Васиным, я с дочерью*). Размещение акцента на предложной группе является просодическим средством выделения предложной группы в так называемый «узкий фокус», или «узкую рему», высказывания. При таком актуальном членении подлежащее (в данном случае – личное местоимение) и сказуемое оказываются внутри тематической составляющей (*я пойду, я живу*), а предложная группа формирует рему, и все высказывание строится как отвечающее на вопрос *с кем?* Ср. *можно я пойду [именно] с Васиным [а не с кем-либо еще]?, я живу [именно] с дочерью [а не в вашем доме]*.

Как видим, данный тест, как и тест на специальный вопрос, не коррелирует прямо с разграничением «формально сочиненных» типов (т.е. групп с союзом *и*) и «формально комитативных» типов (т.е. групп с предлогом *с*). Так, не только «формально сочиненные» конструкции Типов 2 и 4, но и конструкции Типа 8 с поглощением референ-

та *мы с Машей идем* не допускают частичного фокусирования, ср. предложение *мы с Машей идем* (а не с Таней), которое правильно только при множественном говорящем, при единственном говорящем правильно только *я с Машей иду*⁵. С другой стороны, как и в случае со специальным вопросом, при инверсии даже формально сочиненные конструкции Типов 1, 2 и 4 допускают узкий фокус, ср. возможное *иду я и Маша* (а не я и Таня), *идем я и Маша* (а не я и Таня), *идем мы и Маша* (а не мы и Таня). При этом конструкции Типа 1, как уже не раз говорилось, встречаются в корпусе только в инвертированном варианте, поэтому по критерию узкого фокуса, как и по критерию специального вопроса, они отмечены в таблице как НЕинтегрированные.

Таблица 5

Коммуникативно-просодический критерий: «узкий фокус»

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Блокирован ли узкий фокус на одном из компонентов?	Интегр.
		Сочиненные группы				
Тип 1	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	Ø	11	Нет <i>иду я и Маша</i> (а не я и Таня)	–
Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	269	37	Да <i>*я и Маша идем</i> (а не я и Таня)	+
Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>	Ø	Ø		
Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	7	6	Да <i>*мы и Маша идем</i> (а не мы и Таня)	+
		Комитативные группы				
Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	427	332	Нет <i>я с Машей иду</i> (а не с Таней)	–
Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	Ø	Да <i>*я с Машей идем</i> (а не с Таней)	+
Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>	Ø	Ø		

⁵ Частичное фокусирование не следует смешивать с омонимичной конструкцией, в которой акцент на втором компоненте конструкции – втором конъюнкте или предложной группе *с Машей* – используется для выделения всей объемлющей группы *я и Маша* или *мы с Машей*, а не одного из компонентов, ср. [Только *мы с Машей*] / [Только *я и Маша*] идем в кино (а дети остаются дома). О правилах выбора акцентоносителя в разных типах групп ср. [Янко 2008] и обширную библиографию там же.

Таблица 5 (окончание)

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Блокирован ли узкий фокус на одном из компонентов?	Интегр.
Тип 8	один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4 257	786	Один говорящий: да <i>*мы с Машей идем (а не с Таней)</i> Более одного говорящего: нет <i>мы с Машей идем (а не с Таней)</i>	+ —

8.3. Морфологические критерии: иконичность согласования по лицу и числу, наличие формального контролера лично-числовой формы глагола

Морфологическую интегрированность рассматриваемых конструкций можно оценить по следующему параметру: является ли согласование со сказуемым иконичным, иначе говоря, проецируется ли на форму сказуемого грамматическая форма компонентов подлежащей группы и фактическое число / лицо референтов, обозначаемых компонентами конструкции?

Что касается лица глагола, то во всех конструкциях рассматриваемого типа представленная глагольная форма первого лица оказывается неиконичной, что свидетельствует против интегрированности, поскольку на глагол и формально, и семантически проецируется лицо лишь одного компонента конструкции – местоимения. Единственным исключением по этому параметру является Тип 8 с поглощением референта *мы с Машей идем*, где условно можно считать, что местоимение *мы*, референтом которого является не только говорящий, но и *Маша*, обеспечивает относительную иконичность согласования по лицу.

Иначе обстоит дело с формой числа. С точки зрения семантической иконичности все восемь типов конструкций соотносятся с неединственным референтом, поэтому можно считать более интегрированными все те типы, где глагол имеет форму множественного числа. Наконец, формальная согласованность местоимения со сказуемым по числу свидетельствует против интегрированности, поскольку формально контролером числа сказуемого является лишь один из компонентов конструкции. Таким образом, по признаку «формальное согласование местоимения и глагола по числу» менее интегрированными можно считать те типы, где совпадает число местоимения и число глагола (Типы 1, 4, 5, 8). Оценки меры интегрированности конструкций по трем морфологическим параметрам – иконичность согласования по лицу, иконичность согласования по числу и (не)совпадение числовой формы местоимения и глагола – сведены ниже в таблицу 6.

Существенно, что именно по этому набору параметров полностью запрещаются закономерно не представленные в корпусе Тип 3 **мы и Маша иду* и Тип 7 **мы с Машей иду*: по-видимому, одновременное отсутствие и семантического, и формального согласования по числу (*мы иду*) делает конструкцию абсолютно невозможной.

Морфологические критерии: иконичность согласования по лицу и числу, наличие формального контролера лично-числовой формы глагола

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Иконично ли согласование по лицу?	Интегр.	Иконично ли согласование по числу?	Интегр.	Нарушено ли формальное согласование местоимения и глагола по числу?	Интегр.
		Сочиненные группы								
Тип 1	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	Ø	11	Нет	–	Нет	–	Нет <i>иду я</i>	–
Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	269	37	Нет	–	Да	+	Да <i>*я идем</i>	+
Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>	Ø	Ø						
Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	7	6	Нет	–	Да	+	Нет <i>мы идем</i>	–
		Комитативные группы								
Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	427	332	Нет	–	Нет	–	Нет <i>я иду</i>	–
Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	Ø	Нет	–	Да	+	Да <i>*я идем</i>	+
Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>	Ø	Ø						
Тип 8	один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4 257	786	Да	+	Да	+	Нет <i>мы идем</i>	–

8.4. Линейный критерий: возможность дистантного расположения компонентов конструкции

Данный критерий оценивает линейную интегрированность конструкций, противопоставляя типы допускающие и не допускающие дистантное расположение компонентов. В таблице 7 ниже показано, какие конструкции допускают постановку сказуемого между компонентами конструкции. Как легко убедиться, этот критерий прямо коррелирует с критерием формальной согласованности местоимения и сказуемого (а не, например, с противопоставлением формально сочиненных и формально комитативных конструкций, как можно было бы ожидать). Другими словами, разрыв конструкции оказывается возможен (и конструкция должна оцениваться как линейно НЕинтегрированная) для тех типов, где местоимение формально согласовано со сказуемым. Ср. допустимые *я иду и Маша* (Тип 1), *я иду с Машей* (Тип 5), *мы идем с Машей* (Тип 8)

и недопустимые *я идем и Маша (Тип 2), *я идем с Машей (Тип 6). Можно было бы предположить, что запрет на расщепление конструкции связан с тем, что сказуемое оказывается рядом с формально не согласованным с ним местоимением-подлежащим, однако это не так, поскольку вполне допустимы конструкции типа Маша и я идем, где сказуемое располагается справа от сочиненной группы, в которой вторым компонентом является личное местоимение, формально не согласованное со сказуемым по числу. В основном корпусе по запросу

(24)
 S,nom,sg,anim
 на расстоянии 1 от и
 на расстоянии 1 от я nom,sg
 на расстоянии 1 от V,indic,pl,1p

– т.е. контактно расположенные друг за другом одушевленное существительное в именительном падеже единственного числа, союз и, местоимение я в именительном падеже, глагол в форме индикатива 1 лица множественного числа – выдано 103 примера:

(25)
 Муж и я идем очень быстро по перрону вокзала вдоль стоящего поезда [Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)];
 Сергей Краснопеев и я представляем Анадырскую студию телевидения [А. Шаров. Нерестовые плесы Анадыря // «Вокруг света», 1984];
 Евгения Яковлевна и я обмениваемся заговорщицкими улыбками [О. Чехова. Мои часы идут иначе (1973)].

Таким образом, блокируются только такие конструкции, в которых формально не согласованное с личным местоимением сказуемое помещено между компонентами.

Таблица 7

Линейный критерий: возможность дистантного расположения компонентов конструкции

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Блокирован ли разрыв конструкции?	Интегр.
		Сочиненные группы				
Тип 1	Один	шел / иду я и Маша	Ø	11	Нет я иду и Маша	–
Тип 2	Один	я и Маша шли / идем	269	37	Да *я идем и Маша	+
Тип 3	Один	*мы и Маша шел / иду	Ø	Ø		
Тип 4	Более одного	мы и Маша шли / идем	7	6	Нет мы идем и Маша	–
		Комитативные группы				
Тип 5	Один	я с Машей шел / иду	427	332	Нет я иду с Машей	–

Таблица 7 (окончание)

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прям. поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Блокирован ли разрыв конструкции?	Интегр.
Тип 6	Один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	Ø	Да <i>*я идем с Машей</i>	+
Тип 7	Один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>	Ø	Ø		
Тип 8	Один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4 257	786	Нет <i>мы идем с Машей</i>	–

8.5. Семантический критерий: чувствительность к контекстно обусловленной множественности участников

Данный критерий оценивает интегрированность конструкций в зависимости от следующего семантического ограничения на сочетаемость: возможно ли употребление данного типа конструкций в контекстах с лексически или грамматически обусловленной множественностью участников. Высокая степень интегрированности конструкции предполагает, что она функционирует как единый узел семантико-синтаксической структуры и конструкция в целом может соответствовать одному семантическому актанту предиката. Поэтому интегрированные конструкции должны преимущественно функционировать в контекстах, не предполагающих множественности участника, (например, в сочетаниях с глаголами типа *спать* или *идти*), а неинтегрированные, напротив, – в контекстах с лексически или грамматически обусловленной множественностью участников (например, в сочетаниях с глаголами типа *дружить* или возвратными дериватами типа *встречаться*).

По этому параметру (см. таблицу 8) максимально интегрированы конструкции Типа 1 и Типа 6: они вообще недопустимы в контекстах, предполагающих множественность участников, ср. **я и Маша дружу*, **я с Машей дружим*. Следом в этой семантической иерархии идут конструкции, которые в контекстах, предполагающих множественность участников, не запрещены, но реально в корпусе не представлены, – это Тип 2 *Я и Маша дружим* и Тип 4 (с неединственным говорящим) *Мы и Маша дружим*. Гораздо менее интегрированы конструкции Типа 8 *Мы с Машей дружим*: как было сказано выше, по данным НКРЯ, до 15 % употреблений этого типа обнаруживается в контекстах с обусловленной множественностью участников. И наконец, наименее интегрированными оказываются конструкции Типа 5 *Я с Машей дружу*: как указывалось выше, более половины употреблений этого типа в корпусе приходится на контексты, предполагающие множественность участников.

В редких случаях при лексически обусловленной множественности участников одной семантической роли предиката может соответствовать интегрированная сочиненная или комитативная группа с личным местоимением, а другой – неинтегрированная группа с комитативным предлогом:

(26)

[Мы с Вовой] переговорили [с Юрой] заранее, тот не возражал, наоборот, с удовольствием отдавал все хозяйственные дела [Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)].

Семантический критерий: чувствительность к контекстно обусловленной множественности участников

	Кол-во гов-щих		Число употр. (прямым поряд.)	Число употр. (инвертир. порядок)	Блокирован ли контекст, предполагающий множественность участников?	Доля контекстов с множественными участниками в выборке	Интегр.
		Сочиненные группы					
Тип 1	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	Ø	11	<i>*дружбу я и Маша</i>	*	+
Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	269	37	<i>я и Маша дружим</i>	0 %	+
Тип 3	один	<i>*мы и Маша шел / иду</i>	Ø	Ø			
Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	7	6	<i>мы и Маша дружим</i>	0 %	+
		Комитативные группы					
Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	427	332	<i>я с Машей дружу</i>	>50 %	–
Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	80	Ø	<i>*я с Машей дружим</i>	*	+
Тип 7	один	<i>*мы с Машей шел / иду</i>	Ø	Ø			
Тип 8	один или более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	4 257	786	<i>мы с Машей дружим</i>	15 %	–

8.6. Интегрированность рассмотренных конструкций по совокупности критериев

В таблице 9 ниже отражена мера интегрированности рассмотренных конструкций по совокупности грамматических, коммуникативно-просодических и семантических критериев. Для удобства сопоставления в таблицу не включены конструкции Типа 3 и Типа 7 – как отсутствующие в корпусе и оцененные носителями языка как недопустимые, а конструкции Типа 8 разделены на два подкласса – с единственным говорящим, т.е. с поглощением референта (в таблице – «п/р»), и с множественными говорящими, т.е. без поглощения референта (в таблице – «без п/р»). В отличие от всех предшествующих таблиц, в таблице 9 конструкции сгруппированы не по средству связи (союз *и* / предлог *с*), а по сходству реакций на обсуждаемые тесты. В последней колонке таблицы («Счет») указано суммарное соотношение «плюсов» и «минусов» по всем критериям интегрированности.

Как видим, совершенно идентичную реакцию на весь набор тестов демонстрируют высоко интегрированные конструкции Типа 2 *я и Маша идем* и Типа 6 *я с Машей идем*. Это позволяет предположить, что для статуса данного класса конструкций важ-

Таблица 9

Мера интегрированности конструкций по совокупности критериев

	Кол-во гов-щих		Блоки- рован ли специаль- ный во- прос?	Блоки- рован ли узкий фокус?	Иконич- но ли согласо- вание по числу?	Блокирован ли контекст, предполагаю- щий множе- ственность участников (дружбу)?	Блоки- рован ли разрыв?	Нарушено ли формальное согласование местоимения и глагола по числу?	Иконично ли согла- сование по лицу?	Счет + : –
			интегр.	интегр.	интегр.	интегр.	интегр.	интегр.	интегр.	
Тип 2	один	<i>я и Маша шли / идем</i>	+	+	+	+	+	+	–	6:1
Тип 6	один	<i>я с Машей шли / идем</i>	+	+	+	+	+	+	–	6:1
Тип 4	более одного	<i>мы и Маша шли / идем</i>	+	+	+	+	–	–	–	4:3
Тип 8 (п/р)	один	<i>мы с Машей шли / идем</i>	+	+	+	–	–	–	+	4:3
Тип 8 (без п/р)	более одного	<i>мы с Машей шли / идем</i>	–	–	+	–	–	–	–	1:6
Тип 1	один	<i>шел / иду я и Маша</i>	–	–	–	+	–	–	–	1:6
Тип 5	один	<i>я с Машей шел / иду</i>	–	–	–	–	–	–	–	0:6

нее отсутствие формального согласования местоимения с глаголом по числу (*я идем*) – при наличии семантического согласования, чем тип средства связи (союз vs. предлог). К ним близки по свойствам конструкции Типа 4 (с множественным говорящим – *мы и Маша идем*): они отличаются тем, что в них не нарушено формальное согласование местоимения с глаголом по числу и, как следствие, допускается дистантное расположение компонентов конструкции (*мы идем и Маша*). Тем самым, конструкции Типа 4 оказываются несколько менее интегрированными.

Конструкции Типа 5 *я с Машей иду* образуют другой полюс, являясь систематически неинтегрированными по всем параметрам.

Конструкции Типа 1 – наиболее редкие в корпусе – близки к Типу 5 по набору свойств, хотя используют союзную технику связи, а не комитативный предлог. Напомним (см. подробнее раздел 6), что они представлены в корпусе лишь с инверсией, приводящей к контактному расположению личного местоимения и сказуемого (*иду я и Маша*). В этом случае второй конъюнкт понижается в семантическом статусе и конструкция функционально приближается к менее интегрированному Типу 5, в частности, допускает специальный вопрос к одному из компонентов и частичное фокусирование. Важное отличие этого типа от Типа 5 – в том, что он не используется в контекстах с лексически или грамматически обусловленной множественностью участников (**дружусь я и Маша*) и, тем самым, демонстрирует более высокую интегрированность,

Наконец, наиболее частотный Тип 8 ведет себя совершенно особым образом. Как и конструкции наименее интегрированного Типа 5, конструкции Типа 8 (независимо от подразумеваемого количества говорящих) допускают линейный разрыв, употребляются в контекстах, предполагающих множественность участников, и демонстрируют формальное согласование местоимения со сказуемым по числу. В варианте без поглощения референта (при неединственном говорящем), кроме того, разрешен специальный вопрос к одному из компонентов и частичное фокусирование – тем самым, в варианте без поглощения референта мы видим практически все симптомы низкой интегрированности, за исключением иконичности семантического согласования по числу.

В варианте с поглощением референта (при единственном говорящем) конструкции Типа 8 обнаруживают, однако, важные симптомы интегрированности: как и конструкции наиболее интегрированных Типов 2 и 6, они блокируют операции с одним из компонентов – специальный вопрос и узкий фокус – и имеют семантически мотивированную форму множественного числа сказуемого. Кроме того, как уже упоминалось выше, по синтаксическому критерию Тип 8 с поглощением референта оказывается даже более интегрированным, чем Типы 2 и 6, так как не допускает вопроса ко второму элементу не только при прямом порядке слов, но и при инверсии, ср. **идем мы с кем?* Более того, Тип 8 с поглощением референта – это единственный тип конструкций, где сказуемое можно считать не только формально, но и семантически согласованным с подлежащим по лицу.

Таким образом, в рассмотренном семействе конструкций максимально интегрированные – Тип 2 *я и Маша идем* и Тип 6 *я с Машей идем* – с наибольшими основаниями могут квалифицироваться как единая составляющая. Минимально интегрированные – Тип 5 *я с Машей иду* и Тип 1 *иду я и Маша* – дают для этого существенно меньше оснований. Остальные конструкции данного семейства распределяются на условной шкале интегрированности между этими двумя полюсами. Однако меру интегрированности не следует рассматривать как абсолютное свойство конструкции того или иного типа. Скорее, это оценка потенциала конструкции. Каждое отдельное вхождение конструкции может реализовать этот потенциал в полной мере или лишь частично. Так, например, конструкции Типа 5 правильнее квалифицировать не как минимально интегрированные, а как минимально предрасположенные к интегрированному употреблению. Иначе говоря, отдельное вхождение такой конструкции с точки зрения перечисленных критериев чаще ведет себя не как единая составляющая, а как две контактно расположенные составляющие. Корпусные данные как раз и позволяют показать, что конструкции данного типа чаще, чем другие, употребляются в контекстах с обусловленной множе-

ственностью участников, допускают разрыв, просодическое выделение одного из компонентов и т.д. Вместе с тем, отдельное вхождение конструкции данного типа может функционировать и как единая группа – без линейного разрыва, в контексте, не предполагающем множественности активных одушевленных участников, без коммуникативного выделения одного из компонентов, см. (7) выше и следующие примеры:

(27)

Диспозиция следующая. Подъезжаем на «уазике» к дому сапера: Прапорщик идет на разведку окрестностей. Если все нормально, я с Гимназисткой захожу к Манухину. Прапорщик пасет дом, прикрывает нас с улицы. В случае чего – связь по переговорникам [В. Черкасов. Черный ящик (2000)];

Осталась одна стена, хотим сегодня закончить. Я с мужем клею, а дочь мажет. К четырем закончим [О. Алямов. Неспящие (1997) // «Столица»].

В такого рода случаях конструкция ведет себя как единый узел семантической и грамматической структуры – как подлежащее, реализующее одну семантическую роль предиката.

Следовательно, морфологический статус конструкции (характер формального и семантического согласования), реакции конструкции на синтаксические, коммуникативно-просодические и линейные преобразования, употребительность в контексте обусловленной множественности позволяют количественно и качественно оценить интегрированность конструкции как допустимый спектр возможностей для совокупности отдельных вхождений каждого из типов данного семейства.

9. КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ VS. КОНСТРУКЦИИ, В КОТОРЫХ ОБА КОМПОНЕНТА ВЫРАЖЕНЫ ПОЛНОЗНАЧНЫМИ ИМЕНАМИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ОБ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ ИМЕННЫХ ГРУПП

Как уже говорилось в разделе 1, в рассмотренном семействе конструкций с местоименным компонентом комитативная техника является гораздо более частотной, чем сочинительная. Из приведенных выше таблиц легко видеть, что суммарное число употреблений Типов 8 и 5, использующих комитативный предлог (с учетом вариантов с прямым и инвертированным порядком), составляет $80 + 4\,257 + 786 + 427 + 332 = 5\,882$; тогда как суммарное число употреблений Типов 1, 2 и 4, использующих сочинительный союз (с учетом вариантов с прямым и инвертированным порядком), составляет $269 + 37 + 11 + 13 = 330$. Таким образом, комитативная техника используется почти в 20 раз чаще, чем сочинительная.

Совершенно иное распределение по средству связи наблюдается в конструкциях, где оба компонента – полнозначные одушевленные имена: там сочиненные конструкции типа *Петя и Маша* встречаются многократно чаще, чем комитативные типа *Петя с Машей*. Конструкции модели *Петя и Маша идут* по запросу

(28)

S,nom,sg,anim
на расстоянии 1 от и
на расстоянии 1 от S,nom,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,pl,3p

обнаруживают в основном корпусе 2 492 вхождения, ср.

(29)

Некоторое время человек и животное готовятся напасть друг на друга (женщина вооружена) [М. Арапов. Когда текст обретает смысл (2003) // «Знание – сила»];

Сегодня практически каждый губернатор и мэр содержат огромное множество совершенно идиотских газет, реликтовых, незамутненно перешедших ещё из советской эпохи [Д. Волков, В. Сунгоркин. Кухня управляемой демократии (2003) // «Отечественные записки»].

Конструкции модели *Петя с Машей идут* по запросу

(30)

S,nom,sg,anim
на расстоянии 1 от с
на расстоянии 1 от S,ins,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,pl,3p

обнаруживают в основном корпусе 655 вхождения, ср.

(31)

Но закон прорабатывали в правительстве, где Шойгу с Грызловым обладают солидным весом [Оборотни первой волны (2003) // «Завтра»];

Ко мне скоро жена с дочкой приедут [И. Грекова. Перелом (1987)].

Наконец, конструкции модели *Петя с Машей идет* по запросу

(32)

S,nom,sg,anim
на расстоянии 1 от с
на расстоянии 1 от S,ins,sg,anim
на расстоянии 1 от V,indic,sg,3p

обнаруживают в основном корпусе 294 вхождения, ср.

(33)

...а чего это твоя мамашка с адвокатом советуется? [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];

Дикая утка с селезнем живет на даче 2 года [Вопросы ветеринарному врачу (форум) (2007)].

Таким образом, суммарно, конструкции с комитативным предлогом ($655 + 294 = 949$) встречаются в 2,6 раза реже, чем с союзом (2 492).

Получается, что столь радикальное изменение соотношения связано именно с заменой в составе конструкции одного из полнозначных одушевленных существительных на личное местоимение первого лица. Можно предположить, что поскольку референт местоимения первого лица – говорящий – исходно имеет более высокий прагматический ранг, чем любой референт – не локутор (т.е. не говорящий и не адресат), то конструкции с личным местоимением исходно оказываются прагматически асимметричными (см. подробнее в [Архипов 2009; Даниэль 2000]). Поэтому для них более иконичной оказывается техника, которая предполагает и иные типы расхождений между компонентами по рангу, т.е. комитативная, а не сочинительная.

Такая гипотеза, однако, противопоставляет комитативные типы сочинительным, но не объясняет разительное численное превосходство и растущую продуктивность именно Типа 8, с поглощением референта, над всеми остальными типами – в том числе и другими комитативными. Поскольку это единственный тип в данном семействе, который обладает и формальным, и семантически иконичным согласованием сказуемого с подлежащим и по лицу, и по числу, – представляется разумным считать, что именно это свойство и обеспечивает его исключительную распространенность. Однако проверить данное утверждение можно лишь с привлечением более широкого корпусного материала как в синхронном срезе языка (в частности, конструкций, где первым компонентом является местоимение второго лица *ты/вы с Машей*), так и с обращением к более детальному историческому анализу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов 2009 – А.В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М., 2009.
Даниэль 2000 – М.А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

- Лютикова 2010 – *Е.А. Лютикова*. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2010. № 9.
- Тестелец 2011 – *Я.Г. Тестелец*. Несклоняемые именные конструкции в русском языке и гипотеза «накладывающихся падежей». Доклад на конф. «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», ИЛИ РАН, СПб., 24–26 марта 2011 г. (<http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2011/pdf/Testelec.pdf>)
- Янко 2008 – *Т.Е. Янко*. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Corbett 2009 – *G. Corbett*. Agreement // T. Berger, K. Gutschmidt, S. Kempgen, P. Kosta (eds.). *Slavische Sprachen / Slavic languages: An international handbook of their history, their structure and their investigation*. Berlin, 2009.
- Cysouw 2010 – *M. Cysouw*. Dealing with diversity: Towards an explanation of NP-internal word order frequencies // *Linguistic typology*. 2010. V. 14.
- Plank 2003 – *F. Plank* (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin, 2003.
- Rijkhoff 2004 – *J. Rijkhoff*. *The noun phrase*. Oxford, 2004.
- Velasco, Rijkhoff 2008 – *D. Garcia Velasco, J. Rijkhoff* (eds.). *The noun phrase in Functional discourse grammar*. Berlin, 2008.

Сведения об авторе:

Вера Исааковна Подлеская

Российский государственный гуманитарный университет

podlesskaya@ocrus.ru

© 2012 г. М.В. ДАЦИШИНА

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ: НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ. 1941–1944 гг.

Автор анализирует основные формы и методы внедрения немецкого языка (активный словарь; политика в области топонимии; замена шрифта с кириллицы на латиницу; интенсивное обучение немецкому языку молодежи и взрослого населения) на временно оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны, определяя, как основные интенции оккупационных администраций отражались в языковой политике, а также на каких уровнях происходила медиация (изменение и корректировка) первоначальных намерений оккупационных властей в области языковой политики.

Социальная коммуникация невозможна без единой кодовой системы, понятной как для инициатора коммуникации, так и для получателя сообщения. Такой кодовой системой чаще всего выступает естественный язык. Что касается временно оккупированных советских территорий во время Великой Отечественной войны, то языковая политика была частью политики оккупационной, она была тесно связана с продвижением основных установок оккупационных властей в отношении местного населения. В этой связи очень важным является замечание, что язык трудно обмануть, он всегда себя выдаст, проговорится.

Политическое руководство нацистской Германии традиционно уделяло большое внимание языку как инструменту социального управления. Планы колонизации советских территорий сделали языковую политику составной частью политики оккупационной.

Первым шагом языковой политики на временно оккупированных советских территориях стало введение немецкого языка как обязательной знаковой системы. На части территорий это проявилось во **введении двойных обозначений**. Немецкий язык, наряду с языком занятой области, использовался при обозначении улиц и населенных пунктов. Одной из причин было требование прагматики военного времени. Двойное обозначение топонимов – на русском (украинском / белорусском и пр.) и немецком языках – облегчало ориентацию немецких войск на местности. Стратегической задачей была подготовка населения к осуществлению плана, традиционно называемого планом «Ост», согласно которому часть населения СССР подлежала германизации, значительная часть – выселению в восточные районы или уничтожению, оставшаяся часть должна была стать услугой для вновь прибывающих немецких колонистов [Ахтамзян 2010: 248–279], и следовательно, должна была понимать язык завоевателей. В этом контексте насаждение немецкого языка и постепенное вытеснение языка оккупированных территорий было одной из важных задач: например, уже в январе 1942 г. в Брянском округе было приказано во всех населенных пунктах и на развилках дорог поставить столбы с табличками на немецком и русском языках, указывающие, куда ведет дорога и расстояние в километрах¹.

¹ Распоряжение по районам Брянского Окружного Управления от 12 января 1942 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 22. Автор опирается на широкий круг неопубликованных источников, избегая использовать в справочном аппарате статьи так называемые «глухие» ссылки на первоисточники (в каждом случае приводится полное название цитируемого документа, а не только архивные шифры).

В Латвии, напротив, с момента оккупации немецкий язык был объявлен государственным языком.

Таким образом, новая кодовая система начинала существовать либо параллельно с доминирующим на оккупированной территории кодом, либо претендуя на абсолютное доминирование, получив статус государственного языка.

Следующим важным шагом стало **переименование улиц и отдельных населенных пунктов, активное вмешательство в топонимику**. При любом социальном потрясении, считал известный исследователь языка нацистской Германии Виктор Клемперер, действуют две тенденции: «...во-первых, воля к совершенно новому, когда резко подчеркивается разрыв с предшествующими нормами, а во-вторых, потребность в подключении к существующей традиции для оправдания новизны. Нельзя быть абсолютно новым, всегда приходится возвращаться к тому, против чего нагрешила сменяемая эпоха: назад к человечеству, или к нации, или к нравственности, или к подлинной сущности искусства <...> Отчетливо проявляются обе эти тенденции в наименованиях и переименованиях» [Клемперер 1998: 99].

На оккупированных территориях СССР использовался опыт, приобретенный как на территории самой Германии, так и в оккупированных странах Европы.

В Германии основным объектом переименования становились «негерманские» названия. Это в равной степени было направлено против славянских, литовских, семитских корней в топонимах. К середине 1930-х гг. в Германии сохранялось значительное число топонимов славянского происхождения. Вспомним, что в сложносоставных названиях многих деревень в районе Мекленбурга встречалось прилагательное *wendisch*, т. е. «вендский», или лужицкий, относящийся к лужицким сербам, славянам, жившим в окрестностях Котбуса² и Дрездена. Согласно немецкой прессе того периода, в Померании было онемечено 120 славянских названий, в Бранденбурге – 175, в Силезии – 2 700, в округе Гумбиннен, где встречалось значительное количество литовских названий, из 1 851 населенного пункта было переименовано 1 146³.

В ряде оккупированных стран Европы при переименовании новым названием города или улицы также становилось немецкое имя собственное. Как правило, удалялись имена известных исторических деятелей конкретной страны. Так, после оккупации Страсбурга улица Жана Батиста Клебера⁴ была переименована в улицу Адольфа Гитлера.

В Эльзасе и Лотарингии был официально запрещен французский язык, с 27 апреля 1941 г. за его употребление могли дать год тюрьмы. 29 июля 1941 г. все названия улиц были изменены на немецкий лад. Везде, даже в небольших селах, должна была быть площадь имени Гитлера. За употребление французских приветствий *bonjour*, *adieu*, *au revoir* налагался штраф в несколько марок [Семиряга 2000: 355].

Польский город Лодзь был переименован в Лицманнштадт и носил это название с 1939 по 1944 г. Это название город получил по фамилии немецкого генерала Карла Лицмана⁵.

Менялись названия целых стран. После плебисцита 10 марта 1938 г., когда в обстановке террора, с одной стороны, и пропагандистской шумихи, с другой, большин-

² Неслучайно одна из крупнейших и едва ли не самых жестоких акций против белорусских партизан была названа оккупантами «Котбус». Смысловая нагрузка такого названия объяснялась претензией нацистов, которые объявляли себя представителями высшей, арийской, расы, на борьбу с низшими расами. В предместье Котбуса уничтожались славянские топонимы, в Белоруссии – носители славянской культуры и языка.

³ «Dresdner Zeitung». 15.11.1942.

⁴ Клебер (Kleber) Жан Батист (1753–1800) – уроженец Страсбурга, известный военачальник, сподвижник Наполеона Бонапарта.

⁵ Лицман (Litzmahn) Карл (1850–1936) – германский генерал пехоты, участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. В период Первой мировой войны возглавил 3-ю Гвардейскую дивизию, успешно действовавшую в Восточной Пруссии. Во время лодзинской операции попал в окружение, откуда прорвался с боем. После подписания Версальского мира вел прогерманскую пропаганду в Латинской Америке, вступил в НСДАП.

ство австрийцев высказалось за аншлюс с Германией, из официальных немецких документов стало исчезать все то, что говорило о суверенитете бывшей Австрийской республики. Слово *Австрия* постепенно исчезло из официального политического дискурса нацистской Германии и его заменило слово *Остмарк*. Следующим шагом стало распоряжение начальника имперской канцелярии от 8 апреля 1942 г., официально заменявшее термин «Австрия» названием «Альпийские и Дунайские имперские округа» [Семиряга 2000: 160].

На оккупированных территориях СССР вводились новые географические обозначения, которые не существовали до 22 июня 1941 г. Известная инструкция «О языковых понятиях на Востоке» от 18 июля 1942 г. была призвана ликвидировать путаницу среди самих оккупационных сил и их берлинского руководства. Время появления такой инструкции было неслучайным: в 1942 г. (особенно осенью) площадь оккупированных советских территорий была максимальной за все время Великой Отечественной войны. Оккупационные силы старались определиться с дефинициями, чтобы не возникало путаницы во внутренней переписке. Назовем основные понятия, вводимые в инструкции [Семиряга 2000: 229].

– «Оккупационные восточные районы» (*besetzte Ostgebiete*) охватывали все оккупированные советские территории, кроме районов Белостока, Львова, Транснистрии и Карелии.

– «Немецкий восток» (*Deutscher Osten*) – немецкая имперская территория на востоке – включал Восточную Пруссию, Данциг, Западную Пруссию, Варталанд, Верхнюю и Нижнюю Силезию. Данные территории входили в состав Третьего Рейха.

– «Восток» (*Osten*) охватывал районы Прибалтики, Генерал-губернаторства (часть Польши и Западной Украины) и СССР. Данное понятие не включало Японию, Китай, Маньчжурию, которые относились к «Восточной Азии» (*Ostasien*).

– «Восточным пространством» называлась вся территория СССР в границах на 22 июня 1941 г.

– «Восточная Европа» (*Osteuropa*) объединяла Прибалтику и СССР до Урала включая Кавказ (кроме Генерал-губернаторства, которое относилось к Германии).

– Название «Балты» (*Balten*) относилось не ко всем жителям Прибалтики, а лишь к проживающим там немцам.

– Понятие «Украина» обозначало только территорию созданного на оккупированной территории рейхскомиссариата «Украина» без Транснистрии и Галиции.

– Название «Советская Россия» распространялось не на весь Советский Союз, а только на территорию РСФСР.

Что касается отдельных топонимов на временно оккупированных советских территориях, то Гитлер прямо заявлял, что он заменит славянские географические названия на немецкие: например, Крым, по его мнению, должен был называться Готенланд [Тревор-Ропер 2004: 128]. На Нюрнбергском процессе Альфред Розенберг подтвердил, что планировалось переименовать Симферополь в Оттенбург, а Севастополь в Теодорихгафен [Нюрнбергский процесс 1960: 170].

Топонимика была важной частью оккупационной языковой политики: она была призвана оправдать немецкое присутствие и со временем убедить население, что оккупация является торжеством исторической справедливости.

Спекулятивное использование метафор *свобода* и *освобождение*, которые были основным лозунгом нацистской пропаганды на оккупированных советских территориях⁶, имело разные интерпретации для разных зон оккупации: **освобождение от сталинского социализма и освобождение от советского (русского) присутствия (влияния)**. С этой целью из топонимики выдавливались советские названия (все оккупированные территории) и русские названия (Белоруссия, Украина, Прибалтика). Параллельно с этим процессом, иногда с небольшим опозданием, вводилась программа актуа-

⁶ Подробно автор анализирует язык нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях в работе [Дацишина 2011в].

ции исторического прошлого, описывающего реальное или мнимое присутствие немецких поселенцев на территориях СССР. «Нам нужны новые названия, которые закрепят наши права на две тысячи лет вперед», – заявлял Гитлер ближнему окружению [Там же]. Важным инструментом планомерной политики онемечивания оккупированных территорий стал поиск на них немецких корней. Ведомство А. Розенберга, имперского министра по делам оккупированных восточных территорий, направляло специальные рабочие группы, включавшие научных экспертов, подобранных по направлениям. Каждая рабочая группа имела конкретные задачи. Так, в задачи группы «Этнография» входило следующее:

1. Взять в занятых областях под контроль особо ценные проявления народной культуры (предметы, архивные документы, произведения письменности и т.д.), и в особенности [культуры] проживающих там немецких меньшинств.

2. Взять под контроль свидетельства германо-немецкого влияния на культуры местных народов и выявление элементов индоевропейского происхождения в духе того или иного народа.

<...>

5. Выявить свидетельства борьбы в области культуры против местных немецких меньшинств⁷ [Картотека «Z» 1998: 18].

Например, в окрестностях Минска велись археологические раскопки с целью доказать, что найденные там предметы относятся к позднейшей эпохе викингов. Утверждалось, что это могильники германских племен, которые положили начало русскому государству и создали в Смоленске крупный торговый и политический центр.

Развернутый материал для анализа того, как с помощью переименований вводились немецкие названия, как менялась смысловая нагрузка топонима, дает перечень переименованных улиц оккупированного Минска⁸. Рассмотрим таблицу, где указаны довоенные названия улиц Минска и названия, данные оккупационными властями.

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Адрадценна	Мопрговская
Алесь Гаруна	<i>Нет информации</i>
Аэропорта	Московская
Артиллерийская	Пролетарская
Бахрейн	Чичеринская
Бахудевича	Краснознаменная
Бенца	Пульховская
Бисмарка	Белорусская
Базарная площадь	Свободы площадь
Базарная ул.	Ленинская
Вокзальная	<i>Нет информации</i>
Вихрова	<i>Нет информации</i>
Волоцкая	Краснозвездная
Варшавская	Московская
Водный пер.	<i>Нет информации</i>

⁷ Выделено мной. – М. Д.

⁸ Наименование улиц г. Минска по состоянию на 1 мая 1943 г. Справка подготовлена старшим помощником начальника секретного отдела Центрального штаба партизанского движения капитаном Карповым. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 124–125.

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Виленская	Виленская
Гаусса	2-я Долгобродская
Гнейзенау	<i>Нет информации</i>
Гродненская	<i>Нет информации</i>
Гуттенберга пер.	<i>Нет информации</i>
Ганзейская	<i>Нет информации</i>
Главная	Советская
Даймлера	<i>Нет информации</i>
Дрезденская	<i>Нет информации</i>
Длинная	Раковского
Железнодорожная	<i>Нет информации</i>
Западных казарм	Дзержинского
Ивановский пер.	<i>Нет информации</i>
Ген дер Шляйфе	2-я Леккерта
Каниец	Григорьевская
Кальварии пер.	<i>Нет информации</i>
Комендантская	Карла Маркса
Коперника	<i>Нет информации</i>
Льняная	Новозамковая
Левского пер.	<i>Нет информации</i>
Лип	Володарского
Луцкевича пер.	<i>Нет информации</i>
Луцкевича ул.	Толстого
Лютцова	Ново-Романовская
Лесная	<i>Нет информации</i>
Молодости	Тарасовский пер.
Марцинкевича	<i>Нет информации</i>
Могилевская	Могилевское шоссе
Молодечно	<i>Нет информации</i>
Московская	<i>Нет информации</i>
Немецкая	Карла Либкнехта
Нашенивский пер.	Сергеевская
Новый переулок	<i>Нет информации</i>
Николаевская	Кропоткина
Новоградская	<i>Нет информации</i>
Набережная	Кожевенная
Оперная площадь	Парижской коммуны площадь
Оперная ул.	Пролетарская
Пивная	Александровская
Полевая	<i>Нет информации</i>

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Пехотная	<i>Нет информации</i>
Первомайская ⁹	Первомайская
Парковая	Госпитальная
Потсдамская	Красноармейская
Поперечная	<i>Нет информации</i>
Победы	Свердловская
Речной пер.	<i>Нет информации</i>
Радио	Моисеевская
Рижская	Комаровская
Роберта Коха	<i>Нет информации</i>
Рентгеновский пер.	<i>Нет информации</i>
Рутенский пер.	<i>Нет информации</i>
Старозамковая	1-я Долгобродская
Стадионная	Университетская
Садовая	Комсомольская
Стенная	Нижнее-Серпуховская
Средняя	Республиканская
Северная	Логейский тракт
Саперная	Московская
Сергея Полуяна	<i>Нет информации</i>
Смоленская	<i>Нет информации</i>
Своячный пер.	<i>Нет информации</i>
Тюремная	Урицкого
Танковая	Интернациональная
Театральная ул.	Энгельса
Театральный пер.	<i>Нет информации</i>
Университетская	<i>Нет информации</i>
Ф а б и я н а - Ш а н т ы р	<i>Нет информации</i>
Фабричная	Оранская
Флемир-Шика	Пугачевская
Флорион пер.	<i>Нет информации</i>
Фуггера	Розы Люксембург
Хохплац (Высокая площадь)	Нижний базар
Церковная	Революционная
Черный пер.	<i>Нет информации</i>
Черноморский пер.	<i>Нет информации</i>
Шоссейная	Кальварийская
Шилл пер.	<i>Нет информации</i>
Шверинская	<i>Нет информации</i>
Южная	Червеньский тракт

⁹ В нацистской Германии 1 мая отмечался как День труда: распустив профсоюзы и присвоив их имущество, режим оставил праздник 1 мая как символ освобожденного труда.

Выделим основные тенденции политики, проводившейся в области топонимии.

1. Общим для всех карт оккупированных городов стало исчезновение таких улиц, как *Интернациональная*, *Революционная*, *Карла Либкнехта*, *Розы Люксембург*, *Луначарского*, *Чичерина*, *Ленина*, *Урицкого*, *Энгельса*, *Пролетарская*, *Парижской коммуны*, *Комсомольская*, *Кропоткина*, *Володарского*, *Раковского*. Итак, **первым** направлением введения новых топонимов стало **исключение из названий советских терминов**. Новые названия, как правило, были либо возвращением дореволюционных, которые не использовались более двадцати лет; либо легитимным закреплением названий, конвенционально использовавшихся местными жителями. Все названия сельсоветов (в оккупации – волостей), которые были советскими, изменялись. Например, Первомайская волость была переименована в Ливскую; Красноармейская – в Нашёкинскую; Красная – в Сутокскую; Луначарская – в Езерищевскую; Пролетарская – в Лопатовскую; Знаменская – в Чайкинскую; Калининская – в Лужковскую; Чайкинская – в Луковскую¹⁰. В данном случае обращает на себя внимание двойное переименование (**А** меняется на **В**; **В** меняется на **С**; в обоих случаях достигалась главная цель: уничтожение советских обозначений населенных пунктов). В Брянске улицу Урицкого стали называть Успенской, Луначарского – Старо-Соборной, пригородный поселок Урицкий – Мальцевским¹¹. С исчезновением советской терминологии **вымарывался целый период жизни общества**, равный жизни одного поколения (20–25 лет).

2. С учетом политики национального раскола, которая проводилась оккупационными властями, в Белоруссии и Украине, равно как и в Прибалтике, из названий убирались не только советские наименования, но и имена деятелей российской истории и культуры, **последовательно уничтожались «следы русского влияния»**. Так, переименовывались улицы *Толстого*, *Пугачевская* и пр.

В одной из финских газет, которые издавались на оккупированной Финляндией территории Восточной Карелии, 12 февраля 1943 г. были напечатаны новые названия улиц Петрозаводска. «Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему как важнейшему национальному пункту Восточной Карелии и подобает иметь. Лицо города становится все более финским. В стирании следов *рюсси*¹² из города этим сделан еще один большой шаг вперед, и Петрозаводск таким образом получает новый наглядный знак того, что это финский город, а не русский <...> Это национальные, финские названия, по ним сразу видно, что здесь, в Восточной Карелии, мы ходим по старой финской земле. Ряд названий взят из сферы калевальской культуры, и этим подчеркивается тот факт, что карельская культура представляет собой древнюю финскую культуру, которая решительно отличается от всякого русского образа мышления» [По обе стороны... 1995: 312–313]¹³.

В коллаборационистской прессе появлялись статьи «Белорусы не русские»¹⁴. Белоруссия стала называться Белорутенией, а белорус – белорутинном. Это новое название

¹⁰ Выписка из приказа №17 начальника Идрицкого района Либекса от 14 января 1942 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1142. Л. 224.

¹¹ Приказ по Брянской городской управе о переименовании улиц, поселков и площадей города Брянска от 30 октября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 107.

¹² «Рюсси» – оскорбительное, уничижительное название русских на финском языке.

¹³ В оккупированной Финляндией части Восточной Карелии проводилась последовательная политика в области топонимии. Наиболее известны два документа: «Из списка центральных улиц села Олонца, переименованных финскими оккупационными властями» и «Из списка улиц Петрозаводска, переименованных финскими оккупационными властями». Оба документа относятся к январю–февралю 1943 г. Из них следовало, что улица *Карла Маркса* переименовывалась в *Главную*, *Фридриха Энгельса* – в *Центральную* или *Садовую*, *площадь 25 Октября* – в *Административную*, *площадь Кирова* – в *площадь Свободы*, *Ленина* – в *Карельскую*, *Первомайское шоссе* – в *Беломорское*, *Куйбышева* – в *Северную*, *Пушкинская* в *Лённрота*, *Гоголя* – в *Воина*, *Льва Толстого* – в *Казарменную*, *Грибоедова* – в *Вокнаволоцкую* и пр. Подробнее см. [По обе стороны... 1995: 307–308, 312–315].

¹⁴ «Minsker Zeitung». 4.07.1942 г.

должно было постепенно стереть представление об исторически сложившейся общности и дружбе с русским народом и послужить удобным приемом для дальнейших исторических фальсификаций.

3. В Белоруссии, **заигрывая с частью националистически настроенного населения**, оккупационные власти называли некоторые улицы городов именами деятелей культуры, выступавших за национальное возрождение, а также известных своими анти-советскими убеждениями (например, лидеров белорусской эмиграции в Литве, которые в 1920-е гг. объединялись вокруг журнала «Наша нива»). В качестве примера приведем минскую улицу, названную в честь поэта Алесея Гаруна (псевдоним Александра Владимировича Прушинского, активного участника национального и революционного движения начала XX в., который провел девять лет в иркутской ссылке, активно выступал за белорусское национальное возрождение вплоть до своей смерти в Польше в 1920 г.)¹⁵. Это был один из приемов добиться снижения сопротивления населения, его нейтрализации или привлечения его на свою сторону путем различных туманных обещаний. В плакатах и листовках, напечатанных миллионными тиражами, содержались намеки на решение вопроса о государственной самостоятельности: «Пробил час вашего освобождения» или «Вы теперь можете взять власть в свои руки», «Помогайте германскому командованию установить власть, свободную от большевистских тиранов». Однако в действительности ни о каком создании даже марионеточных правительств речи не шло. Значительная часть националистов оказалась в тюрьмах. Особенно жестким репрессиям подвергались националистически настроенные деятели Украины, Литвы и Латвии. Часть из них, как Бандера¹⁶, были отправлены оккупационными властями в зоны заключения. В рижской тюрьме нередко в одной камере оказывались и просоветски настроенные жители Риги, и откровенные националисты. Лишив государственности, культуры, средств производства и источников существования, истребляя народы, оккупационные власти в своей пропаганде преподносили оккупацию как освобождение, защиту национальных интересов. Но переименования улиц в честь деятелей национального движения (наряду с разрешенными казацкими чубами) оставались единственным подтверждением национальной идентичности.

4. Гитлер неоднократно подчеркивал, что вся Прибалтика должна стать частью рейха. Так, после объявления в Латвии немецкого языка государственным многие улицы Риги **были переименованы на немецкий лад**. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Исчезли улицы Яна Райниса¹⁷ и Валдемара¹⁸, известных деятелей движения за независимость Латвии.

Все улицы не могли быть названы в честь Гитлера. Тем не менее новые немецкие названия несли значительную смысловую нагрузку. Какова была семантика этих новых названий?

Самым популярным приемом нацистской пропаганды было встраивание нацизма в контекст европейской и мировой истории. Нацисты объявляли себя наследниками великого прошлого Германии, продолжателями ее лучших традиций. Во-первых, улицы

¹⁵ Поскольку данная тема выходит за рамки нашей статьи, мы лишь отметим переименование минских улиц и переулков в честь деятелей Белорусской Народной Рады периода 1920-х гг. – братьев Луцкевичей и Сергея Полуяна, Фабиана Шантыра; а также наименование Нашенивский пер. – от названия журнала «Наша нива», который был трибуной белорусской эмиграции в Литве (в таблице выделены разрядкой).

¹⁶ Бандера Степан (1909–1959) – лидер и идеолог организации украинских националистов. 5 июля 1941 г. помещен в центральную Берлинскую тюрьму. В 1942–1944 гг. находился в специальном бараке для влиятельных политических фигур оккупированных нацистской Германией стран в концлагере Заксенхаузен.

¹⁷ Райнис (псевдоним Яна Плиекшанса) (1865–1929) – латышский поэт, переводчик, политик, один из авторов Латвийской конституции, духовный лидер латышского народа.

¹⁸ Валдемар Кришьян (1825–1891) – латышский общественный деятель второй половины XIX в. В 1862–1865 гг. К. Вальдемар, Ю. Алунан и К. Барон издавали в Петербурге газету «Петербургас авизес» («Петербургская газета»), распространявшуюся и в Латвии.

стали носить имена политических лидеров Германии, которые символизировали ее великое историческое прошлое, поскольку внесли действительно большой вклад в ее историю (Бисмарк¹⁹, Фуггер²⁰). Во-вторых, улицы назывались в честь видных представителей немецкой науки и культуры (*Рентгеновский*²¹ переулок, улицы *Гауса*²², *Роберта Коха*²³), а также культовых для лидеров нацистской Германии автомобильных конструкторов (*Бенца*²⁴, *Даймлера*²⁵). В-третьих, отдельный раздел представляли наименования, связанные с деятелями немецкой истории, которые были знаковыми фигурами для политической и военной элиты нацистской Германии (*Лютцов*²⁶, *Гнейзенау*²⁷). В Берлине периода Второй мировой войны были и Лютцовплац, и Лютцовштрассе [Васильчикова 1994: 124]. В-четвертых, использовались немецкие топонимы (*Хохплац*²⁸, переулок *Флорион*²⁹). В-пятых, улицы получали названия, символизировавшие историческую обусловленность оккупации тем, что захваченные области якобы традиционно входили в сферу немецкого (*Ганзейская*³⁰ улица). В-шестых, улицы назывались в честь

¹⁹ В приведенной выше таблице такие названия выделены полужирным шрифтом.

Бисмарк (Bismarck) Отто фон (1815–1898) – первый канцлер Германской империи. В 1859–1862 гг. был посланником прусского императора в Санкт-Петербурге, изучал русский язык, тесно общался с главой внешнеполитического ведомства Российской империи князем А.М. Горчаковым.

²⁰ Фуггеры (Fugger) – знаменитый род немецких промышленников и предпринимателей XV–XVII вв.

²¹ Рёнтген (Rontgen) Вильгельм Конрад (1845–1923) – знаменитый немецкий физик, которому принадлежит открытие рентгеновских лучей. Стал первым лауреатом Нобелевской премии (1901) в области физики. Вел очень скромный образ жизни, по первому призыву немецкого правительства к гражданам Германии во время Первой мировой войны отдал свои сбережения, включая Нобелевскую премию, в фонд обороны Германии.

²² Гаус (Gauß) Карл Фридрих (1777–1855) – немецкий математик с мировым именем. В 1824 г. был избран членом Петербургской академии наук.

²³ Кох (Koch) Роберт (1843–1910) – крупнейший микробиолог, открывший бациллу сибирской язвы, холерный вибрион. В 1905 г. за открытие туберкулезной палочки и исследования туберкулеза был награжден Нобелевской премией в области физиологии и медицины.

²⁴ Бенц (Benz) Карл (1844–1929) – немецкий изобретатель, инженер, автоконструктор. В 1926 г. объединил свою компанию с фирмой Даймлера, образовал известную «Даймлер-Бенц», которая существует до сегодняшнего дня.

²⁵ Даймлер (Daimler) Готлиб (1834–1900) – немецкий инженер, конструктор и промышленник. Разработал вместе с Вильгельмом Майбахом первый автомобиль (1889 г.) и несколько типов двигателей внутреннего сгорания.

²⁶ Лютцов (Lutzw) Адольф фон (1782–1834) – немецкий Денис Давыдов, во время оккупации Пруссии Наполеоном Бонапартом возглавивший партизанскую войну в тылу врага. Попал во французский плен и был допрашиваем лично Наполеоном. В его честь в Германской империи был назван линейный крейсер «Лютцов»; в нацистской Германии – тяжелый крейсер «Лютцов» и дивизия СС.

²⁷ Гнейзенау (Gneisenau) – немецкий линкор Второй мировой войны (особенно активно использовался против британских конвоев и боевых соединений в 1940 г.), названный в честь фельдмаршала и реформатора Прусской армии Августа Вильгельма Гнейзенау и в память о затопленном в годы Первой мировой войны одноименном немецком крейсере. Гнейзенау во всех трех смысловых контекстах – крейсера двух мировых войн и имя собственное известного прусского военного деятеля – были знаковыми для представителей военной элиты нацистской Германии.

²⁸ Хохплац – нем. Hochplatz ‘высокая площадь’.

²⁹ Флорион – нем. Florian ‘цветочная’ (улица). Это название также может быть связано с двумя именами собственными: 1) святой католической церкви Флориан Лорхский и 2) Флориан Гайер – один из наиболее почитаемых героев Крестьянской войны в Германии (XVI в.), имя которого в нацистской Германии 9 сентября 1942 г. было присвоено 8-й кавалерийской дивизии СС.

³⁰ Ганза (Hansa) – союз немецких городов в XII–XVII вв., созданный для защиты торговли, с одной стороны, от власти феодалов, с другой стороны, от пиратства. В союз входили немецкие города или города с немецким населением, которые имели право самостоятельного автономного управления. Ганза имела свои представительства в ряде городов Европы, в том числе в русском Новгороде.

немецких городов или аналогичных улиц в немецких городах (*Потсдамская, Дрезденская, Немецкая*; улица *Лип* семантически отсылала к знаменитой берлинской «Улице под липами», *Унтер-ден-Линден* (*Unter den Linden*)). Иногда представители оккупационных администраций, участвовавшие в программе переименования, называли улицу оккупированного города в честь своего собственного города.

Таким образом, через переименования улиц и отказ от прежних названий проводилось сразу несколько манипуляций массовым сознанием: стирание 25-летнего периода советской истории и отбрасывание к началу XX в.; активная экспансия немецкого языка, представление Германии передовой и развитой страной, которая является источником культуры для оккупированных территорий и безусловным примером для подражания; выдвижение новых героев, новых образцов для подражания; декларация исторической предопределенности оккупации, адресация к тому, что данные территории были интегрированы в экономическое и культурное пространство, единое с немецкими городами, и испытывали значительное немецкое (германское) влияние.

Подчеркнем, что онемечивание названий имело на разных территориях различную динамику. Чем дальше оккупированные области находились от границы СССР, нарушенной 22 июня 1941 г. армиями вермахта, тем реже использовались немецкие названия при переименовании. На территории Белоруссии, Украины, Прибалтики новые названия имели немецкое происхождение чаще, чем на оккупированной территории РСФСР. Отчасти это было связано с сохранившимися топонимами немецкого происхождения и наличием областей, где с XVIII в. компактно проживало немецкое население. Однако основной причиной было восприятие оккупированных западных областей СССР надежно завоеванными, где новая власть чувствовала себя уверенно и собиралась остаться навсегда, а потому данные территории можно было смело объявлять «областью рейха».

Со времен египетских фараонов завоеватели традиционно давали новые имена представителям покоренных народов³¹. Впрочем, автор статьи пока не обнаружил в российских архивах информации о специфике выбора имен для новорожденных или рекомендаций со стороны оккупационных властей при регистрации младенцев.

Частным случаем переименования можно считать **введение системы новых обращений** на временно оккупированных советских территориях. Так, на собраниях по выбору сельских старост в деревнях Московской области (Жилетово, Тонино, Осеньевская слободка и др.) было заявлено, что называть друг друга товарищами не нужно, обращаться друг к другу нужно «гражданин», а к старосте – «господин»³².

Следующим шагом последовательной германизации местного населения и раскола славянских народов стала **замена кириллицы латинским шрифтом** (Белоруссия). «Латинский шрифт, – заявляла немецкая газета «Минскер цайтунг», печатавшаяся в Минске, – это общеевропейская культурная ценность. Белоруссия отвернулась от азиатской культуры и старается примкнуть к европейской, тем более что она окончательно принята в семью европейских народов. Поскольку в Германии признан латинский шрифт, значит, он должен стать единым шрифтом и для Белоруссии»³³. Онемечивание в Белоруссии, где последовательно проводилась политика «освобождения от русского влияния», происходило с младшего школьного возраста. С сентября 1942 г. в школах Минска с первого класса вводился латинский шрифт, что должно было явиться дальнейшим шагом по пути раскола русской и белорусской культуры³⁴.

В доктринальные установки политического руководства нацистской Германии вмешивались реалии оккупированных территорий СССР. Отказаться сразу от славянских

³¹ Вспомним книгу Бытия, где Иосифа в Египте называли Цафнаф-панеах (Быт 41, 45).

³² Протокол допроса немецкого старосты Беляева Г. А., составленный 5 января 1942 г. старшим следователем особого отдела НКВД 43-й армии лейтенантом госбезопасности Махотиным. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 18.

³³ «Minsker Zeitung». 14.09.1942.

³⁴ «Minsker Zeitung». 24.09.1942.

топонимов, заменив их на немецкие, было невозможно при условии, когда основная масса населения не владела немецким языком.

Введение обозначений на немецком языке дополнялось введением **расширенного преподавания немецкого языка в школах на оккупированных территориях**³⁵.

Недельную программу в начальной школе можно представить в виде таблицы³⁶.

Предметы	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Немецкий язык	–	–	4	6
Русский язык (значительное количество часов обманчиво, т.к. сюда включалось также пение, рисование и чистописание)	9	9	6	6
Арифметика	6	6	4	4
География	–	–	2	2
Естествоведение	–	–	2	2
Рукоделие	–	3	3	3
Физкультура	3	3	3	3
Всего уроков в неделю	18	21	24	26

Характерны замечания о требованиях к степени изученности того или иного предмета, своеобразный список компетенций ученика. По предмету «немецкий язык» ученик должен был «научиться изъясняться по-немецки в повседневной жизни»³⁷ (разрядка моя. – М. Д.).

Не будем забывать, что реалии повседневной жизни, в которой был необходим немецкий язык, устанавливались самими оккупационными властями. Поэтому объем активного словаря немецкого языка, который служил основным средством коммуникации, в значительной степени определялся самим оккупационным режимом.

В этой связи интересно не столько обращение к школьным программам изучения немецкого языка, сколько усилия по вовлечению в новую знаковую систему и взрослого населения. Значительная часть пропагандистских материалов была подготовлена с учетом специфики сельских жителей, которых на оккупированных территориях было больше, чем городского населения³⁸. Так, оккупационными властями выпускались календари сельского хозяина, где наряду с материалами по уходу за домашними животными и сельскохозяйственным работам размещались и материалы, призванные закрепить установки оккупационных властей. В таких изданиях печатались перечни знаменательных дат с указанием дней рождения лидеров нацистской Германии, размещались русско-немецкие самоучители и разговорники.

Рассмотрим особенности наполнения **самоучителя немецкого языка для взрослого населения** на примере одного из календарей сельского хозяина³⁹. Для того чтобы не утяжелять текст, мы не всегда будем давать перевод русских слов на немецкий язык, сохраняя перевод немецкого слова на русский язык, который был дан в словаре

³⁵ Особенности учебных программ на оккупированных территориях автор рассматривает в работах [Дацишина 2011а; 2011б].

³⁶ Доклад об итогах развития партизанского движения, борьбы партизан с немецкими оккупантами и положения в оккупированных районах Калининской области с начала Отечественной войны до 1 августа 1943 г. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 278.

³⁷ Там же. Л. 278–278 об.

³⁸ Споры о количестве жителей на оккупированных территориях до сих пор продолжаются. Будем считать, что в той или иной степени оккупации подверглись территории, где до войны проживало около 80 млн. человек.

³⁹ Народный календарь на 1943 год. Спутник сельского хозяина. Псков: Издательство «Новая жизнь». 1943. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1203.

самоучителя. Упомянем, что даже для многозначных слов давался только один вариант перевода.

Жителю оккупированной территории предлагалось знать перевод 84 немецких глаголов⁴⁰:

иметь (haben)	ненавидеть (hassen)
быть (sein)	выиграть (gewinnen)
чувствовать (fühlen)	потерять (verlieren)
видеть (sehen)	искать (suchen)
слышать (hören)	находить (finden)
жить (leben)	покупать (kaufen)
умирать (sterben)	продавать (verkaufen)
вставать (aufstehen)	торговать (handeln)
ложиться (sich hinlegen)	мерить (messen)
ходить (gehen)	весить (wiegen)
бегать (laufen)	вешать (hängen)
прыгать (springen)	поставить (hinstellen)
танцевать (tanzen)	положить (hinlegen)
садиться (sich setzen)	взять (nehmen)
падать (fallen)	резать (schneiden)
приходить (kommen)	рубить (hacken)
уходить (fortgehen)	строить (bauen)
скрыться (verschwinden)	шить (nähen)
оставаться (bleiben)	чинить (ausbessern)
ехать (fahren)	оставлять (lassen)
воевать (kämpfen)	понимать (verstehen)
спорить (streiten)	радоваться (sich freuen)
говорить (sprechen)	горевать (trauern)
сказать (sagen)	плакать (weinen)
рассказывать (erzählen)	смеяться (lachen)
учить (lehren)	возить (führen)
учиться (lernen)	перевязать (verbinden)
читать (lesen)	мыться (sich waschen)
писать (schreiben)	купаться (baden)
считать (rechnen)	лечить (heilen)
отворить (öffnen)	работать (arbeiten)
закрыть (schliessen)	думать (denken)
хотеть (wollen)	пить (trinken)
желать (wünschen)	есть (essen)
брать (nehmen)	поститься (fasten)
давать (geben)	спрашивать (fragen)
получать (erhalten)	отвечать (antworten)
верить (glauben)	мочь (können)
уважать (ehren)	служить (dienen)
любить (lieben)	слушаться (gehörchen)
платить (zahlen)	

Говоря о выборе глаголов для самоучителя немецкого языка, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, он отражал реалии оккупированных территорий. В выбранных глаголах⁴¹ мы слышим эхо военного времени (*ненавидеть, перевязать, умирать, плакать, потерять, горевать, воевать, скрыться, чинить, оставлять*); однако большую их часть составляли глаголы движения, называющие простейшие действия (*закрыть, открыть, читать, считать, падать, лежать, сказать, рассказать*), а также действия, связанные с физическим трудом и обеспечением жизнедеятельности (*мерить, весить, торговать, строить, рубить, возить*). И, наконец, в наборе глаго-

⁴⁰ Сохранен порядок, данный в самоучителе.

⁴¹ Автор опускает модальные глаголы.

лов отражена медиация первоначальных установок в отношении местного населения (*танцевать, любить*).

С другой стороны, самоучитель не содержал глаголов *повесить, расстрелять, убить* и пр., которые отражали репрессивные действия оккупационных властей в отношении партизанского движения и любого неповиновения со стороны местного населения. В этой части, конечно, создавалась предпочтительная реальность, которая была призвана декларировать социальный мир и гармонию оккупационных властей и местного населения.

Самоучитель предлагал названия цветов (13 слов); имена прилагательные с указанием качественных характеристик (*большой – маленький, соленый – кислый, грязный – чистый*), выстроенных в оппозиции друг к другу (45 слов). Был дан перевод имен числительных от одного до миллиона; наречий места (22 слова: *сюда – туда, близко – далеко* и пр.); наречий времени (14 слов: *вчера – сегодня, всегда – иногда, часто – редко, поздно – рано*).

Наибольший интерес вызывает подбор имен существительных, представленных для изучения. Именно он дает возможность анализировать то лексическое поле, множество слов, понимание которых должно было быть единым для местного населения и оккупационных сил. Поскольку самоучитель составлялся оккупационными администрациями, он выражал их основные намерения и описывал те области повседневной жизни, в которой они хотели быть понятыми местным населением.

Отдельный блок представляли слова, описывающие богослужение (16 слов), имевшие отношение к отправлению религиозного культа: *Бог, Христос, Святой дух, святые, священник, крестины, обедня, молебен, панихида, алтарь, икона, церковь, крестный ход, крест*.

Сюда же можно отнести и названия праздников (16 слов), значительную часть из которых составляли, наряду с Новым годом, праздники религиозного происхождения: *Крещение, Сретение, Масленица, Благовещение, Вербное Воскресение, Светлое Христово Воскресение, Вознесение, Троицын день, Успение, Рождество Богородицы, Рождество Христово, Преображение Господне, Крестовоздвижение, именины, день рождения*.

Таким образом, 32 существительных были связаны с религиозной тематикой. Это легко объясняется тем, что на оккупированной территории широко проводилась пропаганда возврата к религиозным ценностям. Открытие церквей было не самоцелью, а частью программы стирания памяти о советском прошлом. Активно проводилась попытка вовлечения священства в коллаборационистскую деятельность. Объявляя советский строй ненастоящим социализмом, нацистская пропаганда обвиняла советский режим не только в необоснованных репрессиях, но и в запрете на религиозную деятельность на территории СССР. Религиозный дискурс был частью антисоветского дискурса, декларацией мнимого возврата к утраченным ценностям, еще одной личиной «свободы» от советского режима.

Показательно, что в разделе «природа и погода» (28 слов) самоучителя значительное место уделено характеристике русского климата: *зима, буря, тучи, гром, молния, дождь, снег, град, мрак, холод, мороз* (*der Winter, der Sturm, die Wolken, der Donner, der Blitz, der Regen, der Schnee, der Hagel, die Finsternis, die Hitze, der Frost*). Метафора «*русская зима*», всегда имевшая для европейца резко отрицательную коннотацию (что-то непреодолимое, то, чему невозможно противостоять, что несет гибель) [Дацишина 2011 г: 149–156], была запрещена к использованию внутри Германии: это выражение Гитлер признавал «психологически опасным» и подлежащим изъятию из употребления [Гальдер 2010: 532]. «Сибирь – пугало для всех. Вероятно, такое представление возникло по книгам: по Толстому, Достоевскому и т.д.», – отмечал немецкий военнопленный Эккарт Брист⁴². В своих воспоминаниях Лени Рифеншталь писала, что мысль о русской зиме

⁴² Протокол допроса военнопленного ефрейтора 3-й роты 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии Эккарта Бриста, произведенный подполковником Аржановым 22.11.43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 168. Л. 42.

порождала в ее сознании сюрреалистические картины, от которых оставалось впечатление непреходящего ужаса⁴³. Показательно, что такие видения возникали у режиссера Лени Рифеншталь, которая до этого принимала активное участие в зимних съемках в Гренландии, была завзятой лыжницей, любила горы и снег, снималась при температуре минус 28 градусов в картинах Арнольда Фанка и не испытывала неприязни к зиме, которая была характерна, например, для Гитлера. Гитлер объяснял свою патологическую нелюбовь к холоду как мистик, он повторял в ближнем кругу: «Я всегда ненавидел снег <...> я всегда его ненавидел. И теперь знаю, почему. Это было предчувствие» [Тревор-Ропер 2004: 308]. Популярный анекдот, ходивший по рейху в 1943 г., также отсылал к «зимней» теме: «В чем разница между Германией и Россией? – спрашивал один. – В России прохладнее, – отвечал другой» [Герцштейн 1998: 490–491].

Уже в январе 1947 г. в Германии Эрнст Юнгер записал в дневнике: «Сибирская стужа. Приятная мысль, что вместе с ней совсем близко подступает смерть, обретая характер атмосферы» [Юнгер 2007: 319]. Таким образом, сибирский мороз, мороз как имманентная черта России и неминуемая гибель от мороза в России были неразрывно связаны в сознании немецкой оккупационной армии, да и нации в целом. Этим объясняется внимательное отношение составителей самоучителя к подробному описанию возможных катаклизмов, с которыми сталкивалась немецкая армия на территории СССР.

Традиционными для любого самоучителя являются разделы «время», «дни недели», «названия месяцев», поэтому мы не будем останавливаться на них подробно.

Значительное место в рассматриваемом самоучителе было уделено существительным, которые описывают человеческое тело, его физические особенности. К ним относилось 46 слов: *голова, волосы, лицо, лоб, глаза, брови* и др. (*der Kopf, die Haare, das Gesicht, die Stirn, die Augen, der Augenbrauen, die Nase, die Ohren, die Wangen, das Kinn, der Bart, der Schnurrbart, der Mund, der Lippen, die Zunge, der Hals, die Gurgel, das Genick*).

При этом важно отметить, что чувства и способности (точнее, состояния, настроения. – М. Д.) человека (*ум, разум, воля, мысль, память, любовь, ненависть, дружба, вражда, желание, радость, печаль, счастье, несчастье, боль, зрение, талант, вкус* и пр. – *die Seele, der Verstand, die Vernunft, der Wille, der Gedanke, die Liebe, der Hass, die Freundschaft, der Wunsch, die Freude, die Trauer, das Glück, das Unglück, der Schmerz, das Sehen, das Talent, der Geschmack*) описаны гораздо меньшим числом существительных по сравнению с физическими характеристиками тела: 20 против 46.

Выделим основные причины, которые обусловили такой выбор. Во-первых, значимыми качествами местного населения являлись прежде всего их физическая выносливость и способность выполнять трудовые повинности, необходимые для оккупационных администраций. Во-вторых, наличие подробного описания физического облика человека обеспечивало контролирование социальной мобильности населения на оккупированной территории, что было особенно важно в рамках организованного противостояния советских партизанских подразделений и иных проявлений неповиновения оккупационному режиму. В-третьих, описание объявленных социально чуждыми на оккупированных территориях групп населения (в том числе этнических) нередко сводилось к описанию именно внешних физических характеристик. Так, на оккупированных

⁴³ Приведем текст мемуаров дословно: «Немецкие войска <...> стояли в 30 километрах от Москвы <...> В это время меня стали преследовать ночные кошмары. Ужасы войны полностью овладели моим подсознанием. Я видела сюрреалистические картины из снега, льда и человеческих тел, которые распадались на части и снова, как в игре-головоломке, соединялись воедино. Мне мерещилось море крестов на белых кладбищах и снятые с лиц умерших гипсовые маски, покрытые льдом. Образы то расплывались, то снова становились резкими, то приближались, то вновь удалялись, словно снятые с борта входящего в штопор самолета. Потом мне казалось, будто я слышу крики, – ужасный сон! Спустя несколько часов после пробуждения радио сообщило, что продвижение немецких войск в России прекратилось из-за наступления сибирских морозов, которые привели к большим человеческим жертвам» [Рифеншталь 2006: 266–267].

территориях можно было встретить оскорбительные плакаты с портретами Соломона Михозлса⁴⁴ и подписью: «Так выглядит еврей».

Значительное место самоучитель уделит *существительным*, определяющим степень родства – 31 слово: *мужчина, женщина, отец, мать, сын, дочь, мальчик, девочка, дитя, брат, сестра, старик, старуха, внучка, дедушка, бабушка, внук, внучка, дядя, тетя, племянник, племянница, кум, кума* и пр. (*der Mann, die Frau, der Vater, der Mutter, der Sohn, die Tochter, der Knabe, das Mädchen*). Это объяснялось жесткой регламентацией пребывания различных групп населения на оккупированной территории: изматывающая смена документов, введение специальных разрешений и пропусков часто зависели от степени родства тех или иных жителей оккупированной территории между собой. Часто цитируется известная сентенция Гимmlера о том, что репрессивные меры против родственников якобы являются древним германским обычаем: «Когда человека объявляли вне закона, то говорили <...> у него дурная кровь <...> она будет вытравлена. И вся семья, включая самых отдаленных родственников, истреблялась» [Васильчикова 1994: 211].

Отдельно стоит упомянуть о фактическом запрете разводов на оккупированных территориях. Это объяснялось не стремлением оккупационных властей укрепить семейные отношения среди местного населения, а намерением жестко отслеживать перемещение внутри зоны оккупации. Женщина и мужчина лучше контролировались, если их брак был «нерушим». Это было еще одним из приемов снижения социальной мобильности населения, что, в свою очередь, обеспечивало максимальный контроль за каждым жителем.

Особое внимание уделялось обеспечению постоянной оседлости населения, вводились запрет на передвижение без специального разрешения комендатуры, расстрел за хождение в ночное время, жесткие системы прописки, практиковались постоянные перерегистрации – все это гарантировало оккупационным властям относительный контроль над территорией и населением. Иногда доказанное родство могло спасти человеку жизнь или отнять ее, если он оказывался родственником партизана или зараженного инфекционным заболеванием человека.

Весьма показательным был подбор существительных в разделе «*должность и профессия*» (38 слов). С одной стороны, были выделены должности и профессии, которые называли представителей оккупационных властей и коллаборационистских администраций (*генерал, староста, городской голова – der General, das Stadthaupt, der Bürgermeister*), с другой стороны, описаны возможные сферы занятий местного населения (*купец, художник, музыкант, парикмахер, часовщик⁴⁵, плотник, столяр, каменщик, печник, слесарь, кузнец, садовник, шофер, портной, портниха, сапожник, слуга, служанка, повар, кухарка, дворник, извозчик, почтальон, чиновник, кучер – der Kaufmann, der Künstler, der Musiker, der Coiffeur, der Uhrmacher, der Zimmermann, der Tischler, der Maurer, der Ofensetzer, der Schlosser, der Schmied, der Kraftwagenführer, der Schneider, der Schuhmacher*). Таким образом, определялись основные сферы занятий для местно-

⁴⁴ Михозлс (наст. фамилия – Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948) – известный театральный деятель, с 1929 г. был руководителем Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Во время Великой Отечественной войны был одним из руководителей Еврейского антифашистского комитета. Успешно принимал участие в организации просоветского дискурса в США, Канаде, Великобритании; активно привлекал средства еврейских общин для борьбы СССР с нацистской Германией. Михозлс был одной из персональных мишеней, которые использовала нацистская пропаганда на временно оккупированных советских территориях.

⁴⁵ Оккупационная армия требовала не только часовщиков, но и ювелиров. В 1950-е гг. Манштейн вспоминал, что после падения Севастополя майор Генерального штаба Эйсман ночью выехал в Симферополь. «Там он поднял с постели одного татарина, золотых дел мастера, дал ему свои серебряные часы и приказал к утру сделать из серебра, содержащегося в часах, одну пару маршальских жезлов на мои погоны. Когда я 2 июля появился к завтраку, жезлы, с тонкой гравировкой, лежали на моем месте. Это был трогательный знак привязанности, и именно поэтому он доставил мне большую радость». Цит. по: Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1999.

го населения, которые были необходимы для обслуживания многомиллионной армии – портные и сапожники, парикмахеры, часовщики, каменщики и столяры, плотники и садовники. Для размещения немецких солдат использовались школы, больницы, клубы. Отдельно стоящих зданий, которые можно было использовать в качестве казарм, не хватало. Значительная часть немецкой армии размещалась в частных домах. Поэтому слова *хозяин* и *хозяйка* (*der Wirt, die Wirtin*) были важны в повседневном общении. Показательно, что социальные роли были разведены: оккупационные власти и представители коллаборационистских администраций – это *господин* и *госпожа* (*der Herr, die Herrin*); представители местного населения – *гражданин* и *гражданка* (*der Bürger, die Bürgerin*). Примером агрессивной социальной регрессии на вербальном уровне был возврат в повседневный словарь слов *слуга* и *служанка* (*der Diener, die Dienerin*). В советское время эти слова были практически вытеснены из повседневного обихода, а обращение *товарищ* было символом социального и гендерного равенства (тождества).

В разделе «мужская одежда» (17 слов) абсолютное большинство составляли существительные, называющие предметы теплой одежды, остро необходимые в холодное время года: *шуба, шинель, пальто, жилет, штаны, шапка, перчатки, воротник, валенки, галоши, сапоги* (*der Pelz, der Uniform-mantel, der Mantel, der Anzug, der Oberrock, die Weste, die Hosen, die Socken, die Mütze, die Handschuhe, der Kragen, die Filzstiefel, die Gummischuhe, die Stiefel*). Немецкая армия до конца войны с СССР была недостаточно обеспечена теплой одеждой. Настоящая катастрофа разразилась зимой 1941/1942 гг. Но и зимние месяцы 1941/1943 гг. и 1943/1944 гг. также стали для немецкой армии в России большим испытанием.

Основной проблемой в России немецкие генералы, да и сам Гитлер, считали русские морозы [Дацишина 2011: 149–156]. Так, в октябре 1941 г. глава имперской прессы Отто Дитрих⁴⁶ потребовал, чтобы немецкая пресса напечатала заголовки, утверждающие, что кампания в России – дело решенное. Эти требования исходили напрямую от Гитлера, который спешил убедить немцев в том, что «военные действия в России зимой не будут нужны» [Герцштейн 1998: 121–122]. Даже Геббельс, регулярно призывавший не делать никаких голословных утверждений, совершил свою знаменитую непростительную ошибку: осенью 1941 г., несмотря на замедлявшийся ход кампании в России, он отказался призвать к кампании по сбору теплых вещей «Зимняя помощь» для немецких солдат, сражавшихся в России. Министр пропаганды полагал, что это может быть «не по нутру» немецкому народу [Там же: 96–97]. В результате вермахт не был оснащен. Не хватало шуб, перчаток на меху, но хуже всего было с обувью: гвозди, которыми были подбиты кожаные сапоги с короткими голенищами, были идеальными проводниками холода. Даже когда начались поставки зимней одежды, они покрыли только 30% общей потребности. Почти каждый второй немецкий солдат получил обморожение. В некоторых частях количество смертей от обморожения было больше, чем от огня Красной Армии. Целые оружейные расчеты замерзали прямо на своих позициях. Как вспоминал один из участников боев под Москвой, солдаты оружейного расчета стояли на коленях позади пушки, превратившись в кусок льда. Тяжелораненые умирали на пути в эвакуацию в промерзших вагонах товарных поездов [Кноп 2009: 91]. Теплая одежда могла спасти жизнь немецкого солдата, поэтому знание местными жителями названий теплых вещей было важно для оккупационных властей. Это приобретало особое значение в условиях существовавшей системы постоянных изъятий у местного населения теплых вещей на нужды немецкой армии.

В отличие от раздела «мужская одежда» в разделе «женская одежда» (9 слов), наряду с *юбками* и *блузками*, были даны существительные, называющие скорее пред-

⁴⁶ О. Дитрих, будучи назначенным на должность статс-секретаря Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, после начала Второй мировой войны ежедневно направлял в средства массовой информации Германии директивы о том, как интерпретировать события на фронте. До середины 1944 г. Дитрих имел больше власти над заголовками немецких газет, чем Геббельс. В отличие от Геббельса, он постоянно находился в ставке Гитлера и фактически ретранслировал слова Гитлера для немецкой прессы.

меты роскоши военного времени: чулки, туфли, шелк, белье (*die Strümpfe, die Seide, die Wasche*).

Этому также было свое объяснение. Расовые запреты на контакты с представителями населения оккупированных территорий очень слабо влияли на реальные отношения солдат немецкой армии и местного женского населения. Эти контакты имели большую амплитуду: от актов насилия до добровольного сожительства и даже романтических отношений. Поскольку в условиях открытого физического насилия, которому подвергались жительницы оккупированных территорий, общий язык не был нужен, мы не будем на этом останавливаться подробно.

Видимость порядка на оккупированной территории в области сексуальных контактов с местным населением было решено придать путем объявления о введении проституции как профессии. В оккупированных городах вывешивались объявления, в которых русским женщинам предлагалось «поработать» в домах терпимости по месту жительства, обслуживая оккупантов. В октябре 1942 г. в г. Россошь Воронежской области было объявлено об открытии публичного дома и о наличии 80 «новых рабочих мест». Оккупационные войска организовали себе досуг, открыв в этом городе три ресторана и казино. Публичные дома открывались в оккупированных районах Воронежской области повсеместно: в Хохле, Нижнедевицке, Воронеже и пр. [С. Филоненко, Н. Филоненко 2005: 141]. В оккупированном Минске уже к сентябрю 1941 г. было открыто несколько притонов для немецких солдат и офицеров, куда насильно забирали молодых девушек⁴⁷. К январю 1943 г. в Минске, согласно данным советской разведки, было пять домов терпимости, фамилии владельцев были засекречены. На каждом доме была установлена вывеска «Дом красавиц», в них содержалось от 30 до 40 девушек⁴⁸. Пока нет статистики по соотношению постоянных и временных публичных домов на оккупированных советских территориях. Трудно оценить их количество и число женщин на оккупированных территориях, вовлеченных в проституцию.

Вместе с тем основная часть женщин, вынужденных заниматься проституцией, шла на это от безысходности в тяжелых условиях оккупации. Это отмечалось в различных донесениях, поступавших с оккупированных советских территорий: и в отчетах СД, которые получали в Берлине, и в докладных записках советских подпольщиков, поступавших в Центральный штаб партизанского движения⁴⁹. Показательно, что моральные устои у девушек из СССР были очень высокими. Гитлер в разговорах с ближним окружением неоднократно упоминал, что до 80–90% девушек на оккупированных территориях СССР, которые были обследованы немецкими врачами, являются девственницами. 30 августа 1942 г. он ссылаясь на результаты медицинского освидетельствования вывезенных на работы в Германии девушек, которые до 25 лет оставались в подавляющем большинстве девственницами [Тревор-Ропер 2004: 595, 617].

Введение домов терпимости не могло прекратить «неорганизованные» контакты солдат и офицеров вермахта с местным женским населе-

⁴⁷ Спецсообщение «О деятельности немецких фашистов на временно оккупированной территории Белорусской ССР» начальника 1-го Управления НКВД СССР Фитина, составленное для Секретаря ЦК ВКП (б) Щербакова 13 сентября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 59.

⁴⁸ Информационная записка «О положении в Минске к январю 1943 г.», составленная для П.К. Пономаренко. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–85.

⁴⁹ Фонд Министерства по делам оккупированных восточных территорий Российского государственного военного архива (далее – РГВА) содержит значительный блок документов, включающих отчеты СД о настроениях на оккупированных советских территориях. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 12 содержит доклад имперского комиссара в Латвии от 12 марта 1942 г. о политическом и экономическом положении в Латвии в 1942 г.; Ф. 1358. Оп. 1. Д. 13 содержит материалы о настроениях латышского народа; Ф. 1358. Оп. 1. Д. 14 содержит материалы о настроениях в Прибалтике и пр. Часть отчетов СД была переведена на русский язык и сейчас хранится в личном фонде главы Центрального Штаба партизанского движения П.К. Пономаренко в РГАСПИ. Ф. 625. См., например: Сообщения СД из занятых восточных областей 29 мая 1942 г., Берлин. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 43. Л. 843–862.

н и е м. Отсутствие достаточного числа казарм вынуждало немецких солдат и офицеров размещаться на постой в частных домах. Некоторые женщины вступали в близкие отношения ради защиты от приставаний других солдат, некоторые – чтобы прокормить детей, престарелых родственников.

Существовало и *в з а и м н о е* *п р и т я ж е н и е*, и взаимный интерес женщин и девушек на оккупированных территориях к немецким солдатам и офицерам. Как правило, чаще налаживались взаимные отношения, если девушки немного говорили по-немецки или знали язык. Так, свидетели оккупации Курской области, где было устроено несколько публичных домов, отмечали, что были и романтические отношения с немецкими солдатами. В летние месяцы 1942 г. «солдаты гуляли с деревенскими девушками и пользовались у них успехом, так как угощали конфетами, и даже дарили цветы, и играли на губных гармошках – развлекали, и “не лапали сразу”, а “вели себя культурно”. Потом в результате этого “культурного поведения” на свет родилось несколько “немчат”» [Оккупированное детство 2010: 30].

Для общения с женщинами на оккупированных советских территориях солдаты вермахта должны были быть понятыми и иметь гарантии, что их поймут, когда они станут использовать, с одной стороны, слова *платить, чулки, белье, танцевать*, а с другой стороны, *любить, чувствовать*.

Таким образом, специфика отношения оккупационных сил к русскому климату и женскому населению причудливо отразилась в словарном запасе для описания мужской и женской одежды.

Раздел «*п и щ а*» (23 слова) содержит существительные, называющие самые обычные съестные припасы, которые использовались в пищу на оккупированной территории: *хлеб, булка, сухарь, блины, суп, щи, уха, каша* и пр. Как известно, в день нападения на СССР части вермахта были снабжены продовольствием всего на 20 дней. Дальнейшее обеспечение предполагалось за счет оккупированных территорий. Этим объясняется набор слов в графе *пища*. Показательно, что в него включены блюда русской, украинской кухни (*блины, щи*).

Раздел «*н а п и т к и*» (10 слов) содержит существительные, называющие *воду, водку, лимонад, вино, пиво, чай, кофе, молоко, сливки, уксус*. Конечно, ни лимонад, ни кофе, ни тем более сливки не были повседневными продуктами питания и напитками у населения оккупированных территорий. Данный набор слов мог понадобиться местному населению при выполнении различных натуральных налогов по распоряжению оккупационных властей в процессе торговли или натурального обмена, во время обслуживания в ресторане, столовой или кафе представителей немецких оккупационных сил. Как вспоминали жители, пережившие оккупацию на Украине, необычайно популярным стало слово *кафе*: «Это слово было в моде. Кафе считалось шиком. На всех пивных <...> висели самодельные вывески» [Гурченко 1987: 66].

Самый значительный блок составляли существительные, называвшие *с е л ь с к и й* *д о м* и относящиеся к нему предметы (97 слов); *н а з в а н и я* *д и к и х* *и* *д о м а ш н и х* *ж и в о т н ы х* *и* *п т и ц*, *р ы б* (46 слов). Сюда же можно отнести и отдельный блок (33 слова) в разделе «*х л е б а*, *р а с т е н и я* *и* *п л о д ы*»⁵⁰.

В отдельный раздел, на первый взгляд, несколько выбивающийся из общего контекста, собраны существительные со значением «*м и н е р а л ы* *и* *м е т а л л ы*» (13 слов): *платина, золото, серебро, медь, железо, свинец, олово, сталь* и пр. Однако кажущееся противоречие легко снимается, если вспомнить, что основной целью в отношении оккупированных территорий было экономическое ограбление⁵¹, масштабный вывоз в Гер-

⁵⁰ Автор опускает перечень слов, которые описывали сельский дом, домашних и диких животных, равно как перечень и перевод числительных и наречий. В контексте статьи большее значение имеет количественная характеристика данного словарного блока, нежели отдельные характеристики каждого слова.

⁵¹ В дневниках сотрудников различных экономических немецких штабов, работавших на оккупированных территориях, находим записи (сентябрь 1942 г.): «В Эстонии имеется пять миллиардов тонн нефтяных сланцев, то есть миллиард тонн нефти. Сегодняшняя добыча – 160 000 тонн

манию сырья, полезных ископаемых, хлеба, леса и рабочей силы. Разнарядки сырья и продуктов, которые должны были сдавать отдельные хозяйства и целые волости, включали детально расписанные таблицы с количеством яиц, молока, мяса, лекарственных трав, овощей и пр. При этом основной сферой деятельности для местного населения определялся физический труд, труд на земле. Что касается диких животных и рыбы в реках и прудах, жителям оккупированных территорий охота и рыбалка были запрещены. Во-первых, все уголья становились собственностью Германии, во-вторых, охота и рыбалка предполагали отсутствие на месте регистрации и способствовали социальной мобильности, в-третьих, они могли сделать легитимным хранение и использование огнестрельного оружия. Существительные, называвшие виды даров дикой природы, были своего рода табуированным оккупационными властями списком.

В отдельном разделе перечислены пресмыкающиеся и насекомые (15 слов); здесь среди прочих названы клопы, блохи и вши (*die Wanze, der Floh, die Laus*). Такой выбор слов неслучаен. Кожные паразиты были бичом вермахта. Об этом регулярно докладывали полковые врачи, которые писали в донесениях о стопроцентной завшивленности солдат. Уже 29 ноября 1941 г. полковой врач 173-го пехотного полка отмечал следующие заболевания среди немецкой пехоты: вшивость – 100%; кожные заболевания – 33%; отеки – 20%; зубные заболевания – 50%; ревматизм – 35%; катар верхних дыхательных путей – 22%; катар желудка – 19% ⁵².

Кроме словаря самоучитель приводил примеры коротких бесед («топиков»). Остановимся на тематике коротких разговоров, данных на страницах самоучителя немецкого языка.

1. Разговор двух коллег, один из которых приглашает другого на прогулку.
2. Разговор в банке (пункте обмена валюты), где один из героев меняет 100 марок.
3. Разговор с директором школы о том, что сын пропускает занятия по уважительной причине (простуда).
4. Посещение врача с целью пригласить его осмотреть больного ребенка на дому.
5. Разговор на почте: покупка почтовых марок, отправка заказных писем, бандеролей и телеграмм в Берлин и Вену.
6. Разговор на перроне вокзала, поиск носильщика, покупка билета.
7. Обед в ресторане, заказ по меню горячих блюд, кофе и фруктов.
8. Приглашение в гости вечером послушать радио.

Очевидно, что данные ситуации не были типичными для всех жителей оккупированных советских территорий, в них могли попасть либо сотрудничавшие с немцами жители, либо, скорее всего, сами немцы, служившие в вермахте или работавшие в различных экономических организациях на оккупированных территориях и приехавшие вместе с семьями ⁵³. Кроме того, в ряде зон оккупации жителям оккупированных территорий был запрещен проезд на поездах.

В большей степени понимание этих коротких разговоров требовалось тем, кто в них непосредственно не участвовал, а оставался понимающим наблюдателем, пассивным участником диалога, т. е. тем, кто обслуживал представителей оккупационных властей на почте, в обменном пункте, на железной дороге, в ресторане и пр.

Как можно оценить словарный запас немецких слов для жителей временно оккупированных советских территорий?

Абсолютным лидером по количеству слов была группа существительных, называвших предметы быта сельского жителя (*сельский дом, предметы сельского быта, домашние и дикие животные, рыбы, птицы, культурные и дикие растения*) – 176 слов.

в год, скоро она должна достичь 500 000 тонн; в дальнейшем цель – 2 миллиона тонн в год. Месторождение по качеству сравнимо с Бакинским, хотя переработка дороже, не больше, чем гидридными установками в Германии» [Хмельницкий 2010: 162].

⁵² Записка полевого врача 173-го пехотного полка для командования полка о состоянии здоровья солдат и офицеров немецкой пехоты. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 80. Л. 19.

⁵³ О встречах с немецкими детьми в оккупированном Киеве с горечью вспоминал А. Кузнецов в книге «Бабий Яр».

Манипулятивная ставка нацистской пропаганды на крестьянство, для которого метафора *свободы* имела свою интерпретацию – свободу от колхозной системы и возврат к единоличным хозяйствам, а на самом деле оборачивалась откровенным грабежом ресурсов страны, – находила свое отражение в активном словаре немецкого языка, который был средством коммуникации на оккупированной территории.

Интересны гендерные различия, которые отразились в наборе слов по темам «мужская одежда» и «женская одежда». Предметы мужской одежды, особенно верхней зимней одежды, интересовали оккупационные войска по причине недостаточной подготовленности вермахта к ведению боевых действий в условиях русской зимы. Что касается предметов женского туалета, то чулки и шелковое белье часто были на оккупированных территориях предметами обмена между представителями оккупационных войск и местными жительницами в зависимости от тех отношений, которые складывались между ними.

Своеобразная агрессия иноязыка приводила к искажениям в русских текстах. Например, в переписке различных подразделений оккупационных администраций стали встречаться такие обороты русской речи: «*Инспектурой* окружного отдела была произведена проверка»⁵⁴.

Переименованные на немецкий лад улицы действовали раздражающе, как вспоминала участник Великой Отечественной войны и первый переводчик дневников Геббельса на русский язык Елена Ржевская: «Действовало на нервы то, что названия наших деревень написаны по-немецки, да еще с искажениями, выявляющими чужой акцент» [Ржевская 2010: 43]. При освобождении городов солдат Красной Армии раздражали «кривляющиеся на домах готические буквы» [Эренбург 2004: 468].

Итак, основными намерениями оккупационных властей, реализованными с помощью внедрения немецкого языка, были доктринальные установки:

- уничтожение памяти о советском прошлом как несправедливом, ненастоящем социализме;
- закрепление религиозной лексики;
- стирание памяти о «русском присутствии» в Белоруссии, Украине и Прибалтике;
- раскол славянских народов, замена на части оккупированных территорий кириллицы латинским шрифтом;
- заигрывание с частью националистически настроенных представителей местной интеллигенции;
- вербальное введение программы социальной регрессии, возвращение в прошлое, отбрасывание на 20–25 лет назад;
- закрепление представления об отсталости страны и ее преимущественно сельскохозяйственном и сырьевом предназначении;
- раскол местного населения на основную массу и тех, кто сотрудничал с оккупационными администрациями (*граждане* и *господа*);
- закрепление новых социальных ролей (с одной стороны – *вождь, офицер, господин*; с другой стороны – *сапожник, слуга*);
- лексическое обеспечение экономического разграбления оккупированных территорий (лексика полезных ископаемых, сырья, сельскохозяйственных продуктов);
- актуализация истории Германии как передовой страны на фоне декларированного отставания местного населения на 20–25 лет;
- пропаганда новых героев и объектов подражания из числа немецких деятелей истории, науки, культуры;
- пропаганда военных достижений Германии, утверждение тезиса о ее непобедимости;
- оправдание оккупации, встраивание ее в исторический контекст через немецкие топонимы и названия.

⁵⁴ Приказ № 134 по Локотскому Окружному управлению от 16 ноября 1942 г. за подписью комбрига Каминского. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1142. Л. 234.

Безусловно, оправдание военного присутствия с помощью топонимики было более декларативным и более идеологизированным, чем повседневная практика общения оккупационных сил и местного населения. Вместе с тем уже на этом этапе проходила медиация первоначального сообщения, поскольку политика в области топонимики имела свои ограничения. На уровне самоучителей немецкого языка медиация первоначальной установки с учетом прагматических задач реальной оккупации получала свое окончательное закрепление. Задача насаждения немецких названий и обучения местного населения немецкому языку имела различные варианты решения на оккупированных советских территориях.

Прагматика повседневной жизни оккупированных территорий выступала медиатором первоначальных доктринальных установок в отношении интервенций немецкого языка:

- **не были осуществлены замыслы Гитлера стереть все славянские названия с топографических карт оккупированных территорий СССР.** Полное уничтожение славянских топонимов было невозможно. Население не владело немецким языком. Без контактов с местным населением и опоры на его частичную поддержку оккупация была невозможна. Уничтожение славянских названий происходило с разной скоростью: чем ближе к границе находились оккупированные территории, тем агрессивнее происходило насаждение немецких топонимов; чем восточнее от границы располагалась оккупированная территория, тем чаще переименование ограничивалось возвратом к дореволюционным названиям;

- **присутствие многомиллионной оккупационной армии вдали от дома влияло на гендерное разделение лексики, которая использовалась для контактов с мужским и женским населением оккупированных территорий;**

- **контролирование социальной мобильности населения оккупированных территорий определило значительный словарный запас, описывающий кровное родство и кровных родственников, а также физические характеристики человека.**

Мы приходим к выводу, что первоначальные намерения оккупационных сил подверглись на оккупированных советских территориях некоторой медиации с учетом прагматики. Вместе с тем **анализ активного словаря немецкого языка не позволяет говорить о значимости такой медиации** и тем более существенном отклонении от первоначальных целей экономического разграбления оккупированных территорий и использования его сырьевых и человеческих ресурсов. Немецкий язык, та его часть, которая могла быть общим кодом для оккупационных властей и населения оккупированных территорий, формировался с учетом потребностей самих оккупационных властей, а не населения оккупированных территорий. Активный словарь немецкого языка позволял проводить доктринальные установки и решать прагматические задачи оккупационных сил. Игнорирование потребностей населения оккупированных территорий, приписывание ему определенных социально закрепленных ролей служит наиболее ярким доказательством неизменности намерений оккупационных властей в отношении местного населения вне зависимости от периода и зоны оккупации, а также от конкретных глав той или иной оккупационной администрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Ахтамзян 2010 – *И.А. Ахтамзян. Нацистский генеральный план «Ост» // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010.*
- Васильчикова 1994 – *М.И. Васильчикова. Берлинский дневник 1940–1945. М., 1994.*
- Гальдер 2010 – *Ф. Гальдер. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010.*
- Герцштейн 1996 – *Р.Э. Герцштейн. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.*
- Гурченко 1987 – *Л.М. Гурченко. Аплодисменты. М., 1987.*
- Дацишина 2011а – *М.В. Дацишина. Учебники от Гитлера: программа нацистов для оккупированных советских территорий // Альма-матер. Вестник высшей школы. 2011. № 1. [http://www.almavest.ru/ru/archive/2011/vypusk1\(fevral\)/](http://www.almavest.ru/ru/archive/2011/vypusk1(fevral)/)*

- Дацишина 2011б – М.В. Дацишина. Коммуникация как интенция: дискурс нацистских учебников для временно оккупированных советских территорий в 1941–1944 гг. // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». 2011. № 2.
- Дацишина 2011в – М.В. Дацишина. Семантика текста как инструмент социального управления (из практики нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях. 1941–1944 гг.) // Материалы VIII междунар. науч. конф. «Семиозис и культура: от текста к реальности – от реальности к тексту». 12–13 мая 2011 г. Сыктывкар, 2011.
- Дацишина 2011г – М.В. Дацишина. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6.
- Картотека «Z» 1998 – Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942). М., 1998.
- Клемперер 1998 – В. Клемперер. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М., 1998.
- Кноп 2009 – Г. Кноп. История вермахта. Итоги. СПб., 2009.
- Нюрнбергский процесс 1960 – Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: В 7 т. Т. V. М., 1960.
- Окк. детство 2010 – Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / Сост. Н. Поболь, П. Полян. М., 2010.
- По обе стороны... 1995 – По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Под ред. В.Г. Макурова. Петрозаводск, 1995.
- Рифеншталь 2006 – Л. Рифеншталь. Мемуары. М., 2006.
- Ржевская 2010 – Е.М. Ржевская. Далекий гул: повести, рассказы. М., 2010.
- Семиряга 2000 – М.И. Семиряга. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Тревор-Ропер 2004 – Х. Тревор-Ропер. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2004.
- С. Филоненко, Н. Филоненко 2005 – С.И. Филоненко, Н.В. Филоненко. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2005.
- Хмельницкий 2010 – Д. Хмельницкий. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1941–1945. М., 2010.
- Эренбург 2004 – И.Г. Эренбург. Война. 1941–1945. М., 2004.
- Юнгер 2007 – Э. Юнгер. Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948). СПб., 2007.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):
 Фонд 17. Опись 125. Дела 52, 59, 80, 94, 168.
 Фонд 69. Опись 1. Дела 1142, 1143, 1203.
 Фонд 625. Опись 1. Дела 7, 11, 24, 43.
- Российский государственный военный архив (РГВА).
 Фонд 1358. Опись 1. Дела 12, 13, 14.

Сведения об авторе:

Марина Викторовна Дацишина
 Российский государственный гуманитарный университет
 ditrich@list.ru

© 2012 г. Н.М. БИЧУРИНА

**«МАЛЫЕ РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ»:
МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ
(на примере окситанского / провансальского
и арпитанского / савойского)**

В статье анализируется современный дискурс вокруг вопроса «язык или диалект» применительно к двум идиомам на юго-востоке Франции: окситанскому / провансальскому и франкопровансальскому / арпитанскому / савойскому. Основным материалом исследования послужили интервью с деятелями ассоциаций, принимающих активное участие в процессе признания «региональных языков» во Франции.

В статье [Naugen 1966], давно ставшей классической, Эйнар Хауген писал, что таксономия языковых описаний сильно затрудняется двусмысленностью и неясностью, связанными со словами «язык» и «диалект». «Простая истина состоит в том, что на этот вопрос не существует ответа, или, по меньшей мере, нет ни одного ответа, который выдержал бы серьезную критику... в самих этих терминах заложена невозможность дать ответ на этот вопрос: эти термины притворяются простой дихотомией в ситуации, которая почти бесконечно сложна... Использование этих терминов навязывает жесткие границы там, где речь чаще всего должна идти о континууме, создает видимость оппозиции там, где на самом деле крайние случаи очень редки и неопределенны» [Naugen 1966: 922].

Настоящая статья посвящена современному состоянию полемики вокруг вопроса «язык или диалект» в применении к так называемым «малым романским языкам» (см. [Языки мира 2001]), а именно к двум идиомам на юго-востоке Франции: окситанскому / провансальскому и франкопровансальскому / арпитанскому / савойскому. На наших глазах происходит «повышение статуса» этих языков, тот «акт социальной магии», о котором тридцать лет назад Пьер Бурдьё писал: «Называть “окситанским” язык, на котором говорят те, кого называют “окситанцами”, потому что они говорят на этом языке (на котором никто, собственно говоря, не говорит, потому что он лишь сумма большого количества различных говоров), и называть “Окситанией”, стремясь таким образом заставить его существовать как “регион” или как “нацию”... физическое пространство, где говорят на этом языке, – не бесплодная фикция. Акт социальной магии, заключающийся в попытке привести к существованию называемой вещи, может быть успешным, если тот, кто его осуществляет, способен заставить признать за своим словом власть, которую оно узурпирует временно или окончательно, – власть навязать новое видение и новое разделение социального мира...» [Bourdieu 1980: 66].

В лингвистике не существует единого мнения о количестве романских языков: «Разделение языковых образований на языки и диалекты в ряде случаев является достаточно условным и остается предметом дискуссий. К числу Р.Я. (романских языков. – Н. Б.), обладающих всей полнотой функций, литературной нормой и структурной обособленностью, относятся французский, испанский, португальский, итальянский и румынский» [Алисова, Челышева 2001: 21]. Значительная часть исследований в современной рома-

нистике проводится на материале этих пяти языков (например [Древняя и Новая Романья 2007; Романские языки 2007]); в то же время существуют работы, сопоставляющие 12 романских языков (например, [Posner 1996]) или около 25 романских языков [Языки мира 2001]. Применительно к идиомам Франции вопрос о разграничении «язык / диалект» вызывает споры со второй половины XX века (ср. [Бородина 1982] об острых дебатах во французской лингвистике вокруг разграничения диалектов и региональных языков), однако особый интерес к этой проблематике появился в самые последние годы.

В настоящее время все новые и новые идиомы по всей Европе и не только претендуют на статус самостоятельных языков и добиваются признания. В частности, значительные изменения статуса идиомов происходят во Франции. Франция известна как страна с последовательной и жесткой языковой политикой. В соответствии с Эдиктом Вилье-Котре 1539 г. и ст. 2 Конституции Французской республики¹ французский является единственным официальным языком государства². Однако 23 июля 2008 г. в Конституцию была внесена поправка: отныне статья 75-1 гласит, что «региональные языки принадлежат культурному достоянию Франции». Впервые во Франции конституционно был закреплен юридический термин «региональный язык». В настоящий момент на государственном уровне готовится проект закона о региональных языках.

В июле 2009 г., спустя год после изменения Конституции, регион Рона-Альпы первым среди прочих регионов официально признал два идиома, окситанский и франкопровансальский, своими «региональными языками»³. Решение было принято на основе исследования М. Берта и Дж. Косты 2006–2009 гг. [Bert et al. 2009]. Исследование было инициировано регионом в ответ на запросы ассоциаций активистов, деятельность которых направлена главным образом на сохранение (или ревитализацию) одного из этих идиомов; активисты входили в совет, следящий за проведением исследования⁴. После региональных выборов 2010 г. началась разработка мер по поддержке окситанского и франкопровансальского в регионе Рона-Альпы: ответственный комитет включает депутатов региональной ассамблеи, представителей Министерства культуры и лингвиста-консультанта (Ж.-Б. Мартен). С марта 2011 г. к участию в работе Комитета также приглашены представители ассоциаций активистов.

Именно дискурс языковых активистов находится в центре нашего исследования. Вопрос, который мы попытаемся осветить в данной работе, – какие аргументы используются ими для утверждения, что тот или иной идиом является самостоятельным языком в современном процессе признания «региональных языков» во Франции.

Основным материалом исследования послужили интервью и наблюдения, проведенные в 2009 и 2011 гг., главным образом в регионе Рона-Альпы, а также в зонах распространения окситанского и франкопровансальского идиомов за его пределами⁵.

¹ <http://www.legifrance.gouv.fr/html/constitution.htm>

² Фраза, гласящая, что «языком Республики является французский», была внесена в статью 2 Конституции Франции в 1992 г. – в тот год, когда Советом Европы была принята Хартия региональных и миноритарных языков. На основании этой статьи Франция отклоняет ратификацию Хартии: в 1999 г. на базе отчета Серкилини [Cerquiglini 2003] был подготовлен список из 75 языков Франции для включения в Хартию, однако Конституционный совет отклонил ее ратификацию в связи с ее противоречием статье 2 Конституции.

³ Rapport № 09.11.450. Culture. Reconnaître, valoriser, promouvoir l'occitan et le francoprovençal, langues régionales de Rhône-Alpes.

⁴ «Активистами», или «языковыми активистами» (самоназвание – «militants»), мы будем называть членов ассоциаций, деятельность которых сосредоточена вокруг местного идиома: как правило, они стремятся добиться большего признания идиома, его сохранения или ревитализации.

⁵ Окситанский: в регионе Рона-Альпы – департаменты Дром (г. Анноне и деревня Давезье) и Ардеш (г. Монтелимар и деревня Толинья), среди носителей окситанского в пригороде Лиона Сан-Приест; в Провансе – на «Окситанских встречах в Провансе» около г. Гапа (участники из разных городов Прованса); в регионе Лангедок-Руссильон – г. Монпелье, один из главных центров окситанизма. Франкопровансальский: в регионе Рона-Альпы – г. Лион, г. Сант-Этьенн и деревня Монбризон в его окрестностях, департаменты Савойя (г. Шамбери и ряд деревень), Верхняя Савойя (г. Аннеси и ряд деревень), Бресс (г. Бурк-ан-Бресс).

Мы рассмотрим несколько аспектов дискуссии, точнее групп аргументов, которые используют языковые активисты: географические аргументы; орфографические; существование литературной традиции; собственно языковые черты; исторические аргументы; а также политические коннотации, связанные с той или иной позицией в дискуссии.

1. ГЕОГРАФИЯ: ЯЗЫК НЕБОЛЬШОЙ ТЕРРИТОРИИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ ИЛИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ОБЩНОСТИ?

Оба признанных идиома, окситанский и франкопровансальский, репрезентируются как языки обширной территории, выходящей за пределы как отдельного региона, так и государства:

- **Окситанский язык** распространен на южной трети территории Франции (регионы Аквитания, Юг – Пиренеи, часть региона Лангедок-Руссильон (часть региона каталанская), Прованс – Лазурный берег; Лимузин, Овернь, Рона-Альпы; часть департамента Шарант в регионе Пуату-Шарант), на севере Испании (долина Аран в Автономной области Каталонии), на северо-западе Италии (некоторые долины Пьемонта, а также селение Гуардиа Пьемонтезе в Калабрии) и в княжестве Монако.

- **Франкопровансальский язык** распространен на юго-востоке Франции (департаменты Савойя, Верхняя Савойя, Лионне, Дофине, Бресс, Форез в регионе Рона-Альпы), в Швейцарии (кантоны Невшатель, Во, Женева, Фрибур и Вале) и на северо-западе Италии (долина Аоста, некоторые долины Пьемонта; также два анклава в Апулии).

Однако при анализе дискурса обнаруживается, что такая репрезентация языковой общности не является единственно возможной. «Наивные» носители по всей Франции идиомы, отличающиеся от стандартного французского, обозначают словом «*patois*» (patois) в значении «говор», часто с ярко выраженной пейоративной коннотацией⁶. При этом использование идиома в представлении носителей ограничивается небольшой территорией (зачастую одной деревней, за пределами которой он считается непонятным).

В противоположность этому представлению в дискурсе активистов изучаемого региона можно выделить две конкурирующие модели наименования языка и сообщества и, соответственно, две группы культурно-политических движений. Условно мы будем называть эти модели «узкой» и «широкой».

«Узкая» модель – названия идиомов по названиям исторических провинций:

1. Провансальский, гасконский, лангедокский...
2. Савойский, лионский (от названия провинции Лионнэ), бресский...

Выделяемые таким образом идиомы считаются самостоятельными языками: самыми яркими примерами являются провансальский и савойский языки (движения в их поддержку наиболее значительные). Постулируемые границы языковой общности, наделенной культурной спецификой, совпадают в «узкой» модели с той или иной исторической провинцией – например Провансом или Савойей (притом что границы исторических Прованса и Савойи менялись).

«Широкая» модель – введение новых названий:

1. Окситанский язык

Термин «окситанский», хотя и встречается в латинских текстах с конца XIII века, стал широко использоваться лишь со второй половины XX века, когда он был популяризован движением «окситанистов» – главным образом Институтом окситанских исследований (Institut d'Estudis Occitans), созданным в 1945 г.

2. Франкопровансальский / арпиганский язык

Термин «франкопровансальский язык» был придуман в 1873 г. итальянским лингвистом Грациadio Исайя Асколи, впервые объединившим говоры на франко-итало-швейцарской границе в единый самостоятельный язык [Ascoli 1878 (1873)].

⁶ Это же слово до последнего времени использовалось лингвистами-диалектологами и политиками.

Термин «арпитанский» («горный», однокоренное слово с «Альпами») для обозначения того же идиома появился в 1980-е гг. в долине Аоста и был вначале популяризован там движением *Harpitanya*, а затем, вплоть до настоящего момента, утверждался главным образом во Франции Арпитанским культурным альянсом (*Aliance Culturèla Arpitana*).

«Широкая» модель предполагает существование обширной трансграничной языковой общности, с географическими границами такими, как они указаны в начале данного раздела: Окситания включает в себя часть территории Франции, Италии и Испании; Арпитания – районы Франции, Италии и Швейцарии. Провансальский при этом считается одним из диалектов окситанского языка, а савойский – диалектом франкопровансальского / арпитанского языка.

Предпочтение того или иного названия идиома коррелирует с приверженностью тому или иному культурно-политическому движению. Разумеется, разделение между двумя моделями не всегда жесткое: помимо полярных, «крайних» случаев, существуют активисты, совмещающие в своем дискурсе обе модели (например, активисты, предпочитающие говорить о «савойском языке», но и не отрицающие лингвистического единства франкопровансальского). В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе двух моделей в их крайних вариантах. Конкурирующие представления об идиоме создали острый конфликт между так называемыми «окситанистами» («широкая» модель) и «провансалистами» («узкая» модель); сходный конфликт «арпитанистов» («широкая» модель) и «савоярдистов» («узкая» модель) лишь намечается в настоящий момент – и еще не изучался⁷.

Если в окситано-провансальском контексте «узкая» провансальская модель была исторически первой по отношению к «широкой» окситанской (движение провансальского возрождения конца XIX века), в арпитано-савойском контексте, напротив, «узкая» савойская модель появилась после «широкой» франкопровансальской, в последние годы. Один из самых видных активистов-савоярдистов, АВ, 1960, *sav*⁸, аргументирует выбор названия «савойский язык» следующим образом:

(1) Мы начали с того, что стали говорить о франкопровансальском, но / это закончилось провалом, не только провалом национальным, который по-прежнему с нами, но и провалом локальным // так что мы сказали себе, что будем говорить о савойском, так, по крайней мере, у нас все будут понимать... в Савойе говорить, что савойцы говорят на савойском, как-то более логично и просто...

⁷ Напротив, в тех единичных случаях, когда идет речь об активистских движениях во франкопровансальской зоне, говорится об их большом разнообразии и отсутствии не только связей между ними, но зачастую и осведомленности друг о друге (см., например, в [Bert et al. 2009: 69]).

⁸ Здесь и далее указываются условные инициалы информанта, примерный год рождения и приверженность тому или иному движению. Мы используем следующие сокращения: *патуа* – *pat.*, провансальский – *prov.*, окситанский – *oc.*, савойский – *sav.*, арпитанский – *arp.*, франкопровансальский – *fp.* Знаками / и // обозначается более короткая и более длинная пауза хезитации соответственно. Подчеркивание обозначает ударение. Полужирным шрифтом выделяются особенно значимые элементы высказывания информанта.

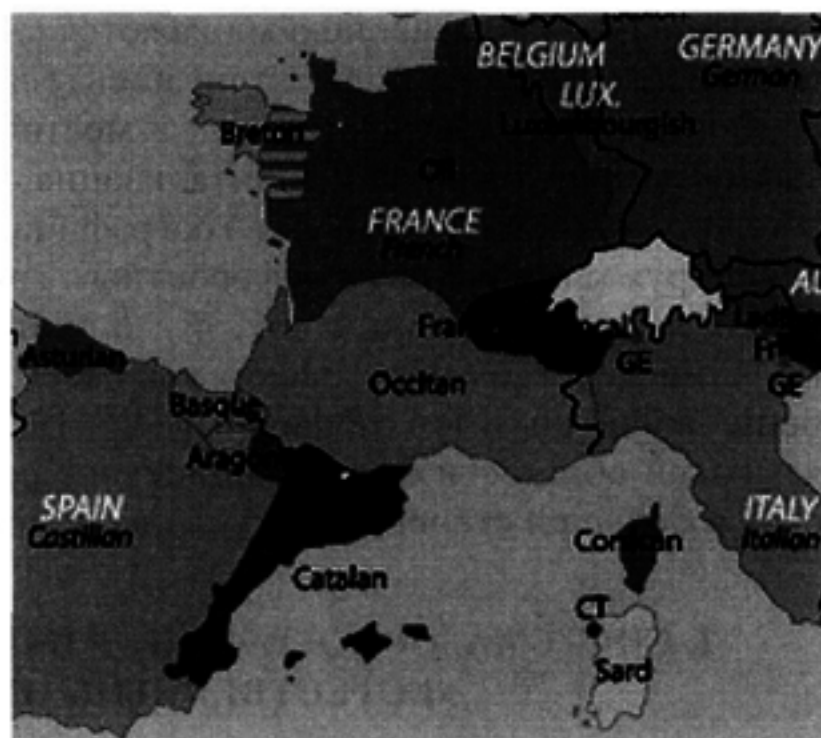

Рис. 1. Окситанский и франкопровансальский на карте Европы (источник: www.eurominority.eu)

Назвать язык «савойским» кажется «логично и просто», тогда как термин «франко-провансальский» не понятен ни носителям языка в Савоие, ни работникам администрации, как государственной, так и местной, – двум референтным группам, от которых зависит его сохранение и ревитализация.

Арпитанисты критикуют географическую ограниченность названия «савойский», апеллируя к тем же двум референтным группам: говоря, с одной стороны, о неприятии такого языка жителями, с другой – в институциональном аспекте – о непризнании языка Министерством образования как «всего лишь маленького языка Ронской долины (*une petite langue du Sillon rhôdanien*)» (EF, 1983, *arp*). Напротив, трансграничное измерение языковой общности служит в дискурсе приверженцев «широкой» модели (у арпитанистов в большей степени, чем у окситанистов) предметом особой гордости.

2. СИСТЕМА ОРФОГРАФИИ: ЯЗЫК «НАРОДНЫЙ» ИЛИ «ЭЛИТАРНЫЙ», «ЕСТЕСТВЕННЫЙ» ИЛИ «ИСКУССТВЕННЫЙ»

Кроме разницы в представлениях о границах языковой общности, основополагающим различием между выделенными моделями является стремление, с одной стороны – в «широкой» модели – к унификации и созданию единого окситанского / арпитанского (франкопровансальского) орфографического стандарта; с другой стороны – в «узкой» модели – напротив, к множеству региональных стандартов (например, провансальскому или савойскому).

Имя идиома оказывается неразрывно связано в представлении информантов с выбором той или иной системы орфографии; выбор же орфографии является маркером принадлежности к тому или иному движению. Продвижение определенной системы орфографии является одним из ключевых моментов активистской деятельности, отчасти потому, что само существование письменности воспринимается многими информантами как доказательство того, что тот или иной идиом является языком⁹.

«Узкая» модель соотносится с орфографией на базе французской, часто называемой «фонетической», так как она кажется информантам «естественной», сродни транскрипции, которая «читается, как пишется»; на самом деле она основана на условностях французской нормы. (Для провансальского используется так называемая «мистралевская орфография», для савойского – «орфография Конфлана»; часть сторонников франкопровансальского языка также использует орфографию Конфлана.) В противоположность ей, «широкая» модель ассоциируется со стандартными орфографиями: для окситанского это «классическая орфография», разработанная Институтом окситанских исследований (воссоздание орфографии средневековых административных текстов), для арпитанского / франкопровансальского – «референтная орфография В» («*orthographe de référence B*», далее – ORB), разработанная лингвистом Домиником Стишем в 2003 г. (см. [Stich 2003]).

Приверженцы «узкой модели» ассоциируют стандартную орфографию с «высокой культурой», которая для них сопоставима с французской – «элитарной», «архаизированной» и «националистической», полностью чуждой «народной культуре». По их мнению, эта орфография несет опасность навязать несуществующий, выдуманный, искусственный язык, который убьет тот живой идиом, который еще сохраняется у старшего поколения в деревнях. Здесь две модели соотносятся, с одной стороны, с противопоставлением «народной» культуры («узкая») и «элитарной» («широкая»), а с другой стороны, с апелляцией либо к недавнему прошлому, кажущемуся вполне реальным (сохранение ускользающих традиций дедов и прадедов – «узкая» модель), либо к далекому, многовековому – воссоздание давно утраченных, мифологизированных языковых прак-

⁹ Кроме того, система орфографии необходима для преподавания языка в школе. Ср.: «Нередко носители [миноритарных романских языков] и, особенно, те, кто активно включился в борьбу за сохранение, поддержание и развитие родных наречий, видят в наличии нормы своего рода панацею от переживаемых языком превратностей и бед» [Челышева 2010].

тик («широкая» модель) – при этом «старики» либо вовсе отсутствуют, либо существуют исключительно как «источник вдохновения».

Приверженец ORB, NV, 1975, *arp*, так комментирует это противостояние:

(2) Действительно, есть парадокс в желании применить стандартизирующую логику к региональным языкам, при том что как раз эта логика их убила. Именно отсюда, несомненно, локалистские реакции. Это проистекает из неспособности понять смысл слогана «думать глобально, действовать локально» (*penser global, agir local*). Локалисты думают локально, действуют локально.

Стандартная орфография репрезентируется как наддиалектная норма, которая, благодаря условностям написания, позволяет «озвучивать» текст с любым локальным произношением и, соответственно, делает его понятным во всей Окситании / Арпитании.

3. ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИДИОМА КАК ЯЗЫКА

Рассматриваемый далее критерий определения идиомов как Языков, являющийся в системе аргументации центральным, позволяет провести разграничение не между «широкой» и «узкой» моделями, а между региональными контекстами: окситано-провансальским, с одной стороны, и арпитано-савойским, с другой.

3.1. Окситанский и провансальский: литературная традиция

Как правило, тезис о том, что окситанский или провансальский и французский – два разных языка, выдается за априорное знание. Существование отдельного провансальского или окситанского языка легитимируется одним и тем же аргументом – существованием древней окситанской культуры. Ф.-М. Кастан, один из основателей Института окситанских исследований, считает существование языка неразрывно связанным с существованием культуры: «Язык *ос* не спасет себя за счет своих языковых сил: лингвистические дебаты не имеют эффекта, это дебаты исключительно спекулятивные... Только культура составляет силу языка» [Castan 1995: 54]. Под культурой подразумевается, прежде всего, существование великой литературной традиции: средневековой литературы трубадуров XI–XIII вв. как источника развития всей европейской литературы и творчества фелибров, участников движения провансальского возрождения Фелибриж XIX в. (в частности Фредерика Мистралья).

Апелляция к культуре и, в частности, литературе постоянна в дискурсе активистов. При этом предпочтение терминов «провансальский» / «окситанский» или «патуа» коррелирует в представлении говорящего с экономическим и культурным статусом носителя, о котором идет речь. Один и тот же идиом, если носитель принадлежит к более образованным слоям, будет назван *про ван с а л ь с к и м*, если к менее образованным – *п а т у а*. MC, 1955, *ос*, активистка, бывший преподаватель английского и окситанского языков:

(3) Мой дедушка всегда говорил на *патуа*, но с нами говорить на нем было нельзя // В Вальреазе, в семи километрах отсюда / с материнской стороны, мою маму воспитала моя бабушка, которая жила с ними, которая никогда не говорила с ней *по-французски*, она говорила только *по-провансальски* //

Употребление терминов «патуа» и «провансальский» информантка и ее супруг, также активист-окситанист и филолог, объясняют как воспроизведение в речи названий, используемых носителями. Супруг информантки GF, 1950, *ос*:

(4) Был очень заметный феномен, который называется *престиж Фелибрижа* // в буржуазных кругах, как у моей супруги... все те, у кого было немножко *местной культуры*, знают *произведения великих фелибров*, Мистралья, Обанеля... тогда как в семьях с *народной культурой*, даже я бы сказал, вообще *без культуры*, как у меня... не знают о Фелибриже //

так что **образованные** (*cultivés*) люди говорили на **провансальском**, а **необразованные** на **патуа**... хотя они говорили на одном и том же языке // ¹⁰

Интересно, что «наивные носители», использующие местный говор, который не обладает литературной традицией, не считают этот критерий достаточным для того, чтобы считать его языком. Например, в департаменте Ардеш:

(5) Наш патуа – это не язык // вот провансальский – это язык / потому что был Мистраль, было произведение, у Мистраля была Нобелевская премия, так что это язык //

Подчеркнем, что с позиции активистов-окситанистов оба идиома – идиом Ардеш и Прованса – считаются вариантами одного и того же окситанского языка.

3.2. Франкопровансальский, арпитанский и савойский: собственно лингвистические черты

В арпитано-франкопровансальском / савойском контексте, где богатая литературная традиция отсутствовала, проблеме определения языка уделяется особое внимание. Для доказательства того, что франкопровансальский или арпитанский представляет собой отдельный язык, отличный как от языка *oc*, так и от языка *oïl*, используется метод, называемый вслед за Асколи «*particolar combinazione*», – метод «особой комбинации»: «Особая комбинация лингвистических признаков является соединением двух интересных черт, одна из которых не может принадлежать языку *oïl*, а другая не может принадлежать языку *oc* – двум языкам, соседним с франкопровансальским» [Tuailon 2007: 15].

В качестве основного критерия для разграничения франкопровансальского и французского (языков *oïl*) Асколи использовал эволюцию латинского ударного *a* после непалатализованного согласного, который остается *a* во франкопровансальском (и окситанском), но перешел в *é* в *oïl*:

Латинский	Франкопровансальский и окситанский	Французский
amare	ama(r)	aimer

Разграничение с провансальским проводилось на основе эволюции латинского *a* после палатализованного согласного, который переходит в *i* и *é* во франкопровансальском, но остается *a* в *oc*:

Латинский	Франкопровансальский и французский	Окситанский
manducare	mangie(r), manger	manjar

Сегодня активисты-франкопровансалисты и арпитанисты («широкая» модель) вслед за лингвистическими работами, ориентированными на широкую публику (например [Martin 2005; Bert et al. 2009]), также указывают, как правило, лишь два отличительных признака франкопровансальского / арпитанского языка: для различия с языком (языками) *oc* используется критерий, предложенный Асколи, при этом подчеркивается, что эволюция латинского *a* в *i* или *é* после палатализованного согласного привела к сосуществованию двух форм женского рода и двух парадигм окончаний глаголов 1 группы. Граница с французским (языками / говорами *oïl*) проводится на основании нового

¹⁰ С другой стороны, название языка оказывается «маркером территории»: Вальреаз был столицей так называемого Папского анклава – территории, принадлежавшей Папе Римскому, когда его резиденция находилась в Авиньоне, и, соответственно, являвшейся частью Прованса (присоединенной к Франции в 1791 г.). В этом контексте термин «провансальский» предпочитается как термину «патуа», так и термину «окситанский».

критерия – сохранения во франкопровансальском (как и в окситанском) конечных безударных гласных и, соответственно, словесного ударения.

Отметим, что постоянно апеллировать именно к этим двум идиомам вынуждает главным образом название «франкопровансальский»: доказательство самостоятельности языка строится на отрицании того, что он французский или провансальский (окситанский), посредством диахронического анализа фонологии и грамматики.

Активисты-савоярдисты («узкая» модель) также апеллируют к морфонологическим различиям, однако предполагая при этом, что, возможно, на лексическом уровне существует и ряд особенностей, выделяющих савойский среди прочих франкопровансальских идиомов. АВ, 1960, *sav*:

(6) Говорят даже о некоторых **савойских языковых фактах** (*faits linguistiques savoyardes*), Вы спрашивали, может ли савойский язык быть рассмотрен как отдельный, иногда мы задаем себе вопрос, есть **неоспоримые языковые факты, слова в словаре, специфические обороты**, которые не употребляют в Лионе //

Главный аргумент противников выделения савойского языка («широкая» модель) заключается в том, что различия между савойскими говорами столь же многочисленны, сколь и между прочими франкопровансальскими / арпитанскими говорами. LK, 1932, *fp*:

(7) Есть крайне различные формы в зависимости от долин, я знаю эти формы, и есть столько же различий между двумя савойскими долинами, сколько между этой долиной и, скажем, диалектом Сант-Этьенна // так что это фикция //

4. ИСТОРИЯ

Одним из основных аргументов в пользу того, что идиом является самостоятельным языком, во всех моделях является история его развития из латыни параллельно с французским языком. В случае окситанского воспроизводится «привычный дискурс» (*discours habituel*, как отзываются о нем сами информанты) об историческом существовании на территории современной Франции языков *oc* и *oïl*. То, что это два разных языка, доказывается через историю с отсылкой к общей культуре собеседника. МС, 1955, *oc*:

(8) Я думаю, что все-таки, если **взять средний уровень образования...** в официальной учебной программе Французской республики [написано], что в Средние века, я не знаю, это даже не очень-то было привязано к времени / нам всегда говорили, что **раньше во Франции был язык *oc* и язык *oïl***, этому нас научили // и мы примерно представляли себе, что язык *oïl* был на севере Луары, а язык *oc* на юге Луары, но что так было раньше... Если взять французские кроссворды, есть что-то вроде типичных определений, и все знают, что **старый язык (*vielle langue*) из двух букв – это *oc*...** кроссворды уже требуют определенной культуры, но старый язык это – *oc*! // Так что есть это представление о мертвом языке из прошлого на юге Франции //

Далее эта известная собеседнику в общих чертах историческая языковая ситуация переносится на современность и утверждается, что между двумя синхронными срезами, тем моментом в неопределенном прошлом и сегодняшнем днем, существует историческая непрерывность.

Сходная система аргументации наблюдается и в дискурсе активистов других движений. АВ, 1960, *sav*:

(9) Да, это **отдельный язык**, это язык, в основном, латинский, он / он развился, произошла одна вещь, то, что в один момент, ну, Римская империя распалась, и язык развивался сам по себе, как мы видели, **не было какого-то большого центра**, который бы навязался, и на протяжении веков образовалось **три больших галло-римских комплекса**, языки *oïl* на севере, языки *oc* на юге или **язык *oc***, и потом был еще франкопровансальский, что ли // ну, разумеется, слово «франкопровансальский» смущает, потому что **нет франкопровансальской нации** / но языковое единство вполне реально //

Параллельное развитие с французским языком из общего источника – латыни (а не происхождение описываемого идиома из французского) служит доказательством того, что идиом равен французскому по своей ценности (но постоянно притеснялся последним). При этом оба могут намеренно низводиться до «диалектов латыни» или «креолей на базе латыни». AF, 1983, *arp*:

(10) Я говорю им, что **французский, испанский, каталанский, итальянский**, в конечном счете, **всего лишь диалекты латыни, как и арпитанский** // что просто у арпитанского никогда не было официального статуса, и поэтому он распался на куски (*s'est morcelé*) // ...**язык – это диалект, поддержанный армией**, и что в Арпитании армия итальянская, французская или швейцарская...¹¹

ZR, 1945, *pat*, член «патуазирующего» кружка (*patoisant*), достаточно резко отреагировал на фразу исследователя, что «патуа [франкопровансальский] в принципе похож на французский»: «Патуа похож на латынь, а не на французский!» – объяснив, что патуа – своего рода креоль на базе латыни, точно так же как на Маврикии, где он был в плавании, существует креоль на базе французского:

(11) И французский тоже **креоль на базе латыни** // но патуа происходит не от французского, а от латыни // есть некоторые слова, которые похожи на французские, но есть и те, которые невозможно понять, не зная латыни...

Кроме того, часто говорится, что местный идиом «правильнее», чем французский, так как он ближе к латыни.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

Противопоставление «узкой» и «широкой» моделей иногда соотносят с противопоставлением, соответственно, политических правых и левых: такие политические коннотации особенно часто приписываются провансальскому («правые») и окситанскому («левые») языкам и движениям.

Кроме того, иногда эти модели противопоставляются в дискурсе информантов по критерию наличия или отсутствия политического наполнения: так, в «широкой» модели (окситанской или арпитанской) географическое пространство образует «страну» как потенциально политическую общность, конкурирующую с национальными государствами.

Внутри «широкой» модели противопоставление по политической окраске терминов особенно ярко проявляется в противопоставлении франкопровансалистов и арпитанистов. Наличие или отсутствие политического наполнения часто представляется единственным различием между терминами «арпитанский» и «франкопровансальский», обозначающими один и тот же идиом. Так, информант LK, 1932, *fp* упоминает название «арпитанский» в следующем контексте:

(12) Два года назад я преподавал здесь **франкопровансальский** трем студентам... которые все были членами **анархистской федерации** // И они попросили меня перевести анархистский трактат... **они называли это арпитанским**, это одно из имен франкопровансальского, ну Арпитания, свободная Арпитания (*Arpitanie, Arpitanie libre*) и так далее, **это вроде политического слогана** [смеется], меня это забавляло... я был вроде как Иисус со своими учениками [смеется].

Термин «арпитанский», предпочитаемый молодыми активистами, ассоциируется с политическими требованиями, которые «забавляют» их старших коллег. Предполагается, что в арпитанской модели то же географическое пространство, что и во франкопровансальской, образует Арпитанию как трансграничную политическую общность, конкурирующую с Францией, Италией и Швейцарией.

Арпитанисты отрицают политический смысл введения «неологизма» **ар п и т а н с к и й** (сами при этом называя его неологизмом). Этот термин объясняется как «не-

¹¹ Информант явно имеет в виду известную фразу Вайнрайха, интерпретируя ее буквально.

двусмысленное информационное средство» («outil de communication non ambigu»), созданное главным образом в ответ на отказ Министерства образования признать «франкопровансальский» язык, а также для поднятия престижа языка в глазах самих (потенциальных) носителей. NV, 1975, *arp*:

(13) Недвусмысленное имя необходимо... как для того, чтобы убедить министерство, которое прикидывается дураком, так и при общении с широкой публикой... Использование этого термина для вопросов идентичности и националистических вопросов крайне маргинально, ведь большинство традиционных «стран» арпитанского языкового пространства предпочитают категоризовать себя [по регионам]... Один из лучших примеров – это Савойя и «ее» язык, называемый «савойским».

Обострение противостояния приверженцев «широкой» и «узкой» моделей в случае «широких» арпитанистов и «узких» савоярдистов вызывается начавшейся в 2010–2011 гг. разработкой активной языковой политики региона Рона-Альпы: по словам информантов, представители администрации региона проявляют все больший интерес к термину «арпитанский». NV, 1975, *arp*:

(14) Активисты-регионалисты в Савойе видят в появлении слова «арпитанский» угрозу и противостоят ему, так как они думают, что этот термин сможет придать легитимность [региону] Роне-Альпам... наперекор возможности эмансипации региона Савойя.

Существование «арпитанского», то есть «альпийского», языка на территории нынешнего региона Рона-Альпы потенциально легитимирует существование самого региона, созданного, как и прочие регионы Франции, безотносительно какого бы то ни было культурно-исторического единства. Это видение конкурирует с репрезентацией Савойи как особого культурного единства, ярким маркером которого является савойский язык, и воспринимается как препятствие для политического проекта создания отдельного французского / европейского региона Савойя, объединяющего два нынешних департамента, существующих в рамках региона Рона-Альпы, Савойю и Верхнюю Савойю¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе дискурсивных стратегий языковых активистов в обеих выделяемых нами моделях оказывается, что «Язык» – это идиом со своей письменностью и, желательно, с литературной традицией, происходящий из латыни, то есть из того же источника, что и доминирующий французский язык, но не из самого доминирующего языка, и существующий на территории шире, чем узко локальной. Показательно, что собственно лингвистические черты (фонологические, морфологические и лексические) значимы, лишь когда другие аргументы не действуют (у франкопровансальского / арпитанского / савойского нет литературной традиции).

Обе модели интерпретации языка и идентичности исходят из этих критериев определения языка, при этом «широкая» (окситано-арпитанская) модель предполагает существование обширной трансграничной языковой общности, потенциально – политической, с единым орфографическим стандартом, а «узкая» (провансальско-савойская) – существование культурной специфики, маркером которой является местный язык, у конкретной исторической провинции, Прованса или Савойи, которая при этом также может представлять собой отдельную политическую единицу.

Сравнение этих двух моделей в дискурсе строится на противопоставлении «народа» («узкая» модель) и «интеллектуалов» или «элиты» («широкая» модель), «естественного» («узкая») и искусственного («широкая» модель) языков, а также политических правых и левых.

¹² Информанты-арпитанисты указывают на парадокс ситуации, заключающийся в том, что они сами – савойцы, и, борясь за признание арпитанского языка для всей Арпитании, в первую очередь думали о Савойе, а в результате оказались врагами савоярдистов.

В институциональном аспекте, к которому апеллируют все информанты, в настоящий момент сильнее оказывается «широкая» модель: идет процесс признания именно окситанского и франкопровансальского языков, а также, в самое последнее время, появляется интерес к арпитанскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисова, Челышева 2001 – Т.Б. Алисова, И.И. Челышева. Романские языки // Языки мира. Романские языки. М., 2001.
- Бородин 1982 – М.А. Бородин. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // ВЯ. 1982. № 5.
- Древняя и Новая Романия 2007 – Древняя и Новая Романия. Актуальные проблемы романистики. 2007. Вып. 7.
- Романские языки 2007 – Романские языки в прошлом и настоящем: Сб. статей к 80-летию профессора Т.А. Репиной. СПб., 2007.
- Челышева 2010 – И.И. Челышева. Миноритарные романские языки и проблема создания языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. № 1. http://journal.mosinyaz.com/page_53_34/
- Языки мира 2001 – Языки мира. Романские языки. М., 2001.
- Ascoli 1878 (1873) – G.I. Ascoli. Schizzi franco-provenzali // Archivio glottologico italiano. 1878 (1873). V. III.
- Bert et al. 2009 – M. Bert, J. Costa, J.-B. Martin. Etude FORA (Francoprovençal et Occitan en Rhône-Alpes). 2009. http://icar.univ-lyon2.fr/projets/ledra/documents/Etude_FORA_rapport_definitif.pdf
- Bourdieu 1980 – P. Bourdieu. L'identité et la représentation. Eléments pour une réflexion critique sur l'idée de région // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. № 35.
- Castan 1995 – F.-M. Castan. Pour l'Institut d'études occitanes... 1945–1964 // L'I. E. O. e l'occitanisme dempuèi 1945. Estudis occitans, revista d'escambis e de recèrca de l'Institut d'Estudis Occitans. 1995. № 18.
- Cerquilini 2003 – B. Cerquilini. Les langues de France. Paris, 2003.
- Haugen 1966 – E. Haugen. Dialect, language, nation // American anthropologist. 1966. V. 68.
- Martin 2005 – J.-B. Martin. Le francoprovençal de poche. Chennevières-sur-Marne, 2005.
- Posner 1996 – R. Posner. The Romance languages. Cambridge, 1996.
- Stich 2003 – D. Stich. Dictionnaire francoprovençal / français, français / francoprovençal: Dictionnaire des mots de base du francoprovençal: Orthographe ORB supradialectale standardisée. Thonon-les-Bains, 2003.
- Tuaillon 2007 – G. Tuaillon. Le francoprovençal. Tome premier: Définition et délimitation. Phénomènes remarquables. Vallée d'Aoste, 2007.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Бичурина
Европейский университет в Санкт-Петербурге
natalya_bichurina@yahoo.com

© 2012 г. Р.Р. НАГАПЕТОВА

ГРАУБЮНДЕНСКИЙ РЕТОРОМАНСКИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ (по данным переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг.)

Статья посвящена наименее распространенному национальному языку Швейцарии – ретороманскому. На основании результатов переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг. выявляются тенденции развития языковой ситуации в регионе распространения граубюнденского ретороманского в конце XIX – начале XXI в.

Ретороманский (граубюнденский ретороманский) язык, относящийся к романской группе индоевропейских языков, имеет распространение на территории кантона Граубюнден в восточной части Швейцарии. В пределах кантона ретороманская языковая область соседствует с немецкой и итальянской языковыми областями.

В швейцарском словоупотреблении язык ретороманцев¹ Граубюндена имеет несколько обозначений: самоназвание *rumantsch*, *romontsch*, *rumauntsch*, нем. *Romanisch*, *Rätoromanisch*, *Bündnerromanisch* (букв. «граубюнденский ретороманский»), франц. *romanche*, *rhéto-romanche*, итал. *romancio*. В отечественной научной литературе распространены следующие варианты названия: «ретороманский», «граубюнденский ретороманский», «руманшский», «романшский». Следует отметить, что название «ретороманский» употребляется также в широком смысле для обозначения выделяемой некоторыми учеными² ретороманской³ подгруппы романских языков, в которую наряду с граубюнденским ретороманским включаются фриульский и ладинский языки, имеющие распространение в северной части Италии. Однако в последнее время понятие «ретороманский язык» обычно употребляется для обозначения исключительно граубюнденского ретороманского [Сухачев, Горенко 2001: 335–336; Liver 2000: 211; Gross 2004: 13].

Данные переписей населения Швейцарии позволяют выделить основные тенденции развития языковой ситуации в регионе распространения граубюнденского ретороманского с последних десятилетий XIX до начала XXI в.⁴ При рассмотрении языковой

¹ Следует пояснить, что термин «ретороманцы» (нем. *Rätoromanen*), имеющий широкое распространение в немецкоязычной научной литературе, является условным. У ретороманцев кантона Граубюнден не сложилось не только общего литературного языка, но и общей идентичности, существует конфессиональное разделение на католиков и протестантов, имеются различия в традиционной культуре. Изолированность ретороманских общин, отсутствие политического, экономического и культурного центра ретороманской языковой области после германизации города Кур во второй половине XV – начале XVI в. вели к складыванию и закреплению различий в языке и культуре, формированию региональной идентичности, прочностью которой, как и приверженностью к региональным вариантам языка, указываются среди причин слабой консолидации ретороманцев [Decurtins 1993: 10; Deplazes 1991: 17–20; Gross 2004: 28; Liver 1999: 93].

² Вслед за Г. Асколи и Т. Гартнером [Ascoli 1873; Gartner 1883] ретороманскую подгруппу выделяют Г. Рольфс [Rohlf 1975: 2, 7], Р. Биллигмайер [Billigmeier 1983: 35–37] и др.

³ Другое название – «ладинская».

⁴ В качестве источников используются результаты переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг., опубликованные Федеральным ведомством по статистике. Предварительные результаты переписи населения, проведенной в 2010 г., опубликованы в 2011 г.

ситуации используются следующие критерии: численность говорящих на ретороманском языке в Швейцарии в целом и кантоне Граубюнден в частности, их доля в составе населения Швейцарии и кантона Граубюнден, территориальное распространение ретороманского языка, компактность проживания ретороманского населения, распространенность в ретороманском сообществе многоязычия и смешанных браков. Следует, однако, принимать во внимание специфику используемого материала: переписи населения, являясь официальным источником статистических данных о распространении языков, не содержат информации, касающейся их письменного употребления.

Развитие языковой ситуации на ретороманских территориях было во многом обусловлено исторически сложившимися на территории современного кантона Граубюнден тесными контактами ретороманского и немецкоязычного населения.

Предками ретороманцев, по мнению ряда исследователей, являются племена ретов, завоеванные римлянами в 15 г. до н. э. [Billigmeier 1983: 44; Rohlf 1975: 1]. Занимаемая ретами территория составляла часть римской провинции Реция. Романизация привела к полному исчезновению языка ретов, оставившего лишь отдельные реликты в топонимике. После распада Римской империи территория Реции входила в состав королевства остготов (V в.), империи франков (VI в.), составляла часть герцогства Швабия (X в.). В дальнейшем на ретороманских территориях сформировалось множество самостоятельных политических образований, объединившихся в середине XV в. в союз, сохранявший политическую независимость вплоть до присоединения к Швейцарии.

Процесс германизации был связан с проникновением на ретороманские территории в V–X вв. алеманнов и баваров, которое привело к распространению алеманнских и баварских говоров, и в меньшей степени был обусловлен влиянием остготов и франков.

К XIII в. относится начало масштабного притока переселенцев с территории современного кантона Вале [Billigmeier 1983: 64], которое привело к смещению языковых границ и германизации значительной части ретороманских территорий. Переломным моментом считается германизация политического, экономического и культурного центра ретороманской языковой области – города Кур – во второй половине XV – начале XVI в. [Liver 1999: 76]. Границы между немецкой и ретороманской языковыми областями, установившиеся в начале XVI в., оставались в целом неизменными вплоть до начала XIX в.

В XIX в. произошло новое отступление ретороманского языка, обусловленное общественно-политическими и социально-экономическими трансформациями на ретороманских территориях, изменением статуса ретороманского языка, дальнейшей германизацией.

В 1803 г. ретороманские территории вошли в состав Швейцарской Конфедерации, был образован кантон Граубюнден. Изменение языковой ситуации в кантоне уже в первые десятилетия XIX в. было связано с упрочением позиций немецкого языка в общественно-политической и экономической сферах. Повышение престижности немецкого языка сопровождалось изменением отношения к ретороманскому, который стал считаться «простонародным», «крестьянским» языком [Billigmeier 1983: 162]. В 1820–1830-е гг. в результате реформы школьного образования немецкий язык начинает постепенно вытеснять ретороманский в качестве языка преподавания в школах. На немецком языке стали проводиться и церковные службы.

Подъем швейцарской экономики во второй половине XIX в. затронул также кантон Граубюнден. Модернизация в сельском хозяйстве, развитие промышленности, торговли, туристической отрасли, улучшение транспортного сообщения (строительство дорог и туннелей в горных районах) способствовали притоку мигрантов из немецкоязычной части страны, оттоку ретороманского населения в города и за пределы кантона и в конечном итоге привели к разрушению традиционного уклада жизни в горных сельских общинах, прежде относительно изолированных и мало контактировавших с внешним миром [Billigmeier 1983: 204; Gross 2004: 31].

Ко второй половине XIX в. относится начало «ретороманского возрождения», ознаменовавшегося расцветом ретороманской литературы, пробуждением общественного

интереса к ретороманскому языку, организацией его научного изучения, оформлением ретороманского движения. В 1885 г. была образована старейшая ретороманская общественная организация – «Ретороманское общество».

В XX в. в связи с изменением языкового законодательства ретороманский язык приобретает новый юридический статус. Конституции Граубюндена 1880 и 1892 гг. провозглашали ретороманский официальным языком кантона наряду с немецким и итальянским (ст. 50 и ст. 46). При этом на общегосударственном уровне ретороманский язык в течение длительного времени официального статуса не имел. В Федеральных конституциях 1848 и 1874 гг. ретороманский язык вообще не упоминался, тогда как немецкий, французский и итальянский объявлялись национальными языками Швейцарской Конфедерации (в соответствии со ст. 109 и ст. 116).

В 1938 г. в результате всенародного референдума ретороманский язык был признан национальным языком Швейцарской Конфедерации. Ст. 116 Федеральной конституции 1874 г. была пересмотрена, ее новая формулировка гласила: «Немецкий, французский, итальянский и ретороманский являются национальными языками Швейцарии. Официальными языками Швейцарской Конфедерации объявляются немецкий, французский и итальянский». В 1996 г. в результате нового референдума ретороманский получил статус частично официального языка, и в текст Федеральной конституции была внесена поправка, согласно которой «ретороманский является официальным языком в отношениях, которые Конфедерация поддерживает с гражданами, владеющими ретороманским языком (ст. 116,4)».

В настоящее время статус ретороманского языка на общегосударственном уровне определяется положениями действующей Федеральной конституции, принятой в 1999 г. Конституция признает ретороманский национальным языком Швейцарии наряду с немецким, французским и итальянским (ст. 4); ретороманский является официальным языком в отношениях, которые Конфедерация поддерживает с гражданами, владеющими ретороманским языком (ст. 70,1). Ретороманский сохраняет статус официального языка кантона Граубюнден. Согласно действующей конституции кантона, принятой в 2003 г., немецкий, ретороманский и итальянский являются равноправными национальными и официальными языками Граубюндена (ст. 3,1).

Как наименее распространенный национальный язык Швейцарии, ретороманский пользуется поддержкой федеральных властей и властей кантона Граубюнден (в соответствии со ст. 70,4, 70,5 Федеральной конституции, федеральным законом «О национальных языках и взаимопонимании между языковыми сообществами», ст. 3,2 Конституции кантона Граубюнден, законом Граубюндена «О языках»).

Современный граубюнденский ретороманский представляет собой совокупность исторически сложившихся региональных устных вариантов и литературных норм, а также единого искусственного письменного стандарта, получившего название руманч грижун. К основным вариантам граубюнденского ретороманского относятся сурсельвский, сутсельвский, сурмиранский, путер (верхнеэнгадинский) и валладер (нижнеэнгадинский) (энгадинские варианты также порой обозначают как «ладинские»). Все они используются в соответствующих регионах в качестве языка делопроизводства в отдельных общинах, языка преподавания в начальных школах, представлены в средствах массовой информации; на пяти основных вариантах граубюнденского ретороманского имеется и продолжает издаваться учебная, художественная и научно-популярная литература (при этом наиболее ранние литературные памятники датируются XVI–XVII вв.). Сурсельвский и нижнеэнгадинский, как наиболее распространенные варианты, поочередно использовались в качестве национального языка Швейцарской Конфедерации и официального языка кантона Граубюнден.

Руманч грижун задумывался как письменный язык, предназначенный для обслуживания всего ретороманского сообщества Швейцарии. Его основные принципы были разработаны в 1982 г. лингвистом Г. Шмидом, взявшим за основу сурсельвский, нижнеэнгадинский и сурмиранский варианты. В настоящее время руманч грижун имеет разработанную грамматику и обширный словарный запас, для изучения языка был издан

ряд наименований учебников, грамматических справочников, словарей. Руманч грижун является официальным языком для обслуживания ретороманского сообщества на уровне кантона Граубюнден и Швейцарской Конфедерации и используется в общении граждан с кантональными и федеральными властями, на него переводятся кантональные и федеральные официальные документы. На руманч грижун выпускается часть статей общеретороманской газеты «La Quotidiana», печатаются школьные учебники, был издан достаточно обширный перечень наименований справочников, энциклопедий, книг для детей и молодежи, работ по истории, литературе, искусству и т. д.

Переписи населения Швейцарии проводятся с 1850 г. и с 1860 г. фиксируют языковую принадлежность респондентов. Тот факт, что вопрос о языковой принадлежности в переписных листах в разные годы был сформулирован по-разному, накладывает определенные ограничения на возможность сопоставления результатов переписей населения. Данные переписей 1860 и 1870 гг., учитывающие распределение по языку домохозяйств, а не лиц (фиксировался язык большинства членов домохозяйства), не могут быть сопоставлены с данными последующих переписей. С 1880 по 1980 г. фиксировался родной язык респондента (нем. Muttersprache, фр. langue maternelle), с 1990 г. – основной язык (нем. Hauptsprache, фр. langue principale), при этом в обоих случаях подразумевался язык, на котором респондент думает и которым владеет лучше всего. Тем не менее данные переписей 1880–1980 гг. и 1990–2000 гг. следует сопоставлять с оговорками, принимая во внимание разницу между языковой идентификацией и языковой компетенцией населения: родной язык зачастую ассоциируется с языком родителей, предков и не всегда является функционально первым языком респондента, тогда как указание языка в качестве основного предполагает реальное им владение. Таким образом, численность указавших ретороманский в качестве родного языка несколько превышает численность владеющих языком и использующих его в общении, реальное же распространение ретороманского языка более достоверно отражают переписи, учитывавшие распределение населения по основному языку.

В 1860–1930 гг. в переписных листах ретороманский язык обозначался как romanisch (нем.) / romanche (фр.), в 1941–2000 гг. – rätoromanisch (нем.) / romanche (фр.).

Динамика численности жителей Швейцарии, для которых ретороманский являлся родным / основным языком, и распределение населения кантона Граубюнден по родному / основному языку в 1880–2000 гг. представлены в таблицах.

Таблица 1

Динамика численности жителей Швейцарии, для которых ретороманский являлся родным / основным языком в 1880–2000 гг.⁵

Год проведения переписи	Численность, чел.	Доля населения, в %
1880	38 705	1,4
1888	38 357	1,3
1900	38 651	1,2
1910	40 234	1,1
1920	42 940	1,1
1930	44 158	1,1
1941	46 456	1,1
1950	48 862	1,0
1960	49 823	0,9
1970	50 339	0,8
1980	51 128	0,8
1990	39 632	0,6
2000	35 095	0,5

⁵ Таблицы составлены на основе результатов переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг. [EV 1892: 249; EV 1983: 98; EV 1985: 107; EV 1993a: 108–109; Furer 2005: 30, 35].

**Распределение населения кантона Граубюнден по родному / основному языку
в 1880–2000 гг.**

Год проведения переписи населения	Немецкий язык		Ретороманский язык		Итальянский язык		Другие языки	
	численность, чел.	доля населения, в %	численность, чел.	доля населения, в %	численность, чел.	доля населения, в %	численность, чел.	доля населения, в %
1880	43 664	46,0	37 794	39,8	12 976	13,6	557	0,6
1888	43 671	46,1	37 036	39,1	13 721	14,5	382	0,3
1900	48 762	46,6	36 472	34,9	17 539	16,8	1 747	1,7
1910	56 944	48,6	37 662	32,2	20 689	17,7	1 774	1,5
1920	61 379	51,2	39 127	32,6	17 674	14,8	1 674	1,4
1930	67 859	53,7	39 028	30,9	17 687	14,0	1 712	1,4
1941	70 421	54,9	40 187	31,3	16 438	12,8	1 201	1,0
1950	77 096	56,2	40 109	29,2	18 079	13,2	1 816	1,4
1960	83 544	56,6	38 414	26,1	23 682	16,1	1 818	1,2
1970	93 359	57,6	37 878	23,4	25 575	15,8	5 274	3,2
1980	98 645	59,9	36 017	21,9	22 199	13,5	7 780	4,7
1990	113 611	65,3	29 679	17,0	19 190	11,0	11 410	9,3
2000	127 755	68,3	27 038	14,5	19 106	10,2	13 159	7,0

Анализ вышеприведенных результатов переписей населения Швейцарии 1880–2000 гг. позволяет выявить следующие тенденции:

1. Увеличение численности ретороманского населения⁶ в Швейцарии в 1900–1980 гг., последовавшее за периодом относительно стабильной его численности в 1880–1900 гг. С 1900 по 1980 г. численность ретороманского населения Швейцарии увеличилась с 38 651 до 51 128 чел. Перепись 1980 г. зафиксировала максимальную численность ретороманского населения Швейцарии.

2. Уменьшение численности ретороманского населения Швейцарии в последние десятилетия XX в.: по данным переписи 1990 г. – на 17,5% по сравнению с 1980 г., по данным переписи 2000 г. – на 11,5% по сравнению с 1990 г. В первом случае столь резкое отступление ретороманского языка отчасти объясняется изменением формулировки вопроса о языковой принадлежности в переписи населения (данные переписи 1980 г. относительно численности ретороманского населения, как и данные предыдущих переписей, особенно 1950–1970 гг., можно считать несколько завышенными). Во втором случае, сопоставляя данные переписей 1990 и 2000 гг., масштабы отступления ретороманского языка можно считать достоверными уже без оговорок.

3. Относительно стабильная численность ретороманского населения кантона Граубюнден в 1880–1980 гг. Для межпереписных интервалов 1980–1990 гг. и 1990–2000 гг. характерно сокращение численности ретороманского населения кантона (на 17,6% и 8,9% соответственно), сопоставимое с сокращением численности ретороманского населения в масштабе Швейцарии в целом за аналогичный период.

4. Постоянное снижение в 1880–2000 гг. доли говорящих на ретороманском языке в составе населения как кантона Граубюнден, так и Швейцарии в целом: с 39,8% до 14,5% и с 1,4% до 0,5% соответственно.

⁶ В данной работе под ретороманским населением подразумеваются лица, указавшие ретороманский в качестве своего родного / основного языка в переписях населения.

5. Увеличение численности говорящих на немецком языке в кантоне Граубюнден и их доли в составе населения кантона в 1880–2000 гг. – с 43 664 чел. (46,0% населения) в 1880 г. до 127 755 чел. (68,3% населения) в 2000 г.

Следует отметить, что если в 1900–1980 гг. развитие языковой ситуации характеризовалось разнонаправленностью тенденций (численность ретороманского населения увеличивалась, при этом доля его в составе населения кантона Граубюнден и Швейцарии в целом постоянно сокращалась), то дальнейшее сокращение доли ретороманского населения сопровождалось уменьшением и его абсолютной численности.

На основании данных о распределении населения общин (муниципалитетов) кантона Граубюнден по родному / основному языку в 1880 и 2000 гг. составлены карты ретороманской языковой области (Карта 1, Карта 2). Ретороманскую языковую область составляет территория общин, в которых, по данным переписей 1880 и 2000 гг., ретороманский являлся родным / основным языком более половины населения. Данные общины мы будем называть ретороманскими.

В 1880–2000 гг. имело место существенное сокращение и размывание ретороманской языковой области. В исконно ретороманских общинах (общинах, в которых, по данным переписи населения 1880 г., ретороманское население составляло большинство) произошло уменьшение доли ретороманского населения при увеличении доли неретороманского, главным образом немецкоязычного, населения. К 2000 г. почти в половине исконно ретороманских общин большинство стало составлять немецкоязычное население, и их территория относилась теперь к немецкой языковой области. В некоторых исконно ретороманских общинах доля ретороманского населения сократилась до нескольких процентов.

По данным переписи населения 1880 г., ретороманский являлся родным языком более половины населения в 118 общинах кантона Граубюнден⁷. В данных общинах доля ретороманского населения составляла в среднем 89%, при этом в 15 общинах – 90–94%, в 45 – 95–99%, в 11 – 100% [Рассчитано по: EV 1881: 102–117]. Ретороманцы составляли более 70% населения в округах Имбоден и Гленнер, более 80% – в округах Мюнстерталь, Инн и Альбула, более 90% – в округе Фордеррайн [EV 1881: 118–119]⁸.

В 1990 г. ретороманский являлся основным языком более половины населения в 70 общинах кантона [EV 1993a: 202–214], в 2000 г. – в 62 [Furer 2005: 140–145]. В этих общинах доля ретороманского населения составляла в среднем 73,7% и 70,3% соответственно [Рассчитано по: EV 1993a: 202–214; Furer 2005: 140–145]. С 1880 по 2000 г. резко сократилось число общин, в которых доля населения с ретороманским основным языком составляла более 90% (с 71 в 1880 г. до 7 в 1990 г. и 4 в 2000 г.). В 1990 г. в 15 исконно ретороманских общинах доля ретороманского населения составляла менее 10%, в 2000 г. – в 19 [Рассчитано по: EV 1993a: 202–214; Furer 2005: 140–145].

В 1990 г. в 42 исконно ретороманских общинах численность немецкоязычного населения превышала численность ретороманского, в 38 из них немецкоязычное население составляло большинство [Рассчитано по: EV 1993a: 202–214].

К 2000 г. в 47 исконно ретороманских общинах немецкоязычное население составляло большинство, из них в 13 общинах доля немецкоязычного населения превышала 90% [Рассчитано по: Sprachen]. Если в 1880 г. на территории ретороманских общин доля немецкоязычного населения составляла в среднем 9,4% [Рассчитано по: EV 1881: 102–117], то в 2000 г. – 46,8% [Рассчитано по: Sprachen]. К началу XXI в. в пределах исконной ретороманской территории соотношение ретороманского и немецкоязычного населения было практически 1 : 1 (доля населения с ретороманским основным языком составляла в среднем 46,9%). Даже в общинах, в которых, по данным переписи

⁷ На основании данных переписи населения 1880 г. к числу исконно ретороманских было отнесено 118 общин кантона Граубюнден, территория которых условно считается исконной территорией распространения ретороманского языка. В 2000 г. вследствие изменения административных границ к исконно ретороманским относились 113 общин кантона.

⁸ Административное деление кантона Граубюнден, наименования районов и округов приводятся на момент проведения переписи.

населения 2000 г., сохранялось ретороманское большинство, доля немецкоязычного населения была достаточно высокой и составляла в среднем 25,7% [Рассчитано по: Sprachen].

Если в 1880 г. ретороманские территории – это сплошной массив с высокой долей ретороманского населения, то в 2000 г. территория распространения ретороманского языка представляла собой дискретные ареалы, разделенные территориями с немецкоязычным населением, занимающие большую часть округа Сурсельва в западной части кантона, часть округа Альбула в центральной части и округ Инн в восточной. Наиболее устойчиво ретороманский язык сохранялся в округе Сурсельва (в районе Дисентис ретороманское население составляло 80,4%, Руис – 78,9%, Лугнец – 77,5%, Иланц – 54,0%) [Рассчитано по: Furer 2005: 140–145].

Ретороманский язык сохраняется преимущественно в сельских районах – в 1990 г. 70% лиц, указавших в качестве основного языка ретороманский, проживали в сельской местности, 30% – в городах [EV 1995: 16, 22].

Что касается компактности проживания ретороманского населения, то в 1880–2000 гг. произошло увеличение доли ретороманского населения, проживающего за пределами кантона Граубюнден. В 1880 г. на территории кантона проживало почти 98% ретороманского населения Швейцарии [EV 1881: 204–205]. По данным переписи населения 1990 г., на территории кантона проживало около 75% ретороманского населения Швейцарии, в 2000 г. – около 77%. За пределами ретороманской языковой области в 2000 г. проживало 31,5% ретороманского населения страны (8 057 чел. проживали за пределами кантона Граубюнден, 3 022 чел. – на территории кантона, однако в пределах немецкой и итальянской языковых областей) [Gross 2004: 31].

Данные о распределении населения по родному / основному языку, однако, не позволяют составить полное представление о реальной языковой компетенции ретороманцев и о реальном использовании ретороманского языка. Перепись населения Швейцарии за всю историю проведения не предоставляла возможности лицам, одинаково хорошо владеющим двумя и более языками, декларировать собственное многоязычие и указывать более одного языка в качестве родного / основного. Таким образом, многоязычные респонденты должны были делать выбор в пользу одного из языков, и следовательно, лица, владеющие ретороманским языком, однако не считающие данный язык своим родным / основным, не могли быть учтены в результатах переписей, проводившихся до 1990 г.

Начиная с 1990 г. переписной бланк содержит вопрос, касающийся языков, употребляемых в образовательном учреждении, в профессиональной деятельности, в домашнем общении, сформулированный следующим образом: «На каком языке Вы регулярно говорите в образовательном учреждении (имеется в виду разговорный язык вне учебных занятий), в профессиональной деятельности; дома, с членами семьи». Допускалось несколько вариантов ответа. Распределение ответов на данный вопрос свидетельствует о том, что численность лиц, владеющих ретороманским языком и употребляющих его в тех или иных сферах жизни, значительно превышает численность лиц, считающих ретороманский язык основным. О владении ретороманским языком заявили в 1990 г. 66 356 чел. (0,96% населения Швейцарии) [Furer 1996: 44], в 2000 г. – 60 816 чел. (0,83% населения) [Gross 2004: 24]. Численность жителей кантона Граубюнден, владеющих ретороманским языком, составляла в 1990 г. 41 092 чел. (23,6% населения кантона) [Furer 1996: 46], в 2000 г. – 40 257 чел. (21,5% населения кантона) [Gross 2004: 26].

Данные переписей населения 1990–2000 гг. свидетельствуют о широком распространении в ретороманском сообществе многоязычия. Большинство лиц, владеющих ретороманским языком, употребляют в разговорной речи по меньшей мере еще один из национальных языков.

В 1990 г. 12 963 чел. указали, что употребляют в качестве разговорного языка только ретороманский; еще 49 390 чел. указали, что употребляют его наряду с другими национальными языками. Наиболее распространенным оказалось двуязычие (30 740 чел.,

в том числе немецко-ретороманское – 28 840 чел.), в меньшей степени – трехязычие (11 515 чел., в том числе немецко-итальянско-ретороманское – 7 111 чел.) и четырехязычие (владение всеми четырьмя национальными языками Швейцарии – 7 135 чел.) [EV 1993a: 321].

В 2000 г. в качестве разговорного языка употребляли только ретороманский 9 460 чел., наряду с другими национальными языками – 47 133 чел. Как и в 1990 г., доминировало двуязычие (29 916 чел., в том числе немецко-ретороманское – 26 633 чел.) при значительном отставании трехязычия (11 331 чел., в том числе немецко-итальянско-ретороманское – 6 036 чел.) и четырехязычия (5 886 чел.) [Рассчитано по: Volkszählung 2000].

Наиболее часто ретороманский язык употребляется наряду с немецким языком – 45 365 чел., далее следуют итальянский (14 525 чел.) и французский (10 346 чел.) [Рассчитано по: Volkszählung 2000].

Наиболее прочные позиции ретороманский сохраняет в качестве языка домашнего общения. По данным переписей населения 1990 и 2000 гг., 55 707 и 49 134 чел. соответственно указали, что используют ретороманский язык в домашнем общении. Для сравнения: в образовательном учреждении и профессиональной деятельности ретороманский язык в 1990 и 2000 гг. использовали 23 084 чел. и 26 738 чел. соответственно [Furer 2005: 30].

На сохранение ретороманского языка как разговорного языка в семье оказывает влияние распространенность смешанных браков. Распределение по родному языку совместно проживающих супругов фиксировалось с 1960 г. По данным переписи 1960 г., в Швейцарии насчитывалось 14 898 супружеских пар, в которых ретороманский являлся родным языком одного или обоих супругов. Из них в 6 093 парах (40,1%) ретороманский являлся родным языком обоих супругов. Данные последующих переписей населения свидетельствуют об уменьшении числа ретороманских супружеских пар и их доли в числе супружеских пар, где ретороманский являлся родным / основным языком одного или обоих супругов. В 1970 г. ретороманский язык являлся родным языком обоих супругов в 6 427 парах, что составляло 37,6% от общего числа супружеских пар, где ретороманский являлся родным / основным языком одного или обоих супругов, в 1980 г. – в 6 255 (32,9%) из 19 017 супружеских пар [EV 1983: 100–101], в 1990 г. – в 5 535 (27,0%) из 21 065 супружеских пар [EV 1993b: 34]. О том, насколько ретороманский язык сохраняется в качестве языка домашнего общения в смешанных семьях, можно судить по следующим данным. Согласно переписи населения 1990 г., 7 894 пары, в которых основным языком одного из супругов являлся ретороманский, а другого – немецкий, указали язык домашнего общения. Из них ретороманский употреблялся в качестве языка домашнего общения в 1 565 парах (из них лишь в 184 супружеских парах он являлся единственным языком домашнего общения), немецкий – в 7 021 парах [EV 1993b: 56].

Итак, современную ситуацию с ретороманским языком в Швейцарии можно охарактеризовать следующим образом:

1. Ретороманский является наименее распространенным национальным языком Швейцарии. Согласно данным переписи населения 2000 г., для 63,7% жителей страны основным языком является немецкий, для 20,4% – французский, для 6,5% – итальянский и для 0,5% – ретороманский; говорящие на языках, не относящихся к национальным, составляют 8,9% населения страны [Lüdi, Werlen 2005: 8]. По численности говорящих ретороманский занимает 10 место в Швейцарии после немецкого, французского, итальянского, сербско-хорватского, албанского, португальского, испанского, английского и турецкого [Lüdi, Werlen 2005: 11].

2. Ретороманский язык не имеет сплошной территории распространения, ретороманские языковые ареалы дискретны.

3. Численность говорящих на ретороманском языке и их доля в составе населения кантона Граубюнден и Швейцарии в целом уменьшаются.

4. Сокращается территория распространения ретороманского языка.

5. Значительная часть ретороманского населения проживает за пределами основной ретороманской территории.

6. В ретороманском сообществе многоязычие стало массовым явлением: широко распространены различные типы двуязычия (особенно немецко-ретороманское) и трехязычия, в ограниченной мере – четырехязычие. В ситуации функционального многоязычия ретороманский выполняет функции главным образом языка домашнего общения. Широкое распространение в ретороманском сообществе имеют смешанные семьи.

На основании данных переписей населения 1880–2000 гг. можно сделать вывод о том, что языковая карта кантона Граубюнден за это время претерпела существенные изменения, главным образом за счет сокращения области распространения ретороманского языка и территориальной экспансии немецкого. Кардинально изменилось и соотношение между ретороманским и немецким языковыми сообществами. В 1880 г. немецкоязычное население преобладало, однако составляло менее половины населения кантона при относительно небольшом разрыве с позициями ретороманского языка. Если в 1880 г. численность говорящих на немецком языке в кантоне Граубюнден превышала численность говорящих на ретороманском языке в 1,15 раза, то в 2000 г. – в 4,7 раза. В 2000 г. немецкий являлся основным языком более чем двух третей населения официально трехязычного кантона Граубюнден, тогда как позиции ретороманского языкового сообщества оказались сопоставимыми с позициями италоязычного. Сократилась не только численность ретороманского населения, но и территория распространения ретороманского языка. Несмотря на положительные изменения в юридическом статусе и поддержку со стороны Швейцарской Конфедерации и кантона Граубюнден, ретороманский отступил на позиции языка меньшинства населения во многих районах в пределах своей исконной территории и сохраняется в наиболее высокогорных сельских районах кантона.

Выводы относительно тенденций развития ситуации в регионе распространения ретороманского языка, основанные на анализе материалов переписей населения Швейцарии, находят подтверждение в работах общего характера, посвященных рассмотрению ситуации с ретороманским языком в Швейцарии. Речь идет о сокращении и размывании территории распространения ретороманского языка, уменьшении численности владеющих языком и говорящих на нем, ограничении функциональной значимости: ретороманский является языком преимущественно домашнего общения и практически не используется в сфере профессионального образования, экономики, ограничено его использование и в сфере государственного и муниципального управления [Catrina 1983: 252; Furer 2005: 127]. Следует указать, что сокращение численности владеющих ретороманским языком происходит главным образом вследствие нарушения передачи языка внутри семьи, от родителей к детям, и языковой ассимиляции – перехода ретороманского населения на немецкий язык, в результате которого ретороманский язык зачастую утрачивается полностью. Ряд авторов приходят к выводу, что ретороманской языковой среды больше не существует, ретороманцы окончательно превратились в двуязычное сообщество, каждый член которого владеет немецким языком и использует его в повседневной жизни [Camartin 1977: 261–261; Camartin 1985: 66; Carigiet 2000: 235; Gross 2004: 37; Liver 1999: 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

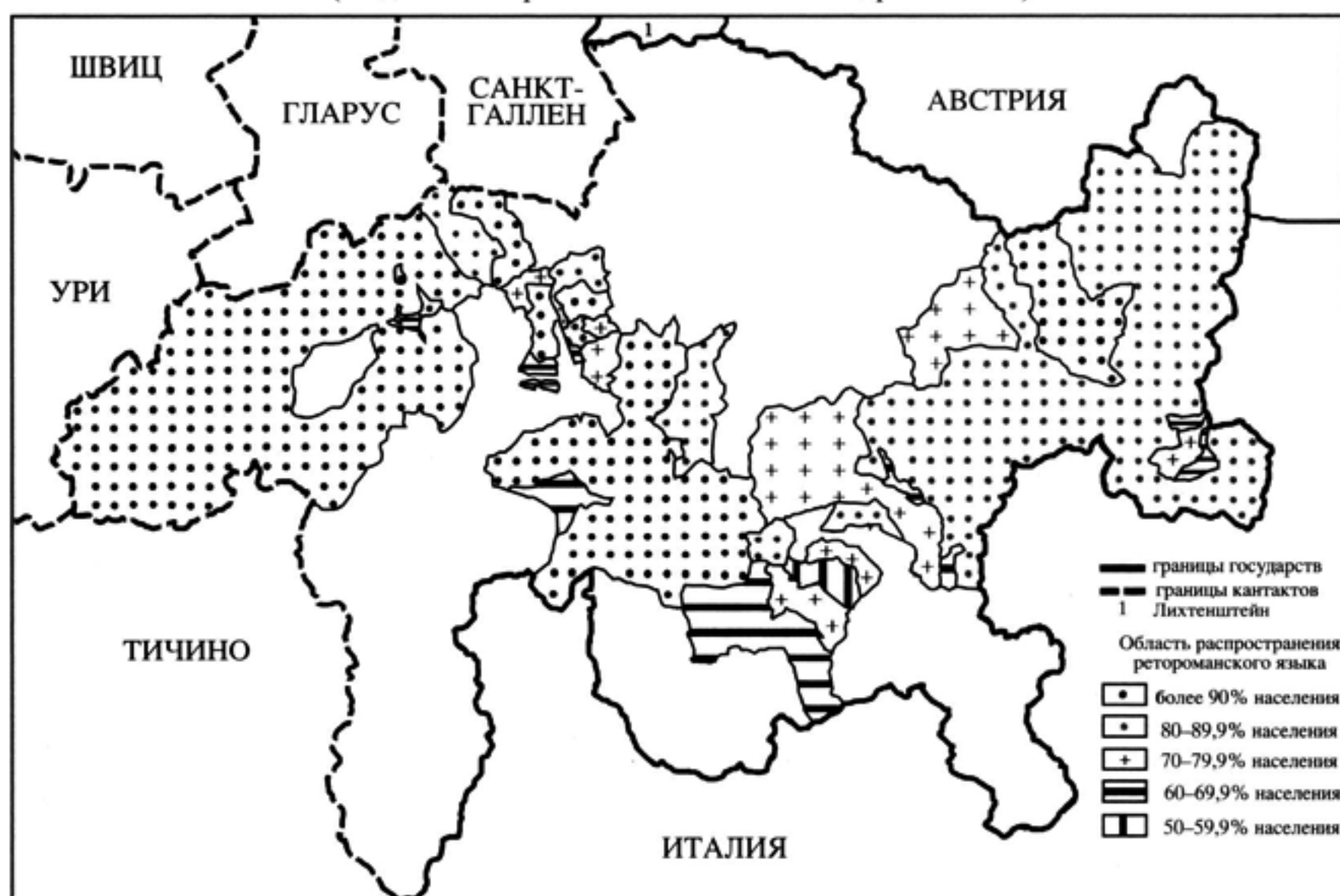
- Сухачев, Горенко 2001 – *Н.Л. Сухачев, Г.М. Горенко. Ретороманский язык // Языки мира: Романские языки. М., 2001.*
Ascoli 1873 – *G.I. Ascoli. Saggi ladini // Archivio glottologico italiano. V. 1. 1873.*
Billigmeier 1983 – *R. Billigmeier. Land und Volk der Rätoromanen: Eine Kultur- und Sprachgeschichte. Frauenfeld, 1983.*
Camartin 1977 – *I. Camartin. Rätoromanische Gegenwartsliteratur in Graubünden: Interpretationen, Interviews. Disentis, 1977.*

- Camartin 1985 – *I. Camartin*. Nichts als Worte? Ein Plädoyer für Kleinsprachen. München; Zürich, 1985.
- Carigiet 2000 – *W. Carigiet*. Zur Mehrsprachigkeit der Bündnerromanen // Die viersprachige Schweiz. Aarau; Frankfurt am Main; Salzburg, 2000 (Reihe Sprachlandschaft. Bd. 25).
- Catrina 1983 – *W. Catrina*. Die Rätoromanen zwischen Resignation und Aufbruch. Zürich, 1983.
- Decurtins 1993 – *A. Decurtins*. Rätoromanisch: Aufsätze zu Sprach-, Kulturgeschichte und zur Kulturpolitik // *Romantica Raetica*. Forschungen zum rätoromanischen Sprachraum. Bd. 8. Cuir, 1993.
- Deplazes 1991 – *G. Deplazes*. Die Rätoromanen. Ihre Identität in der Literatur. Disentis, 1991.
- EV 1881 – Eidgenössische Volkszählung vom 1. Dezember 1880. Erster Band. Die Bevölkerung nach Geschlecht, Altersperioden, Civilstand, Heimath, Aufenthalt, Konfession und Sprache, nebst der Zahl der Haushaltungen und der bewohnten Häuser und Räumlichkeiten. Schweizerische Statistik. LI. Bern, 1881.
- EV 1892 – Die Ergebnisse der Eidgenössischen Volkszählung vom 1. December 1888. Erster Band. Zahl der Häuser, der Haushaltungen, der Gesamtbevölkerung, letztere unterschieden nach dem Heimatsverhältnisse, dem Geburtsort, nach der Confession und der Muttersprache. Schweizerische Statistik. 84. Lieferung. Bern, 1892.
- EV 1983 – Eidgenössische Volkszählung 1980. Schweiz. Geschlecht, Heimat, Konfession, Muttersprache, Alter, Zivilstand, Geburtsort, Wohnort 1975. Bd. 8. Statistische Quellenwerke der Schweiz. Hft. 708. Bern, 1983.
- EV 1985 – Eidgenössische Volkszählung 1980. Kanton Graubünden. Bd. 24. Statistische Quellenwerke der Schweiz. Hft. 724. Bern, 1985.
- EV 1993a – Eidgenössische Volkszählung 1990. Sprachen und Konfessionen. Geographische Tabellen. Bern, 1993.
- EV 1993b – Eidgenössische Volkszählung 1990. Sprachen und Konfessionen. Thematische Tabellen. Bern, 1993.
- EV 1995 – Eidgenössische Volkszählung 1990. Kantonsprofile. Bern, 1995.
- Furer 1996 – *J.-J. Furer*. Recensement fédéral de la population 1990. Le romanche en péril? Evolution et perspective. Berne, 1996.
- Furer 2005 – *J.-J. Furer*. Eidgenössische Volkszählung 2000. Die aktuelle Lage des Romanischen. Neuchâtel, 2005.
- Gartner 1883 – *Th. Gartner*. Rätoromanische Grammatik. Heilbronn, 1883.
- Gross 2004 – *M. Gross*. Romanisch. Facts & Figures. Chur, 2004.
- Liver 1999 – *R. Liver*. Rätoromanisch: eine Einführung in das Bündnerromanisch. Tübingen, 1999.
- Liver 2000 – *R. Liver*. Die rätoromanische Schweiz // Die viersprachige Schweiz. Aarau; Frankfurt am Main; Salzburg, 2000 (Reihe Sprachlandschaft. Bd. 25).
- Lüdi, Werlen 2005 – *G. Lüdi, I. Werlen*. Eidgenössische Volkszählung 2000. Sprachenlandschaft in der Schweiz. Neuchâtel, 2005.
- Rohlf 1975 – *G. Rohlf*. Rätoromanisch: Die Sonderstellung des Rätoromanischen zwischen Italienisch und Französisch: Eine kulturgeschichtliche und linguistische Einführung. München, 1975.
- Sprachen – Sprachen // Amt für Wirtschaft und Tourismus Graubünden – Dokumentation – Volkswirtschaftliche Grundlagen. Eidgenössische Volkszählung – Censimento federale della popolazione 2000. Wohnbevölkerung nach Hauptsprache / Popolazione residente secondo la lingua principale (<http://www.awt.gr.ch>).
- Volkszählung 2000 – Volkszählung 2000 // Amt für Wirtschaft und Tourismus Graubünden – Dokumentation – Volkswirtschaftliche Grundlagen. Eidgenössische Volkszählung. Eckwerte für das Jahr 2000 (<http://www.awt.gr.ch>).

Сведения об авторе:

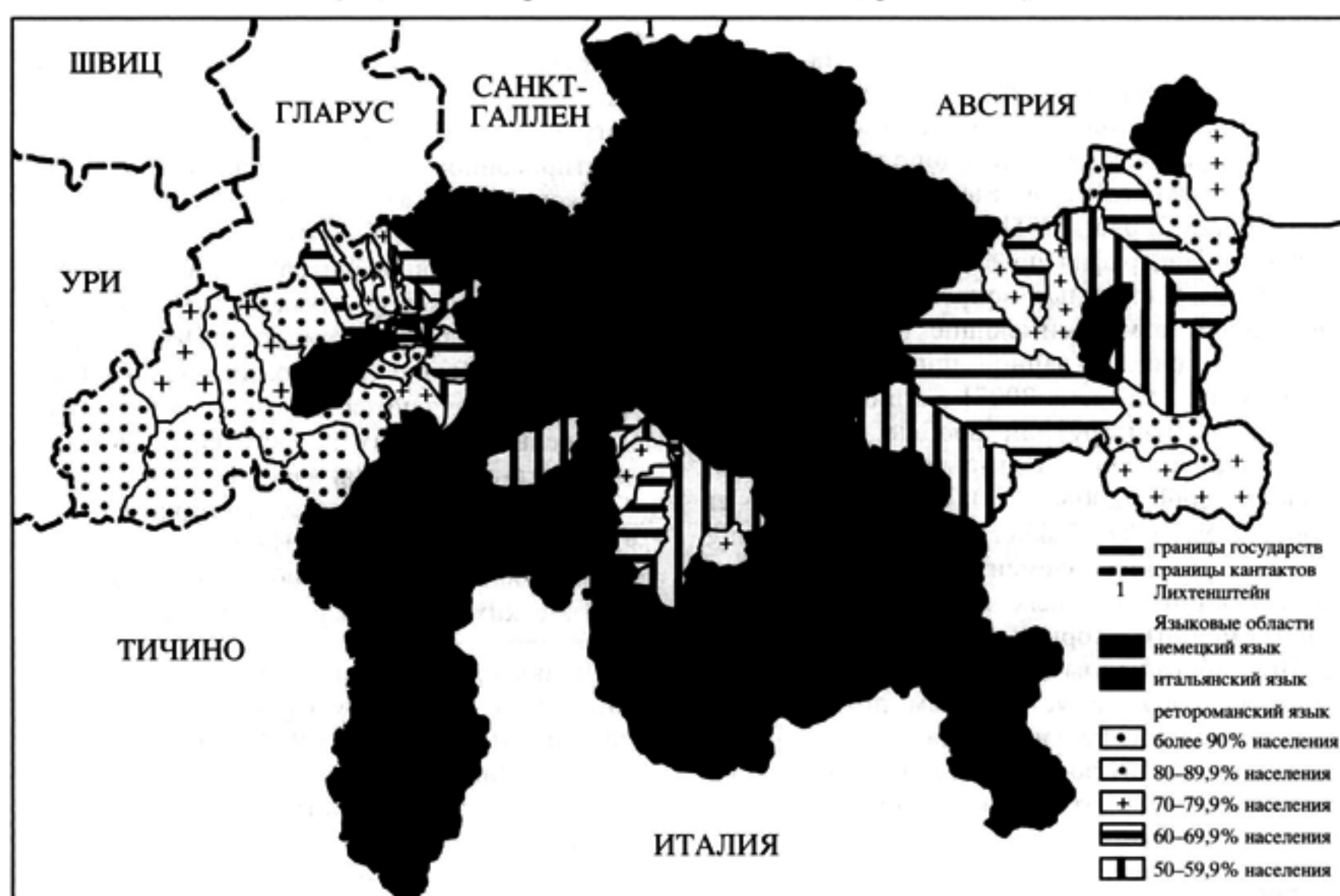
Радмила Рандиковна Нагапетова
 Российская государственная библиотека
radmila2004@yandex.ru

Распространение ретороманского языка в кантоне Граубюнден
(по данным переписи населения Швейцарии 1880 г.)

Карта 2

Языковые области кантона Граубюнден
(по данным переписи населения Швейцарии 2000 г.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. xviii + 772 p. ISBN 978-3-11-022036-0

Дитранзитивными конструкциями в лингвистической типологии называют структуры с тремя ядерными актантами – Агентом (A), Темой (T) и Реципиентом (R), – выражающие перемещение (реальное или абстрактное, метафоризованное) Темы от Агента к Реципиенту. Прототипический пример дитранзитивной конструкции – предложение с глаголом *дать*, например: *Она (A) дала мне (R) книгу (T)*. Начало систематическому типологическому изучению дитранзитивных и родственных им конструкций было положено в статье [Dryer 1986], где впервые были выделены основные стратегии кодирования актантах таких конструкций, аналогичные широко известным стратегиям кодирования участников двухактантных переходных (монотранзитивных) ситуаций – аккумулятивной, эргативной и т.д. Положения статьи М. Драйера были развиты и дополнены в таких работах, как [Croft 1990; Siewierska 2003; 2004; Haspelmath 2005a; 2005b]. К середине 2000-х годов библиография по дитранзитивным конструкциям и смежным вопросам стала весьма обширной; отмечу имеющие непосредственное отношение к данной проблематике статью [Austin, Margetts 2007] о типологии трехактантных конструкций вообще, ряд статей финского лингвиста С. Киттиля [Kittilä 2005, 2006a; 2006b; 2006c; 2008], статьи [Gensler 2003; Siewierska, Bakker 2007; Heine, König 2010] о порядке элементов дитранзитивных конструкций (именных групп и глагольных местоимений), сборник [Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010], посвященный бенефактивным конструкциям, нередко устроенным по дитранзитивной модели. Рецензируемая книга «Исследования по дитранзитивным конструкциям» не только подводит итог международному исследовательскому проекту, выполнявшемуся на лингвистическом отделении Института эво-

люционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге (Германия), но и служит важной и вполне закономерной вехой в типологическом изучении дитранзитивных конструкций, суммируя и обобщая значительный массив данных и идей, накопленных в науке на сегодняшний день.

Структура сборника во многом копирует традиционную структуру коллективных монографий, издаваемых Петербургской типологической школой (например [Храковский (ред.) 2009])¹. Книгу открывают обобщающая статья² редакторов «Типологический обзор дитранзитивных конструкций» (с. 1–64), вводящая читателя в проблематику дитранзитивных конструкций и излагающая наиболее важные аспекты их типологии и центральные проблемы их изучения, и анкета для типологически-ориентированного изучения таких конструкций в конкретном языке (с. 65–73). Основную часть сборника составляют двадцать четыре статьи, описывающие дитранзитивные конструкции в конкретных языках, локализованных в Африке, Евразии, Австралии и Океании и в Новом Свете. В двух статьях дитранзитивные конструкции изучаются не в конкретном языке, а в целых языковых семьях – восточно-кавказской (статья М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой) и тунгусо-маньчжурской (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова). Стоит отметить явный «перекос» сборника в сторону «экзотических» и малоизученных языков и от-

¹ Оглавление сборника доступно на сайте издательства: <http://www.degruyter.de/cont/imp/mouton/detailEn.cfm?id=IS-9783110220360-1>

² Электронный вариант статьи, близкий к опубликованному, доступен в Интернете по адресу: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/DitransitiveOverview.pdf>

сутствие в нем статей о европейских языках, что кажется в принципе оправданным (индоевропейская семья представлена иранским языком вафси); труднее понять, почему Австралия представлена в сборнике лишь одним языком, в то время как Африка – шестью, хотя в целом сборник довольно равномерно охватывает географическое и генетическое разнообразие языков.

Хотя с теоретической точки зрения книга весьма гомогенна (авторы в целом принимают функционально ориентированный типологический подход), стоит отметить, что не во всех статьях основные понятия определяются одинаково. Так, Б. Бикель с соавторами в статье о тибетских языках чинтан и белхаре не проводят различия между собственно дитранзитивными конструкциями и трехактантными структурами вообще, и в результате в статье рассматривается значительно более обширный материал.

В силу особенностей композиции книги в данной рецензии я уделю основное внимание изложению содержания обобщающей вводной статьи и лишь бегло остановлюсь на наиболее интересных аспектах статей о конкретных языках.

В начале статьи А. Мальчуков, М. Хаспельмат и Б. Комри дают определение дитранзитивной конструкции, совпадающее с открывающим данную рецензию. Следует особо отметить чисто семантический характер этого определения, не апеллирующего ни к каким морфосинтаксическим понятиям вроде прямого или непрямого объекта, поскольку последние всегда определяются для системы конкретного языка (см. [Haspelmath 2010; 2011] о противопоставлении конкретно-языковых и универсально-типологических понятий в лингвистике). Авторы эксплицитно отделяют дитранзитивные конструкции, понимаемые как связанные с семантикой перехода Темы от Агенса к Реципиенту, от других типов трехактантных конструкций (как уже было сказано выше, этим их подход отличается от представленного в статье Б. Бикеля с соавторами), таких как, например, конструкции с инструментом, с третьим участником-местом и т.п. Как уже говорилось выше, типичные представители дитранзитивных конструкций содержат глаголы с семантикой 'дать', 'дать взаймы', 'продать', 'вернуть (взятое)'; кроме того, А. Мальчуков с соавторами относят к дитранзитивным конструкции с метафорической передачей, такие как 'показать', 'сказать', 'завещать' и 'обещать', которые во многих языках кодируются подобно конструкциям с глаголом 'дать'. Как отмечают авторы, дитранзитивные глаголы в конкретных языках гораздо малочисленней монотранзи-

тивных и обычно демонстрируют более разнообразное поведение. Есть даже языки, например, цоциль (семья майя) или адыгейский, где вообще нет морфологически непроемных дитранзитивных глаголов.

В статье с типологической точки зрения изучаются следующие характеристики дитранзитивных конструкций: основные стратегии кодирования (*alignment types*, т.е. наиболее общие типы одинакового vs. различного кодирования актантов) и морфосинтаксического оформления (*encoding strategies*, т.е. более конкретные виды конструкций) и их вариации, морфосинтаксические свойства (*behavioural properties*, т.е. поведение конструкций по отношению к таким явлениям, как пассивизация, релятивизация, номинализация и т.п.), лексико-семантические характеристики. Рассмотрим их по порядку.

Понятие базовой стратегии кодирования (*alignment type*) было введено в типологию в середине XX в. в качестве обобщения и уточнения таких понятий, как номинативно-аккузативная и эргативная конструкции, различающиеся тем, с кодированием какого из актантов монотранзитивного предиката совпадает оформление субъекта непереходной конструкции (см. в первую очередь работы [Comrie 1978; Кибрик 1979], хотя впервые данная идея была как таковая выдвинута, видимо, в статье [Fillmore 1968]). Как уже было сказано, на дитранзитивные конструкции понятие *alignment* было распространено в первую очередь после статьи [Dryer 1986]. Драйер выделил две стратегии кодирования, которые он назвал стратегией с прямым и непрямым объектами (в ней дитранзитивный актант с ролью Т отождествляется с монотранзитивным пациенсом Р в качестве прямого объекта, а дитранзитивный R кодируется отлично от них в качестве непрямого объекта) и стратегией с первичным и вторичным объектами (здесь, напротив, с Р объединяется R в качестве первичного объекта, а Т кодируется иначе в качестве вторичного объекта). Эти стратегии можно проиллюстрировать следующими русскими предложениями: *Он подарил мне* (R, не прямой объект) *книгу* (Т, прямой объект) и *Он одарил меня* (R, первичный объект) *книгой* (Т, вторичный объект). Первое полностью систематическое типологическое изучение стратегий кодирования актантов дитранзитивных конструкций было предпринято М. Хаспельматом [Haspelmath 2005a; 2005b], и он же предложил используемую в рецензируемом сборнике и постепенно становящуюся общепринятой терминологию.

Итак, выделяются три основные и две крайне редкие стратегии кодирования актантов

дитранзитивных конструкций, схематически показанные на рис. 1. Стратегию с прямым и косвенным объектами (T = P vs. R) М. Хаспель-

мат предложил называть **индирективной**, а стратегию с первичным и вторичным объектами (R = P vs. T) – **секундативной**.

Рис. 1. Базовые стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций

Контрастивная и горизонтальная стратегии оформления в дитранзитивных конструкциях еще более редки, чем в монотранзитивных, и практически не представлены надежными примерами, поэтому в дальнейшем авторы рассматривают лишь первые три наиболее хорошо засвидетельствованные стратегии. Стратегии кодирования, как известно, могут проявляться в зависимостном маркировании (flagging, т.е. в оформлении именных групп падежами или предлогами/ послелогоми), в вершинном маркировании (indexing, т.е. в согласовании в глаголе или индексировании участников при помощи глагольных местоименных аффиксов или клитик) и в порядке слов, причем в одном и том же языке разные типы кодирования могут следовать разным стратегиям. Несмотря на то что в языках мира представлены практически все логически возможные комбинации трех базовых стратегий с тремя основными типами кодирования, существуют сильные типологические тенденции в их распределении (подробнее см. [Haspelmath 2005a], где приводится и статистика). Так, зависимостное маркирование тяготеет к индирективной стратегии, а вершинное – к секундативной, что проявляется в частотных случаях несоответствия (mismatch) в оформлении, ср., например, амхарские примеры (1a) и (1b) [Amberber 2009: 745, 747]³.

- (1). a. *lämma* *tärmus-u-n*
Лемма бутылка-DEF-ACC
*säbbär-ä-w*_i
разбить:PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
'Лемма разбил бутылку (P)'⁴.

³ Транскрипция примеров приведена в соответствии с традицией.

⁴ В примерах используются следующие сокращения: ACC – аккузатив, DAT – датив, DEF – определенность, DET – детерминатор, DSG – деизигнатив, M – мужской род, OBJ – объект, POSS – посессивность, PRF – перфект, SBJ – субъект, SG – единственное число.

- b. *lämma* *lä-ləğğ-u*_i
Лемма DAT-ребенок-DEF
māṣṣaf-u-n
книга-DEF-ACC
*säṭṭ-ä-w*_i
дать:PRF-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
'Лемма дал ребенку (R) книгу (T)'.

Три основные стратегии кодирования актантов дитранзитивных конструкций семантически мотивированы: индирективная отражает сходства семантических ролей T и P (оба обладают пациентивными свойствами, в отличие от R), секундативная связана с одушевленностью (для P и в особенности для R нормально быть одушевленными, в отличие от T), а нейтральная – с противопоставлением всех трех «объектных» ролей агенсу. «Склонность» разных типов маркирования к той или иной стратегии объясняется тем, что падежи типологически тяготеют к выражению семантических ролей, а глагольное согласование нередко ориентировано на противопоставления по «выделенности», включая одушевленность.

Помимо наиболее распространенных типов морфосинтаксического оформления – зависимостного маркирования, глагольного индексирования и порядка слов, – дитранзитивные конструкции во многих языках используют сериализацию (сочетание двух одинаково оформленных глаголов, образующих единую предикацию; типологический обзор сериализации в дитранзитивных и бенефактивных конструкциях см. в статье [Creissels 2010]), ср. пример (2) из языка фонгбе (семья ква, Бенин) (с. 13), и более редкую стратегию с оформлением одного из участников в качестве приименного зависимого другого, ср. пример (3) из эвенского языка (с. 15).

- (2) *Kòkú só asón ó*
Коку взять краб DET
ná Ásíbá.
дать Асиба
'Коку дал краба (T) Асибе (R)'
(букв. «Коку взял краба (и) дал Асибе»).

- (3) *Etiken kunga turki-ga-n*
 старик ребенок сани-DSG-3SG.POSS
etun.
 привез
 'Старик привез ребенку (R) сани (T)'
 (букв. «сани (предназначенные для)
 ребенка»).

Отдельно разбираются типологические закономерности порядка слов в дитранзитивных конструкциях. Во-первых, отмечается сильная тенденция помещать и T, и R контактно по одну сторону от сказуемого; яркое исключение составляют языки семьи манде, где R оформляется как косвенный объект при порядке S–(Aux)–O–V–прочие. Во-вторых, оказывается, что взаимный порядок T и R нетривиальным образом связан с характером их падежного оформления: если оба объекта неоформлены, то обычно R предшествует T (что, видимо, связано с большей одушевленностью и, следовательно, топиальностью R), однако при индирективном зависимом маркировании T гораздо чаще следует перед R.

Обсуждая широко распространенные внутриязыковые вариации типов оформления дитранзитивных конструкций, авторы противопоставляют альтернации (когда выбор конструкции зависит от семантических или прагматических факторов) и «расщепление» (split, когда выбор обусловлен грамматическими правилами либо самой глагольной лексемой). Наиболее известна и хорошо изучена так называемая «дативная альтернация», отмеченная в английском, а также в ряде генетически неродственных языков, ср. примеры (4a) и (4b) (с. 18). Факторы, определяющие употребление той или иной из альтернирующих дитранзитивных конструкций, могут быть связаны со степенью вовлеченности объектов в ситуацию, их относительной одушевленностью или дискурсивной выделенностью и т.п.

- (4) a. *Mary gave John a pen.*
 'Мери дала Джону (R) ручку (T)'
 (конструкция с двумя объектами).
 b. *Mary gave a pen to John*
 'т.ж.' (конструкция с прямым
 и косвенным объектами).

Наиболее частотные случаи «расщепления» в оформлении дитранзитивных конструкций связаны с противопоставлением личных местоимений и полных именных групп (например, местоимения могут кодироваться секундативно, а ИГ – индирективно), а также с относительной одушевленностью или топиальностью участников. Иными словами, факторы, определяющие «расщепления», сходны с факторами, релевантными для альтернаций; это неудивительно, поскольку «расщепле-

ния» – это обычно сильно грамматикализованные альтернации.

Отдельно в статье кратко обсуждаются такие более частные явления кодирования, как так называемое «лично-ролевое ограничение» (отмеченный во многих неродственных языках запрет на индексирование в случае T 1-го или 2-го лица и R 3-го лица, см. подробнее [Haspelmath 2004]) и супплетивизм глагола 'дать' в зависимости от лица R, см. подробнее [Comrie 2003].

Значительную часть статьи составляет фактически первый систематический типологический обзор синтаксических характеристик дитранзитивных конструкций и поведения их актантов в таких процессах, как пассивизация, антипассивизация, релятивизация, образование частных вопросов, рефлексивизация, реципрокализация, инкорпорация и инверсив. В области пассивизации отмечаются три типа: индирективный (пассивизируется лишь T, как в русском), секундативный (пассивизируется лишь R, как в суахили) и нейтральный (пассивизируются оба объекта, как в австронезийском языке туканг беси); авторы отмечают, что ограничения на пассивизацию связаны с базовой стратегией кодирования: так, индирективное оформление (вершинное либо зависимое) обычно предполагает индирективную же пассивизацию. В отличие от пассивизации, антипассивизация как правило ориентирована на T независимо от стратегии оформления.

В области выражения кореферентности дитранзитивные конструкции демонстрируют интересное противопоставление между рефлексивизацией и реципрокализацией: первая чаще ориентирована на T ('отдать себя'), а вторая – на R ('отдать друг другу'). Эти тенденции, в ряде языков проявляющиеся в грамматических запретах, могут быть связаны с прагматическими особенностями соответствующих конструкций.

Процессы номинализации и инкорпорации имеют тенденцию к индирективности, т.е. к одинаковой трактовке T и R в противоположность R. В случае номинализации индирективность проявляется в том, какой аргумент меняет свое оформление на посессивное (ср. русск.: *сообщил новость (T) начальнику (R)* и *сообщение новости (T) начальнику (R)*), а при инкорпорации – в самой возможности применения этой операции к актанту: реципиенты, будучи обычно одушевленными и определенными, за редчайшими исключениями вообще не инкорпорируются. Напротив, употребление инверсивного маркирования, тесно связанное с иерархией одушевленности, в тех языках, где оно есть, почти всегда ориентировано на R, т.е. секундативно.

В качестве объяснения ряда тенденций в морфосинтаксическом поведении дитранзитивных конструкций А. Мальчуков с соавторами выдвигают следующий принцип «гармонии кодирования и поведения» (coding-behaviour harmony, с. 46–47): если операция, обычно

применяемая к Р, возможна для R в конструкции с индирективным кодированием, то она возможна и для Т, и, наоборот, если такая операция применима к Т в конструкции с секундативным кодированием, то она применима и к R. Схематически этот принцип отражен на рис. 2.

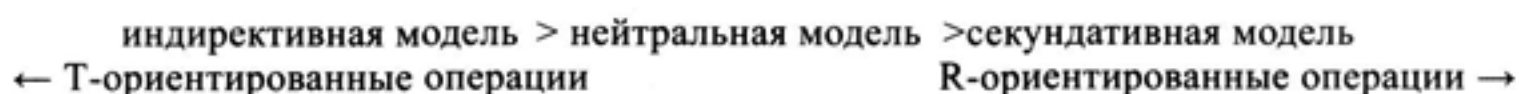

Рис. 2. Гармония кодирования и поведения

Заключительная часть вводной статьи посвящена межъязыковому варьированию дитранзитивных конструкций в области грамматической и лексической семантики; обсуждение лексики до сих пор нечасто встречалось в работах по грамматической типологии, и появление в рецензируемой книге этой тематики так же важно, как и не случайно: как уже говорилось выше, дитранзитивные конструкции существенно более лексически ограничены и одновременно вариативны, нежели имеющие куда более бедную семантику двухактантные переходные конструкции.

Во-первых, авторы обсуждают вопрос об открытых и закрытых классах дитранзитивных предикатов, отмечая, что, в частности, конструкции с нейтральным кодированием актантов («модель с двумя объектами») имеют тенденцию быть лексически ограниченными и что английский язык в этом отношении скорее исключение (даже на фоне германских языков). Во-вторых, в статье анализируются модели полисемии выступающих в дитранзитивных конструкциях показателей и строится семантическая карта области значений, связанной с реципиентом (ср. [Haspelmath 2003]; к сожалению, авторы не успели учесть уточнение этой карты, предложенное в статье [Rapold 2010]), ср. рис. 3.

Рис. 3. Семантическая карта области реципиента (с. 52)

Наконец, в-третьих, авторы предлагают семантическую карту дитранзитивных конструкций на основе лексических значений входящих в нее предикатов, см. рис. 4. Подобная карта позволяет «наложить» формальные типы конструкций на лексические значения и выявить типологические тенденции как в синхронном распределении показателей и синтаксических моделей, так и в их диахроническом развитии.

Обзорная статья А. Мальчукова, М. Хаспельмата и Б. Комри сжато, полно и непротиворечиво отражает все наиболее существенные аспекты и проблемы типологии дитранзитивных конструкций и полученные за последние десятилетия результаты их межъязыкового изучения, а также содержит основную библиографию и может служить прекрасным введением в эту тему, полезным как специалистам, так и студентам.

Приложенная к статье типологически ориентированная анкета для изучения дитранзитивных конструкций в конкретном языке содержит вопросы, касающиеся стратегий кодирования актантов (вершинного, зависимостного, порядка слов), возможных эффектов одушевленности, поведенческих особенностей конструкций (в том числе ряда вопросов «повышенной сложности», в частности сферы действия кванторов и различных синтаксических операций, традиционно рассматриваемых формальными моделями грамматики), а также лексико-семантических свойств глаголов и показателей, выступающих в дитранзитивных конструкциях.

Перехожу к краткому обзору составляющих основной массив сборника описательных статей. В основном, как уже было сказано, конкретно-языковые исследования выполнены в

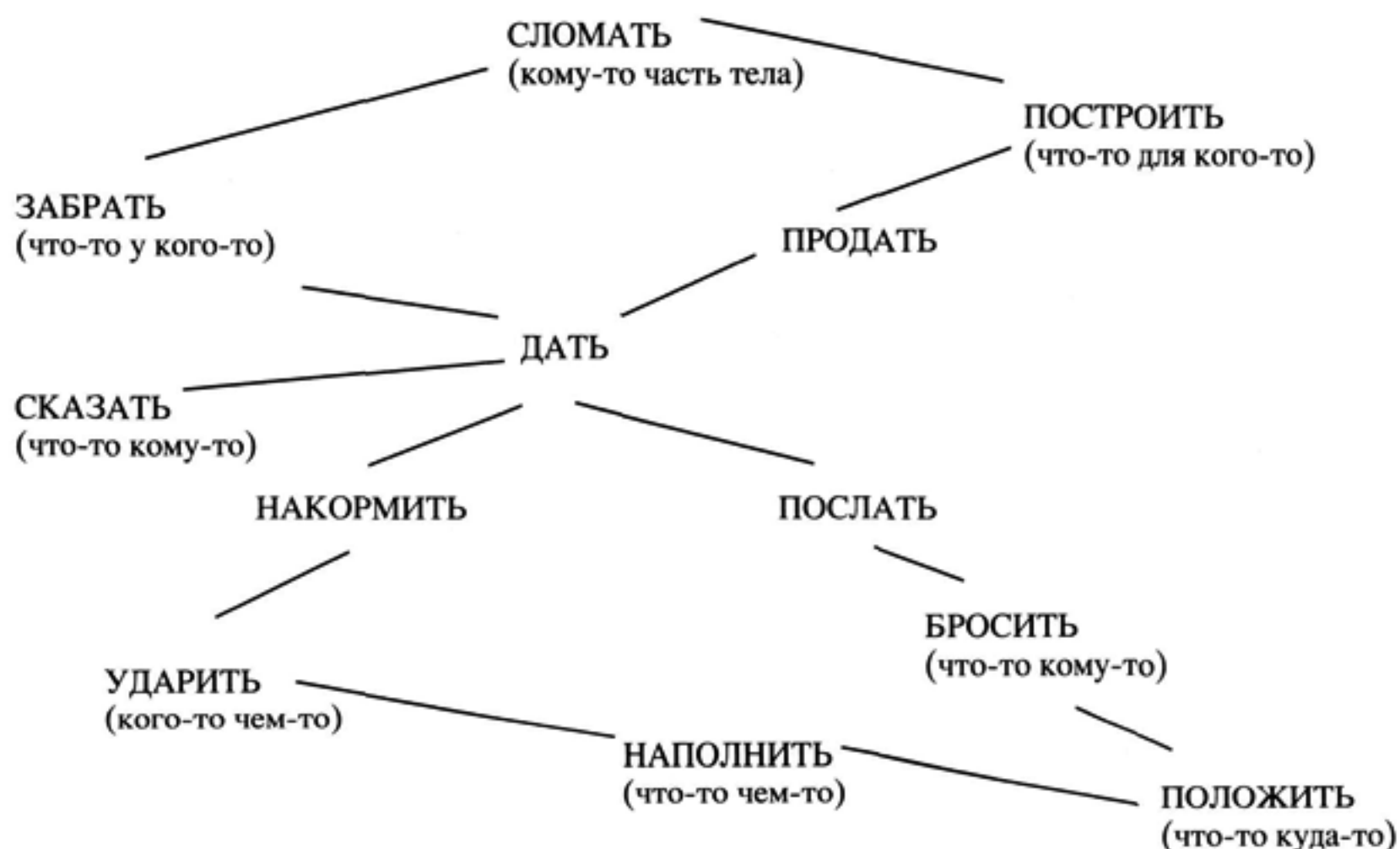

Рис. 4. Семантическая карта дитранзитивных конструкций (с. 55)

рамках, заданных вводной статьей, и опираются на разработанную редакторами анкету, хотя авторам и была предоставлена большая свобода в порядке и способе изложения материала.

Раздел, посвященный языкам Африки, содержит шесть статей. К. Кёниг и Б. Хайне анализируют данные койсанского языка !хунг (!Xun) и делают вывод о том, что в нем вообще нет дитранзитивных глаголов: предикат в этом языке может иметь не более двух синтаксических актантов, и третий участник, независимо от семантической роли, грамматически оформляется как сирконстант. При глаголе 'дать' в качестве объекта может выступать как Т, так и R, однако не оба одновременно. Статья Р. Шефера и Ф.О. Эгбохаре об эдоидном языке эмаи содержит тонкий сравнительный анализ поведения значительного числа глаголов, способных выступать в дитранзитивных конструкциях. В сравнительно короткой статье Ж. Атоеби, М. Хаспельмата и А. Мальчукова о языке йоруба сопоставляются несколько типов оформления дитранзитивных конструкций и их альтернации, а также строится семантическая карта трехактантных конструкций этого языка. В статье А.-К. Бассена об атлантическом языке дьола-баньял демонстрируется, что разные грамматические признаки следуют различным стратегиям (нейтральной, индирективной и секундативной). Также в этом разделе представлены статьи Д. Кресселя и Ж. Куадио о языке бауле группы ква и Г. Диммендаля о языке тима (центральный Судан).

Из семи статей о языках Евразии следует особо отметить работу М.А. Даниэля, З. Халиловой и З. Молочиевой, в которой сравниваются дитранзитивные конструкции в языках восточно-кавказской семьи; яркое типологическое своеобразие этих языков состоит в формальном (с помощью различного падежного оформления R-актанта) противопоставлении между значениями 'Т поступает в постоянную собственность R' и 'Т передается R на время', которое обычно не выражается в языках мира грамматическими средствами. Интересно сравнить это противопоставление с наблюдающимся в тайском языке, где, согласно статье К. Тхепканьяна, выбор одного из трех типов оформления дитранзитивных конструкций зависит от лексической семантики глагола, значения конструкции (передача Т в распоряжение одушевленного R vs. простое перемещение Т к R) и ряда синтаксических и даже социолингвистических факторов. Э. Когхил в статье о новоарамейском диалекте телкепе описывает исключительно сложную «расщепленную» систему, где кодирование актантов дитранзитивных конструкций при помощи падежных показателей и глагольного согласования зависит от типа глагольной формы, противопоставления ИГ и местоимений, а также от определенности объектов. В тунгусо-маньчжурских языках (статья А. Мальчукова и И.В. Недялкова) также сосуществует несколько конструкций (нейтральная с двумя объектами в аккумулятиве, индирективная и др.), из которых наибольший

интерес представляет типологически редкая «дезигнативная» конструкция, в которой R кодируется как посессивное зависимое участника-T, оформленного особым дезигнативным падежом, выражающим «предназначенность» темы реципиенту, см. выше пример (3). Также в этом разделе представлены статья Д. Стило о западноиранском языке вафси, статья А. Нефёдова, А. Мальчукова и Э. Вайды о кетском языке и статья Б. Бикеля и девяти соавторов о тибетских языках чинтан и белхаре, в которой основное внимание уделяется сравнению поведения второго и третьего актантов в целом ряде трехаргументных конструкций.

Языки Австралии, Новой Гвинеи и Океании представлены в сборнике лишь четырьмя статьями, что не может не вызывать сожаления, учитывая беспрецедентное языковое разнообразие в этом регионе. М. Кламер в статье о «папуасском» языке тэва (о-в Пантар, восточная Индонезия) показывает, что здесь имеется единственный собственно дитранзитивный глагол 'дать', принимающий два объекта, а обычным способом образования дитранзитивной конструкции служит сериализация с помощью глагола 'прийти' (что типологически нетривиально, поскольку, согласно [Creissels 2010], реципиентно-бенефактивные сериализации чаще всего строятся на основе глагола 'дать'). С. Федден анализирует морфологические особенности дитранзитивных конструкций в полисинтетическом языке миан семьи ок (Папуа – Новая Гвинея) и предлагает диахронический анализ возникновения ряда особенностей этих конструкций. У. Мозель описывает сложную систему оформления дитранзитивных конструкций в австронезийском языке теоп (о-в Бугенвилль, Папуа – Новая Гвинея), на которую накладывается связанное с иерархиями одушевленности и тематичности противопоставление «первичного» и «вторичного» объектов. Э. Шульце-Берндт в статье о языке дямидюнг (изолят, Северная Австралия) особое внимание уделяет распространенной в неродственных языках этого региона стратегии «разделения» предиката на собственно лексическую часть и вспомогательный глагол, и в заключении статьи строит схему своеобразной классификации трехактантных ситуаций в этом языке.

Заключительный раздел книги содержит семь статей, посвященных языкам Америки. Особо хочется отметить подробнейшее описание морфосинтаксиса дитранзитивных конструкций в сэлишском языке халкомелем (статья Д. Гердтс, наиболее объемная в сборнике после вводной), грамматика которого организована вокруг категории «абсолютива» (в терминах М. Драйера – «первичного объекта»,

т.е. секундативного объединения Р и R). В языках оджибве (алгонкинская семья, Канада, статья Р.А. Роудза), итонама (изолят, Боливия, статья М. Кревелс) и мапудунгун (арауканская семья, Чили, статья Л.А. Гольюсио) важную роль в дитранзитивных конструкциях играет инверсив, маркирующий случай, когда агенс находится ниже реципиента в иерархии одушевленности. Язык мапудунгун интересен также активным использованием аппликативных дериваций и наличием двух глаголов 'дать': трехвалентного ('дать что-то кому-то') и двухвалентного ('отдать что-то'). Нетривиальность грамматической системы отомангского языка тлапанек (Мексика) нелегко оценить по достоинству из-за недостаточно ясного изложения автора статьи С. Вихмана (в качестве курьеза отмечу также, что библиография к этой статье содержит лишь работы самого автора). Также в этот раздел включены статьи О. Мияока об эскимосском языке юпик (Аляска) и Э. Кэмпбелл об атабаскском языке хупа (Калифорния).

Сборник содержит указатели имен, языков и терминов, а также список сокращений. Опечатки в книге минимальны, хотя можно отметить, например, что спутана нумерация примеров на с. 369.

В целом рецензируемый сборник, вне всякого сомнения, является важной вехой не только в изучении дитранзитивных и трехактантных конструкций, но и вообще в развитии типологии, демонстрируя как достигнутые лингвистикой стандарты детального описания материала самых различных языков, так и уровень межкультурных обобщений. Отдельно подчеркну в качестве особенного достоинства этой книги повышенное внимание ее авторов и редакторов к лексической семантике и ее взаимодействию с грамматикой. Сборник «Исследования по дитранзитивным конструкциям», как и целый ряд других публикаций, подтверждает лидирующее положение Лейпцигской типологической группы из Института эволюционной антропологии им. Макса Планка в этой активно развивающейся области лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик 1979 – А.Е. Кибрик. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
- Храковский (ред.) 2009 – В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Amberber 2009 – M. Amberber. Differential case marking of arguments in Amharic // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford, 2009.

- Austin, Margetts 2007 – *P. Austin, A. Margetts*. Three participant events in the languages of the world: towards a crosslinguistic typology // *Linguistics*. V. 45. 2007. № 3.
- Comrie 1978 – *B. Comrie*. Ergativity // *W.P. Lehmann (ed.). Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language*. Austin; London, 1978.
- Comrie 2003 – *B. Comrie*. Recipient person suppletion in the verb 'give' // *M.R. Wise, Th.N. Headland, R.M. Bred (eds.). Language and life: Essays in memory of Kenneth L. Pike*. Dallas, 2003.
- Creissels 2010 – *D. Creissels*. Benefactive applicative periphrases: A typological approach // *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Croft 1990 – *W. Croft*. Typology and universals. Cambridge, 1990.
- Dryer 1986 – *M.S. Dryer*. Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language*. V. 62. 1986. № 4.
- Fillmore 1968 – *Ch. Fillmore*. The case for case // *E. Bach, R.T. Harms (eds.). Universals in linguistic theory*. New York, 1968 (русск. пер.: Филлмор 1981/1968 – Ч. Филлмор. Дело о падеже // *В.А. Звегинцев (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика*. М., 1981).
- Gensler 2003 – *O. Gensler*. Object ordering in verbs marking two pronominal objects: Non-explanation and explanation // *Linguistic typology*. V. 7. 2003. № 2.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello (ed.). The new psychology of language*. V. II. Mahwah (NJ), 2003.
- Haspelmath 2004 – *M. Haspelmath*. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach // *Constructions*. V. 2. 2004. (<http://www.constructions-online.de/articles/35>)
- Haspelmath 2005a – *M. Haspelmath*. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic discovery*. V. 3. 2005. № 1. (<http://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/2/xmlpage/1/article/280>)
- Haspelmath 2005b – *M. Haspelmath*. Ditransitive constructions: The verb 'give' // *M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). The World atlas of language structures*. Oxford, 2005. (<http://wals.info/chapter/105>)
- Haspelmath 2010 – *M. Haspelmath*. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. V. 86. 2010. № 3.
- Haspelmath 2011 – *M. Haspelmath*. On S, A, P, T, and R as comparative concepts for alignment typology. Manuscript. 2011. (<http://eva-mpg.academia.edu/MartinHaspelmath/Papers/>)
- Heine, König 2010 – *B. Heine, Chr. König*. On the linear order of ditransitive objects // *Language sciences*. V. 32. 2010.
- Kittilä 2005 – *S. Kittilä*. Recipient prominence vs. beneficiary prominence // *Linguistic typology*. V. 9. 2005. № 2.
- Kittilä 2006a – *S. Kittilä*. The anomaly of the verb 'give' explained by its high (formal and semantic) transitivity // *Linguistics*. V. 44. 2006. № 3.
- Kittilä 2006b – *S. Kittilä*. Object-, animacy- and role-based strategies: A typology of object marking // *Studies in language*. V. 30. 2006. № 1.
- Kittilä 2006c – *S. Kittilä*. The woman showed the baby to her sister: on resolving animacy-driven ambiguity in ditransitives // *L. Kulikov, A. Malchukov, H. de Hoop (eds.). Case, valency and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Kittilä 2008 – *S. Kittilä*. Animacy effects on differential goal marking // *Linguistic typology*. V. 12. 2008. № 2.
- Rapold 2010 – *Chr.J. Rapold*. Beneficiary and other roles of the dative in Tashelhiyt // *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Siewierska 2003 – *A. Siewierska*. Person agreement and the determination of alignment // *Transactions of the philological society*. V. 101. 2003. № 2.
- Siewierska 2004 – *A. Siewierska*. Person. Cambridge, 2004.
- Siewierska, Bakker 2007 – *A. Siewierska, D. Bakker*. Bound person forms in ditransitive clauses revisited // *Functions of language*. V. 14. 2007. № 1.
- Zúñiga, Kittilä (eds.) 2010 – *F. Zúñiga, S. Kittilä (eds.). Benefactives and malefactives. Typological perspectives and case studies*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.

П.М. Аркадьев

Сведения об авторе:

Пётр Михайлович Аркадьев
Институт славяноведения РАН
peterarkadiev@yandex.ru

Коллективная монография «Наклонение в языках Европы» представляет собой набирающий популярность в последнее время тип исследований, когда каждая глава посвящена описанию некоторого явления в определенном языке (аналогичное издание о модальных словах в языках Европы рецензировалось в «Вопросах языкознания» за 2011 год, № 1). В монографии рассмотрены 36 языков, в их числе два языка Кавказа – армянский и грузинский.

Наклонения, в соответствии с наиболее распространенной традицией, определены как морфологическая форма глагола, выражающая модальность. Однако, как мы увидим дальше, это определение отнюдь не дает однозначного решения вопроса о том, что относить к наклонениям в каждом конкретном языке.

Вступительная статья Рольфа Тироффа (Rolf Thieroff), одного из редакторов-составителей сборника, представляет полезное обобщение результатов. Обсуждая круг описываемых в монографии форм, Тирофф исключает из рассмотрения эвиденциальные категории на том основании, что эвиденциальность часто бывает выражена в глагольной форме одновременно с наклонением. Тем не менее в ряде статей эвиденциальные формы все же приводятся, например для балтийских языков и для албанского.

Тирофф сообщает, что во всех 36 исследованных языках есть императив, и потому в дальнейшем не обсуждает его в своей статье, анализируя лишь «неиндикативные неимперативные наклонения» (с. 6). Между тем ситуация далеко не столь однозначна. Морфологически специализированный императив, то есть формально отличающийся от всех других форм, существует не во всех европейских языках (см. об этом [van der Auwera et al. 2004]). Например, в английском императив не имеет никаких показателей, которые отличали бы его от индикатива настоящего времени 1/2 лица. Еще чаще специализированной является только форма 2 лица единственного числа. Во многих статьях сборника эксплицитно сообщается, что некоторая форма императива совпадает с индикативом, конъюнктивом (субъюнктивом) или, реже, с чем-либо еще.

Исключив императив как неинтересный для обобщения объект, Тирофф сосредотачивается на обсуждении «неиндикативных неимперативных» форм, а именно – наклонений ирреального типа. Исследование этих форм осложнено путаницей в терминологии, сформировавшейся в рамках национальных науч-

ных парадигм. Одна и та же с функциональной точки зрения форма может называться конъюнктивом, кондиционалисом, субъюнктивом, сослагательным или условным наклонением. Тирофф пытается преодолеть этот разнобой, анализируя морфологическую структуру ирреальных форм. Основным объектом внимания оказывается форма, которая в ряде языков называется кондиционалисом. Автор выделяет два морфологических типа этой формы в языках Европы.

Один тип представляет собой сочетание морфем прошедшего и будущего времени, ср. пример из статьи о французском языке Вальтера де Мюльдера (Walter De Mulder) и английский перевод этой французской фразы, где представлена аналогичная форма *would*:

Si je le rencontrais,
if I him meet.IND.IMP.F.1SG
je le tuerais
I him kill.FUT.IMP.F.1SG
'If I would meet him, I would kill him'.

Второй тип представлен в восточноевропейских языках, например, в славянских (в том числе в русском – *Если бы я его встретил, я бы его убил*), в латышском, литовском, финском, эстонском и венгерском, где кондиционалис не содержит морфемы будущего времени, а иногда не содержит и морфемы прошедшего.

Первый, «западный» кондиционалис Р. Тирофф, следуя форме, считает временем. Он указывает на то, что, наряду с чисто модальными контекстами у будущего в прошедшем есть глубоко временные, а употребление в модальных значениях характерно почти для любой временной формы. Заметим, что относительно форм будущего в прошедшем существует противоположная точка зрения: сам факт сочетания в одной форме двух временных морфем ставит под сомнение возможность квалифицировать как временную не только форму будущего в прошедшем, но и морфологическую категорию будущего времени вообще (см. обсуждение этой проблемы в [Плунгян 2011: 361]).

Второй, «восточный» кондиционалис он причисляет к наклонениям. При этом болгарский и македонский языки имеют оба типа. Сопоставляя затем функции русского сослагательного наклонения («восточный кондиционалис») с французским «субжонктивом», автор приходит к выводу, что с функциональной точки зрения эти формы не имеют существенных различий и могут рассматриваться как наклонение одного типа, которое может быть названо ирреалисом, в то время как форма будущего

в прошедшем должна быть выведена из системы наклонений и считаться временной.

Еще одно наблюдение, сделанное Р. Тироффом относительно конъюнктива, касается его связи с категорией времени. Как утверждает автор, европейский конъюнктив всегда маркирован с точки зрения времени. Так, русское сослагательное наклонение Тирофф рассматривает как форму прошедшего времени, отмечая при этом, что референциально она может относиться к любому моменту (ср. противоположную, распространенную в отечественной русистике точку зрения, в соответствии с которой глагольную форму сослагательного наклонения называют «формой на -л», чтобы подчеркнуть отсутствие у нее связи с прошедшим временем).

Основной проблемой этой в целом очень информативной книги является отсутствие заранее принятых решений о том, на каких основаниях некоторая форма принимается к рассмотрению в статье. Статьи сборника сильно различаются в отношении того, что считается наклонением в каждом конкретном языке. В результате в некоторых очерках упомянуто все, что имеет хоть какие-то основания считаться наклонением, например, в албанском языке автор (Вальтер Брой – Walter Breu) выделяет 10 наклонений, называя каждое регулярное сочетание некоторой частицы с формой конъюнктива отдельным наклонением. В других, напротив, система наклонений выглядит чрезвычайно бедной и очерки оказываются совершенно неинформативными – так произошло с английским. Парадоксальным образом в статье об английском не описаны конструкции с глаголом *would*, поскольку, как и редактор, авторы этой статьи (Александр Бергс и Лена Хайне – Alexander Bergs, Lena Heine) считают *would* формой будущего в прошедшем, которую они квалифицируют как временную.

Германским языкам в этом сборнике вообще повезло меньше всех прочих. В большинстве из них полностью утрачен индоевропейский конъюнктив, и авторам остается лишь привести ряд устаревших устойчивых формул – *Long live the king!* В качестве императивных рассматриваются только формы императива 2-го лица. Между тем во многих языках мира имеются какие-либо грамматикализованные средства и для выражения форм побуждения к 1-му и 3-му лицу. В германских и романских языках эти значения обычно выражены средствами других наклонений, но, как было показано вначале, императив 2-го лица тоже далеко не всегда имеет специализированную форму. Не все лингвисты относят формы 1 и 3 лиц к императивным, но к зоне наклонений они принадлежат несомненно. В рецензируемом сбор-

нике побуждения к 1 и 3 лицу довольно внимательно описаны практически во всех статьях, кроме тех, которые посвящены германским и романским языкам (а они составляют треть книги), что досадно и несколько удивительно, учитывая, что внимание к таким побудительным формам не первых лиц за последние десять лет стало нормой (ср. [Xrakovskij 2001; van der Auwera et al. 2004; Aikhenvald 2010]). Исключив из рассмотрения форму будущего в прошедшем как временную, авторам остается лишь сообщить о том, как образуется императив 2-го лица.

Романские языки в лучшем положении, поскольку они сохранили конъюнктив, и большая часть статей содержит относительно подробное описание функций конъюнктива, который, как известно, в романских языках широко употребляется в подчиненных конструкциях разных типов.

В германских и романских статьях, таким образом, использован принцип, который с некоторыми натяжками можно считать историческим: как наклонения рассматриваются лишь те формы, которые восходят к формам наклонений. Следуя этому принципу, в статье о русском языке не должно было бы рассматриваться сослагательное наклонение – оно восходит к форме времени. Однако автор, известный славист Бьорн Хансен (Bjorn Hansen) (ему же принадлежит статья про польский), к счастью для читателя, идет по другому пути и включает не только сослагательное наклонение и императив 2-го лица, но описывает также способы выражения побудительности к 1 и 3 лицу (ссылаясь при этом на функциональную модель императива В.С. Храковского). Остановимся на этой статье более подробно и обсудим некоторые сомнения, которые возникают по прочтении этой в целом, безусловно, содержательной статьи. Автор максимально широко рассматривает функции маркера *бы* в современном русском языке, не забывая ни инфинитив, ни союз *чтобы*, ни частицы, которые содержат этот маркер. Более того, в статье приводится пример употребления частицы *бы* с императивом (со ссылкой на другую, малоизвестную в России монографию [Hacking 1998]) – «...случись *бы* иначе, вполне могли *бы*...». Представляется, что такие примеры все же являются крайне маргинальными. Во всяком случае, ни в корпусе со снятой омонимией, ни в крупных выборках примеров с частицей *бы* не встретилось ни одного подобного случая (исключая императив *будь*, который обладает и другими отличительными особенностями). Зато наряду с теми формами, которые употребляются с частицей *бы*, вполне можно рассмотреть причастия – такие случаи хоть и не являются

частотными, но все же встречаются вполне регулярно: «...все это, не сумевшее бы выдержать веса и пары чулок, держалось буквально на воздухе...» [Ольга Славникова (1995–1999)]. К обзору основных функций сослагательного наклонения, сделанному Бьорном Ханзенем, стоит добавить употребление сослагательного наклонения в относительных предложениях (см. об этом [Dobrushina 2010]). Этот тип использования ирреальных наклонений, мало исследованный в русском языке, распространен в европейских языках весьма широко, причем не только в романских языках, но, как следует из рецензируемой монографии, также в чешском, словацком и лужицких.

Еще один контекст употребления конъюнктива, на который следует обратить внимание русистам, – это маркирование модальных глаголов. В ряде статей, в частности в очерке балтийских языков Акселя Хольвута (Axel Holvoet), ирреальное маркирование модальных глаголов связывается с влиянием германских языков и противопоставлено русскому, где, по мнению автора, это явление не распространено. Между тем модальные лексемы *мочь* и *можно* сочетаются с частицей *бы* весьма регулярно, причем во многих случаях с точки зрения семантики маркирование ирреалисом является излишним, поскольку сослагательное наклонение часто практически ничего не меняет в семантике модального глагола: «*А ведь мог бы взять себе все до копейки*» ≈ «*А ведь мог взять себе все до копейки*».

Предлагая богатейший материал для исследователей модальности, рецензируемый сборник делает актуальным вопрос о том, чем руководствоваться при отборе материала для анализа. Нам кажется наиболее эффективным путь, который эксплицитно сформулирован, например, в статье про наклонения валлийского языка (Иоганнес Хайнеке – Johannes Heinecke): хотя индоевропейский конъюнктив в этом языке сохранился только в устойчивых формулах, автор предлагает посмотреть, как выражаются в валлийском те семантические зоны, которые обозначаются конъюнктивом в других языках. Этот принцип – по существу основной для грамматической типологии – представляется продуктивным для исследований, подобных

рецензируемому, поскольку а) обеспечивает сравнимость разных языков, что, по-видимому, является главной задачей монографий такого рода, б) делает статьи более информативными – читатель получает возможность узнать о более широком круге явлений, что несколько не исключает обсуждение их права называться наклонениями.

Несмотря на некоторые недостатки, рецензируемая книга, безусловно, вносит значительный вклад в исследование наклонений, особенно ирреального типа. К важным достоинствам издания следует отнести наличие глосс во всех статьях сборника, что облегчает читателю восприятие материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Aikhenvald 2010 – A.Y. Aikhenvald. Imperatives and commands. Oxford, 2010.
- Hacking 1998 – J.F. Hacking. Coding the hypothetical: a comparative typology of Russian and Macedonian conditionals. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- van der Auwera et al. 2004 – J. van der Auwera, L. Lejeune, V. Goussev, U. Umarani. «The imperative», «The prohibitive» // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2004.
- van der Auwera et al. 2005 – J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. Imperative-hortative systems // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2005.
- Xrakovskij 2001 – V.S. Xrakovskij (ed.). Typology of imperative constructions (Lincom studies in theoretical linguistics, 09). Munich, 2001.

Н.Р. Добрушина

Сведения об авторе:

Нина Роландовна Добрушина
НИУ ВШЭ
nina.dobrushina@gmail.com

Рецензируемый сборник статей «Новые подходы к славянским глаголам движения» имеет целью обобщить опыт изучения глаголов движения в славянских языках и представить новейшие исследования этой лексической группы, проведенные с учетом последних достижений в области лексической типологии, когнитивной лингвистики, компаративистики и такой прикладной области, как методика преподавания иностранного языка. Часть работ, опубликованных в сборнике, базируется на материале корпусов текстов, что серьезно повышает доказательность их выводов.

Глаголы движения привлекают пристальное внимание исследователей уже много десятилетий. К настоящему моменту очевидно, что механическое перенесение обобщений, верных для одного языка, на глаголы движения другого языка часто не дает удовлетворительных результатов. Существующие общие классификации, как, например, восходящее к Л. Талми известное разделение языков на «глагольные» (выражающие параметры траектории движения в глагольной лексеме) и «сателлитные» (где глагол выражает только способ движения, а параметры траектории выражаются вне глагола) [Talmy 2000], представляют во многом упрощенную картину [Slobin 2003], что многократно и ярко проиллюстрировано в типологической части рецензируемого издания.

Термин «глаголы движения» в узком смысле применительно к славянским языкам традиционно относится к компактной группе глаголов, похожих по своим лексическим, семантическим, синтаксическим и аспектуальным характеристикам, составляющей в славянских языках от 9 до 20 пар. В русском языке это, например, пары *бегать* – *бежать*, *летать* – *лететь*, *возить* – *везти* и т. п. Большинство статей сборника посвящены исследованию именно этих лексических единиц, иногда с привлечением единиц других лексических классов, однако в статье «Глаголы вращения в русском и польском языках» Е.В. Рахилиной этот термин получает более широкую трактовку, которая подразумевает любые глаголы, обозначающие перемещение в пространстве.

Известно, что глаголы движения в славянских языках обладают целым рядом особенностей, относящихся как к сфере семантики, так и к области прагматики. В исследованиях, помещенных в рецензируемый сборник, внимание

уделено таким проблемам, как аспектуальные характеристики глаголов движения (однократность/многократность, повторяемость действия, перфективность/имперфективность), а также направленность/ненаправленность движения, выражаемого глаголом. Изучается эволюция этих противопоставлений; рассматривается разнообразие способов перемещения, особенности траектории движения. Обсуждаются ограничения на грамматическое и лексическое выражение тех или иных аспектов семантики глаголов движения.

Сборник состоит из 15 статей, разделенных в соответствии с их тематикой на три части: «Диахрония средств выражения движения», «Синхронные подходы к глагольному виду» и «Типологический подход к изучению славянских глаголов движения». Во введении, написанном редакторами сборника (Викторией Хаско и Рене Перелмуттер), рассказывается о его структуре и дается обзор содержащихся в нем исследований.

Часть I «Диахрония средств выражения движения» содержит исследования способов выражения движения от праславянского языка до современных славянских.

Организации конструкций с глаголами движения с точки зрения порядка следования составляющих посвящена статья С. Тёрнер «Организация предложения и текста в раннем восточнославянском (на материале глаголов движения и положения в пространстве)». В исследовании представлен анализ тематической организации предложений, содержащих глаголы движения и положения в пространстве, в ряде источников, созданных не позднее XIV в. (сказания, жития, новгородские берестяные грамоты, новгородская летопись). Показано, что по сравнению с древними текстами изменилось предпочтение в порядке слов в предложениях, где тему составляет конечная точка движения (X), – тема сдвинулась из конечного положения в начальное, ср. русское церковнославянское *И се приде въстникъ къ нему* и современное русское *В комнату вошла девушка*. В начале полностью тематических предложений со структурой VXS, возможно, было указание на время. В целом сделан вывод о влиянии факторов организации текста (которая в свою очередь зависит от его жанра) на частоту встречаемости в нем различных прагматических структур, связанных, в частности, с различным порядком слов: в текстах, ориентированных на описание пространства (мест-

ностей и событий, происходящих там), частотным порядком является XVS, где X – тема; в текстах, ориентированных на описание человека, – SVX, где S – тема; в летописи, ориентированной на описание времени, ни один из аргументов глагола не является темой.

Дж. Николз в статье «Ненаправленные глаголы движения – отыменные образования» обсуждает происхождение протославянских «неопределенных», или «ненаправленных» (indeterminate, в традиционной терминологии, «моторно-кратных»), глаголов. Утверждается, что более адекватным является анализ ненаправленных глаголов движения как отыменных образований, а не как каузативов, образованных от направленных глаголов. Имена, от которых произведены ненаправленные формы, сами были отглагольными, большинство их имело корневое *-o- (ср., например, старославянское *ходъ*). Благодаря своей продуктивности такие имена стали центральными в соответствующих словообразовательных гнездах, что сделало возможным образование от них глаголов с корневым гласным *-o- при помощи суффикса *-i-. После этого некоторые глаголы, имевшие каузативное происхождение, были переосмыслены как отыменные. Частично эта гипотеза подтверждается фактами, приведенными далее, в статье М.Л. Гринберга.

Возникновение той же оппозиции в северных славянских языках пытается проследить и С.М. Дикки в статье «Ненаправленные глаголы движения – на самом деле были глаголами способа движения». «Северные» славянские языки (под которыми подразумеваются западные и восточные) в исследовании противопоставлены южным, где указанная оппозиция в классе глаголов движения отсутствует, ср. болгарское: *Къде носиш това дете?* 'Куда ты несешь этого ребенка?'. Остается открытым вопрос, существовала ли такая оппозиция в праславянском.

С.М. Дикки высказывает гипотезу о первоначальном функционировании в общеславянском современных ненаправленных глаголов (типа *xoditi*, *nositi*, *voziti*, *voditi*) для выражения способа движения. Опираясь на данные старославянского и современных южнославянских языков, он делает наблюдение, что эти глаголы могут использоваться и для выражения однократного направленного движения и это свойство экстраполируется на праславянский язык. Утрату такой способности у современных моторно-кратных глаголов в «северных» славянских языках автор объясняет возрастанием роли префиксации как средства перфективизации в славянской аспектуальной системе и

установившимся употреблением префикса *pri-* как аллативного.

Современные направленные глаголы, по его мнению, специализировались в общеславянском на обозначении начала движения или любого отрезка, включающего начало движения, вплоть до обозначения всего движения (траектории) целиком. При этом славянские глаголы *běžati* и *letěti* обозначали сперва способ движения (будучи противопоставленными глаголам **běgti* и **legti*), – в старославянском языке существуют контексты, отражающие такое реликтовое употребление этих глаголов, – а позже примкнули к группе глаголов, обозначающих начало движения.

Гипотезу о том, что моторно-кратные глаголы движения первоначально обозначали способ движения, поддерживает и М.Л. Гринберг в статье «Праиндоевропейское наследие и словообразовательные инновации в группе славянских глаголов движения с суффиксом *-i-*». В исследовании приводятся этимологии славянских глаголов указанной группы, в частности глаголов **jazditi* и **letěti*, основы которых состоят, по мнению автора, из глагольного корня, суффикса, указывающего на способ осуществления действия, и глагольного суффикса *-i-*. Праславянское **letěti* этимологизируется как стативный глагол от **lek-* 'сгибаться от ветра' с добавлением суффикса **-t-*, обозначающего устойчивое состояние, возникшее в результате повторяющихся действий. Старославянское *jazditi* < *ja-zd-i-ti* 'ехать сидя' возводится к праславянской основе **ja-sd-i*, где **ja-* 'ехать', **-sd-* 'сидеть' (т. е. сложное слово, образованное от двух глагольных основ, автор употребляет обозначение «квазисериализация»). М.Л. Гринберг соотносит период появления большого количества формальных и семантических инноваций в группе глаголов движения с периодом миграций славян, за которым последовал распад общеславянского на отдельные языки.

В части 2 «Синхронные подходы к глагольному виду» обсуждается вопрос о месте глаголов движения в аспектуальной системе современных славянских языков.

В статье Л.А. Янды «Перфективы от ненаправленных глаголов движения в русском» русские глаголы движения рассматриваются как глаголы с типичным для русского языка аспектуальным поведением, несмотря на то что они обладают двумя необычными характеристиками: имеют две основы («направленную» и «ненаправленную»), и, по мнению автора, как правило, префиксальные формы, образованные от ненаправленных глаголов, являются

имперфективными (*ходить* – *уходить*)¹. Однако Л.А. Янда указывает, что аспектуальное поведение глаголов движения так же, как и других глаголов, обозначающих процессы, определяется такой характеристикой, как «завершимость» (*completeness*; более традиционным синонимом была бы, по-видимому, «предельность»). Основываясь на данных Национального корпуса русского языка, Л.А. Янда пишет, что от неопределенных глаголов движения, как и от других глаголов, обозначающих неопределенные процессы, могут образовываться три типа перфективов:

- лимитативный, обозначающий процесс, ограниченный во времени, но не ведущий к достижению результата или изменению состояния (*полетать*). Перфектив этого типа Л.А. Янда называет *complex act perfective* ‘перфектив элементарного действия’;

- семельфактивный, обозначающий один полный цикл в серии повторяющихся действий (*слетать*), – в терминологии автора *single act perfective* ‘перфектив единичного действия’;

- «специализированный» (термин автора) – семантика которого далека от семантики производящего глагола (*выходить*, *заезжать*). Судя по приведенным примерам глаголов других классов (*прилететь*, *переписать*, *переработать*, *раздуть*, *износить*) этот перфектив похож на перфектив комплетивного типа, обозначающий финал предельного процесса, но с более или менее значительной идиоматизацией.

Термин «*special act perfective*» ‘перфектив специализированного действия’, употребленный автором однократно (с. 129), вероятно, является эквивалентом термина «специализированный перфектив».

Ссылаясь на работу J. Forsyth «*A Grammar of aspect*» (Cambridge, 1970), где перечислены значения неопределенных глаголов движения – итеративность, хабиутальность, движение в разных направлениях, обозначение типа движения, – О. Каган в статье «Аспекты движения. О семантике и прагматике ненаправленного вида» указывает, что «ненаправленный вид» не обязательно подразумевает повторяющиеся события – при помощи ненаправленного глагола движения может быть описано и однократное

событие: *Один раз Лена уже летала во Францию*. Однако прагматический принцип – максима наибольшей информативности утверждения (*maximize assertion*) – заставляет искать во фразах с ненаправленным глаголом движения аспектуальную множественность, по крайней мере множественность направлений движения, в результате чего такие фразы, даже несмотря на указание в них цели (*во Францию*), интерпретируются как имеющие значение ‘туда и обратно’. Такое восприятие фраз данного типа носителями русского языка автор подтверждает экспериментально.

В статье «Глаголы движения под отрицанием в современном русском языке» Р. Перелмуттер делит на два класса все случаи употребления в современном русском глаголов движения под отрицанием (материалы для исследований взяты из поисковой системы Google).

Наиболее частотны такие употребления для обозначения того, что событие, состоящее в некоем движении, не происходило. Особенности отрицательных предложений этой группы по сравнению с соответствующими утвердительными предложениями, по подсчетам автора, являются:

- тенденция к отсутствию детальной спецификации типа движения (крайне редко можно встретить глаголы типа *ковылять*, *плестись*);

- тенденция к отсутствию обозначения траектории движения – в целом префиксальные глаголы встречаются в таких контекстах чаще префиксальных. Префиксальные глаголы имеют тенденцию к обозначению движения к цели (префиксы *при-*, *до-*) или от исходной точки (*у-*, *от-*), а не траектории движения, не включающей исходной точки или цели (*пере-*, *об-*). Следует отметить, что, по статистическим данным, приведенным в таблице 2 на с. 168–171, частота употребления глаголов с префиксом *под-* (указание на достижение цели) сопоставима с частотой употребления глаголов с префиксом *пере-*;

- отсутствие детального описания конечной точки движения – обычно это общие указания типа *домой*, *сюда*, *на работу*;

- частое включение в ситуацию не только движущегося объекта, но и наблюдателя (об этом понятии см. подробнее, например в [Падучева 2004]), находящегося либо у цели, либо у исходной точки движения, который либо ожидает движение, либо каким-то другим образом вовлечен в него так, что отсутствие этого события воздействует на него: *Юрий Антонов не пришел... на собственный концерт, чем вызвал возмущение поклонников* (с. 175). Очевидно, в таком случае место нахождения наблюдателя, совпадающее с целью (локусом), может быть

¹ Заметим, что это утверждение не является бесспорным: так, в [Анна А. Зализняк, Шмелев 2000] подробно аргументируется анализ, согласно которому глаголы типа *уходить* следует рассматривать не как префиксальные производные от глаголов типа *ходить*, а как суффиксальные производные (вторичные имперфективы) от глаголов типа *уйти*.

описано детально, хотя эксплицитно в статье это не указано. При нарушении ожиданий наблюдателя употребляется совершенный вид глаголов движения. Несовершенный вид используется, как правило, в тех случаях, когда наблюдатель не вовлечен в ситуацию.

Вторая группа контекстов, содержащих глаголы движения под отрицанием, относится к ситуациям, когда движение на самом деле происходило, – таково употребление совершенного вида в составе особых конструкций типа *пока не отплыл*: *Бабушка долго стояла на краю иллюза, пока пароход не отплыл так далеко от берега, что пассажиров, стоявших на палубе, стало не видно* (с. 177).

Статьи в части 3 «Типологический подход к изучению славянских глаголов движения» вводят славянские языки в более широкий контекст исследований семантического поля движения. Многие исследования выполнены с учетом идеи о бинарном разделении языков на глагольные и сателлитные, однако авторам удается избежать упрощенного взгляда на проблемы семантики конструкций, включающих глаголы движения.

Результаты анализа семантического сложения таких характеристик движения, как способ и траектория, на материале корпусов устных нарративов на русском и английском изложены в статье «Семантическая композиция глаголов движения в русском и английском: случай внутритипологической вариативности» В. Хаско. Сравнивая два языка, которые характеризуются как сателлитные – кодирующие способ движения в глаголе, а траекторию с помощью частиц/предлогов, – автор приходит к выводу о том, что русский язык имеет больше семантических и структурных возможностей (в частности, сочетания различных приставок и предлогов: *залезть на*, *залезть в*) для выражения многочисленных нюансов, связанных с движением, – способа, пути, направленности/ненаправленности и аспекта.

Польский язык, который также является сателлитным языком, уступает английскому не только по количеству глаголов, обозначающих способ движения, но и по разнообразию их значений, утверждает автор статьи «Ситуации движения в польском» А. Копецкая. Кроме того, некоторые глаголы в польском участвуют в ограниченном количестве конструкций с сателлитами, указывающими направление движения. Для уточнения способа движения польский язык использует различные модифицирующие выражения (*szybko* 'быстро', *raptem* 'внезапно', *na palcach* 'на цыпочках',

potykając się 'спотыкаясь') и придаточные предложения.

Л. Филипович в исследовании «Как важно быть префиксом: Префиксальная морфология и лексикализация глаголов движения в сербохорватском» указывает, что префиксы отвечают за два морфосинтаксических явления – комбинаторные возможности глагола и морфологическое блокирование, которые руководят выбором глагола и отражаются на частотности употребления различных глаголов движения.

Наиболее широкие комбинаторные возможности наблюдаются у глаголов, оформленных префиксами *od-*, *do-* (которые сочетаются с наибольшим числом глаголов движения), поскольку эти префиксы могут сочетаться со всеми предлогами, следующими за глаголом – в отличие от русских, где предлог, следующий за префиксальным глаголом движения, обычно повторяет глагольный префикс. Глаголы, оформленные такими префиксами, в сочетании с различными предлогами могут обозначать всю траекторию полностью – в то время как глаголы, оформленные более специализированными префиксами *iz-*, *u-*, *pro-*, *pre-*, *na-*, *pod-*, могут обозначать только некоторую часть траектории, но не всю траекторию движения.

Морфологическое блокирование состоит в невозможности выразить при помощи глагола движения в имперфективе одновременно и способ движения, и траекторию, указывающую на изменение местоположения (пересечение некоторой границы), т. е. невозможность построить в сербохорватском фразу, подобной русской *Он вкатывался в шалаш* с актуальным (а не хабитуальным или итеративным) значением, при возможности фраз, подобных русским *Он катался по шалашу*, *Он вкатился в шалаш* и *Он входил в шалаш, катясь* (русские примеры подобраны нами с учетом английских переводов, приведенных автором, и авторских пояснений). Это связано с тем, что для обозначения пересечения некой границы в сербохорватском используются приставочные глаголы движения, а практически все приставочные глаголы движения – перфективы. Вторичная же имперфективация не свойственна сербскохорватскому.

В статье «Вариативность в кодировании конечной точки движения в русском языке» Т. Никитина изучает различия в выражении конечной точки движения при русских глаголах разных лексических классов. При глаголах направленного движения (*бежать*), а также при глаголах, указывающих на способ движения, влекущего за собой перемещение в пространстве (*шагать*), или подразумевающих направленное движение как возможное следствие

другого действия (*толкнуть, пихнуть*), употребляется только предложная группа со значением направления. При глаголах изменения положения субъекта или объекта в пространстве (*класть, ставить, садиться*) возможно употребление как предложной группы со значением направления, так и предложной группы со значением местоположения: *Гости сели на диван / на диване* (с. 275). Это связано с особым устройством ситуации: движение здесь лишь предшествует изменению положения в пространстве, более того, иногда перемещения объекта вовсе не происходит, меняется только его положение в пространстве: *Я увидел, что бутылка упала, и снова ее поставил* (с. 274). Локативная предложная группа возможна, поскольку указывает на место, где произошло изменение положения объекта или субъекта в пространстве. В статье рассматриваются различные факторы, обуславливающие выбор между двумя стратегиями кодирования конечной точки движения.

Е.В. Рахилина в статье «Глаголы вращения в русском и польском» проводит сопоставительный анализ русских и польских глаголов с семантикой вращения, что позволяет выделить факторы, релевантные для выбора определенного глагола в соответствующем контексте в каждом из этих языков. Для польского оказался важен фактор скорости вращения в *wirować* 'кружиться', а для русского – контролируемость в *кружиться* / неконтролируемость в *вертеться*. Определяется большая степень важности фактора оси вращения для русского *крутиться*, нежели для польского *kręcić się*. Это видно, в частности, по переносным употреблением данных глаголов: в русском обозначается движение или нахождение рядом с каким-либо человеком (ориентиром), в польском же возможно описание хаотического движения, не связанного с областью ориентира, *Po pokoju kręci się dwójka dzieci* 'По комнате бегают двое детей'. Указывается на существенную разницу между русским *кружить* и польским *krążyć* – русская лексема предполагает обязательную вертикальную дистанцию между движущимся объектом и ориентиром, тогда как польская соотносится с гораздо более широким кругом ситуаций – движением вокруг внешнего ориентира на определенном расстоянии от него. В статье предложены конкретные фреймы, описывающие семантику всех исследованных глаголов.

Похожий анализ предпринят и в следующей статье М. Копчевской-Тамм, Д. Дивьяк и Е.В. Рахилиной «Глаголы движения в воде в славянских и германских языках: к лексической

типологии», где сопоставляются русские глаголы *плыть / плавать*, польские *płynąć / pływać* и их соответствия в датском, английском и шведском языках на фоне широкого типологического материала. Изучению типологии глаголов движения в воде было посвящено отдельное исследование [Майсак, Рахилина 2007]. Типологически подтверждено, что языки могут различаться и по количеству глаголов, покрывающих пространство значений движения в воде, и по параметрам семантической категоризации значений. Русский язык, где представлена всего одна пара деривационно связанных глаголов, является в этом отношении «бедным». Три основных типа движения в воде: SWIMMING (активное плавание), SAILING (плавание на судне), DRIFTING/FLOATING (пассивное плавание / нахождение на поверхности воды) – распределены нетривиальным образом между этими двумя глаголами. Существенные различия между употреблениями схожих глаголов в русском и в польском, сходство польского и шведского в том, что они обозначают одним глаголом движение в воде и течение жидкостей (например, в ситуации, когда река впадает в море), приводит авторов статьи к естественному выводу о том, что лексические системы, обозначающие один круг явлений, даже в родственных языках могут быть устроены совершенно по-разному. В связи с этим в заключении к статье появляется фактически призыв при исследовании языковых явлений работать не только в рамках общих, а потому приблизительных типологических классификаций (как бинарное разделение между «глагольными» и «сателлитными» языками, введенное Л. Талми), но и исследовать очень подробно небольшие лексические группы в различных, в том числе и близкородственных языках, с тем, чтобы обнаружить их особенности, не отраженные пока в глобальных классификациях.

Образование переносных значений у глагола *идти* исследует Т. Нессет в статье «Метафорическая прогулка. Русский *идти* как обобщенный глагол движения», используя инструментарий когнитивной лингвистики. Автор делает общее наблюдение о том, что ходьба – прототипический вид движения, другие, непрототипические виды движения отличаются от него по разным измерениям (*бежать / бегать* – по скорости, *ехать / ездить* – по наличию транспортного средства, *лезть / лазить* – по преодолению физической преграды и т. д.), и таким образом *идти / ходить* оказывается центральным понятием среди глаголов движения. Неудивительно, что в различных языках именно этот глагол используется в качестве обобщенного глагола движения. При

метафоризации в контекстах типа *Поезд идет* направленность движения выходит на первый план, в связи с чем и используется однонаправленный глагол *идти*.

Глаголы движения являются камнем преткновения для иностранцев, изучающих русский язык, чему посвящена последняя статья рецензируемого сборника. К. Гор, С. Кук, В. Малюшенкова, Т. Вдовина в исследовании «Русские глаголы движения. Усвоение второго языка и перспективы когнитивной лингвистики» тестируют с целью обнаружить проблемные зоны в употреблении русских глаголов движения не только изучающих русский как иностранный в зрелом возрасте, но и усвоивших русский в семье в иноязычном окружении. Выявлены типичные ошибки в употреблении глаголов движения: для изучающих русский как иностранный особую проблему представляют глаголы, обозначающие движение туда и обратно (*сбѣгать*), усвоившие русский в семье часто употребляют однонаправленные бесприставочные глаголы вместо разнонаправленных, что объясняется, по мнению авторов, большей частотностью первых. Проблемы с префиксами возникают главным образом у изучающих русский как иностранный. Типичные ошибки являются следствием межъязыковых различий в системе глаголов движения.

В разнообразных как по тематике, так и по методам исследования статьях, собранных в рецензируемом издании, отражена много-

гранность проблематики глаголов движения в славянских языках. Сборник дает достаточно полное представление о степени разработанности данного вопроса к настоящему моменту и открывает многочисленные перспективы для дальнейших изысканий. Знакомство с ним, безусловно, будет полезно широкому кругу славистов и аспектологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
Майсак, Рахилина 2007 – Т. Майсак, Е. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
Slobin 2003 – D.I. Slobin. Language and thought online: Cognitive consequences of linguistic relativity // D. Gentner, S. Goldin-Meadow (eds.). Language in mind: Advances in the study of language and thought. Cambridge, 2003.
Talmy 2000 – L. Talmy. Toward a cognitive semantics. V. 1, 2. Cambridge, 2000.

Н.Л. Шибасова

Сведения об авторе:

Наталья Львовна Шибасова
Институт языкознания РАН
nshibasova@yandex.ru

A. Bonola, O. Inkova (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi / Глагольные категории и проблемы организации текста. Сопоставительное описание славянских и романских языков. Milano: EDUCatt, 2011. 280 p. (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1/2010. Numero Speciale)

Рецензируемый сборник представляет собой специальный выпуск итальянского журнала «L'analisi linguistica e letteraria» и содержит статьи участников I Международного семинара Проблемной группы по сопоставительной лингвистике текста (Gruppo di studio di linguistica testuale contrastiva), состоявшегося в феврале 2010 г. в Милане¹.

¹ Кроме статей по тематике конференции, сборник включает также одну рецензию и довольно обширный (более сорока страниц) раздел с обзором недавно вышедшей литературы по разным областям лингвистики (общая лингвистика, исследования на материале французского, английского, русского и немецкого языков), а также по методике преподавания иностранных языков.

Сборник разделен на две части: «Глагольные категории» и «Текст». Статьи написаны на итальянском, русском, испанском и французском языках (при этом названия иноязычных статей, а также предисловие переведены на русский язык); в конце сборника приводятся краткие аннотации на английском и сведения об авторах.

Статьи **первой части** сами составители характеризуют как посвященные «описанию языковых средств, обеспечивающих связность текста на уровне лексико-грамматических категорий глагола» (с. 13). Говоря более конкретно, первая часть содержит результаты сопоставительных исследований видо-временных глагольных систем (одного из) романских и (одного из) славянских языков.

Сборник открывается двумя статьями на итальянском языке – «Усвоение вида в славян-

ских и романских языках» Л. Геберт и «Употребление прошедших времен в некоторых славянских и романских языках с дидактической точки зрения» А. Крайсберг, – посвященными, как следует из названий, вопросу усвоения видо-временных форм глагола (как носителями, так и эмигрантами и просто изучающими язык как иностранный). Статья Л. Геберт носит во многом реферативный характер; кратко пересказаны результаты ряда работ (главным образом, психолингвистической направленности) об усвоении означенной глагольной категории, соответственно, носителями и людьми, для которых язык не является родным; упоминаются данные русского, польского, итальянского, французского, а также английского языков. Основной вывод, к которому вслед за авторами реферируемых работ приходит Л. Геберт, заключается в том, что как в романских, так и в славянских языках принципы усвоения форм глаголов совершенного и несовершенного вида до известной степени симметричны. Формы совершенного вида предельных глаголов усваиваются раньше, чем предельных; формы несовершенного вида предельных глаголов усваиваются, наоборот, позже, чем предельных.

Тематически близка к статье Л. Геберт статья А. Крайсберг об употреблении глагольных форм прошедшего времени носителями польского языка, изучающими итальянский. Как считается, прошедшее время романских языков ориентировано на выражение взаимного расположения событий на оси времени, а славянских языков – на завершенность / незавершенность действия. В частности, системы типа польской можно назвать аспектуально ориентированными (иными словами, категория аспекта является семантической доминантой подобных глагольных систем), системы же типа итальянской ориентированы на таксис. А. Крайсберг приходит к выводу, что именно это различие вызывает наибольшие затруднения при овладении иностранным языком, являясь причиной большинства ошибок в употреблении глагольных форм прошедшего времени.

Сопоставительному анализу форм прошедшего времени также посвящена статья З. Генчевой (на французском языке) – сравнивается употребление болгарских имперфекта и аориста, с одной стороны, и французских *imparfait* и *passé simple*, с другой. Отмечая тесную связь между категориями вида и времени, автор признает, что весьма затруднительно отделять изучение одной из них от изучения другой, и для более точного описания видо-временной семантики предлагает использовать понятия открытого и закрытого интервала (введенные в целом ряде предыдущих работ Ж.-П. Декле

и автора). Следует отметить, что эта терминология французской школы имеет очевидные параллели с понятием «окна наблюдения» (англ. *topic time*), независимо предложенным в начале 1990-х гг. В. Клейном (ср., например, [Klein 1994]; работы Клейна в статье не упоминаются). Далее автор рассматривает некоторые интересные случаи употребления французских и болгарских глагольных форм, в частности хорошо известное специалистам по французскому языку употребление имперфекта в хабитуальном итеративном значении. Согласно З. Генчевой, возникновение такого значения у форм имперфекта обусловлено «неактуальностью события относительно момента речи». На материале болгарского отдельно описан случай, когда аорист несовершенного вида выражает неопредельный процесс, ограниченный во времени. В конце формулируется ряд обобщений относительно семантики аориста и имперфекта, большинство из которых представляются верными, хотя и не новыми ни для романистики, ни для славистики, ни для аспектологии в целом. Возражения может вызвать лишь вывод автора о том, что *passé simple* во французском и аорист в болгарском всегда выражают «события» (франц. *événements*), что явным образом не соответствует рассмотренному самим автором случаю болгарского аориста НСВ, выражающего ограниченный во времени неопредельный процесс; аналогичные употребления можно найти и во французском.

Видо-временные глагольные формы французского языка, на этот раз уже в сопоставлении с русскими, являются объектом исследования и в статье И.Н. Кузнецовой (написанной на русском языке). Акцент делается на переводных эквивалентах, приводятся данные по частоте соответствий одних форм другим (например, в 81% случаев французскому *imparfait* соответствует русский несовершенный вид или в 90% случаев французским аналитическим глагольным формам, выражающим предшествование во времени, соответствует русский совершенный вид и т.п.). Отклонения от выявленных закономерностей автор объясняет все той же разницей между семантическими доминантами глагольных систем русского и французского языков (т.е. профилированием аспекта в первом случае и профилированием таксиса – во втором). На наш взгляд, некоторым недостатком работы является ее метаязык: при описании грамматической семантики глагола автор в основном пользуется традиционными абстрактно-метафорическими понятиями (такими, как делимое / неделимое время, напряженность действия, целостность действия и др.), уже давно и неоднократно подвергавшимися кри-

тике и в современных работах по аспектуальной типологии избегаемыми.

Р. Гусман Тирадо (статья на испанском языке) предлагает модель описания испанской аспектуальной зоны как функционально-семантического поля. Данная работа является, так сказать, наименее сопоставительной из всех, представленных в первой части сборника, что, впрочем, вовсе не делает ее лишенной интереса и новизны. По крайней мере, у читателя не возникает чувства обманутого ожидания, когда в качестве конечного результата исследования он в который раз обнаруживает, что категория аспекта в романских языках действительно устроена не так, как в славянских. Первую половину статьи занимает пересказ основных принципов функциональной грамматики А.В. Бондарко, без сомнения, хорошо известных российскому читателю; далее кратко описаны ядро и периферия аспектуального функционально-семантического поля в испанском. Ядро состоит из двух подсистем: глагольных перифраз (например, *ir a* + инфинитив со значением проспектива и др.) и финитных глагольных форм, выражающих оппозицию имперфекта, аориста и презенса (*indefinido*), с одной стороны, и оппозицию простых и сложных глагольных «времен», с другой. К лексическим элементам периферии относятся, в первую очередь, вспомогательные бытийные глаголы *ser* и *estar*, а также глаголы с возвратными местоимениями (хотя, как отмечает сам автор, с такой трактовкой согласятся далеко не все исследователи; впрочем, по большому счету, не так важно, элементами какого именно типа считать эти глаголы – они в любом случае попадают в периферию аспектуального функционально-семантического поля). К словообразовательным элементам периферии относятся, например, глагольные лексемы, образованные при помощи префиксации или суффиксации.

Несколько особняком среди статей первой части сборника стоит работа А. Лентовской (на русском языке), посвященная не столько видо-временным характеристикам глагола, сколько акциональной классификации русских и итальянских предикатов. В основе классификации русской лексики лежит подход, предложенный Л. Яндой (см. [Janda 2007]), предлагающий разбиение всех глаголов на так называемые аспектуальные гнезда (англ. *aspectual clusters*), т.е. группы однокоренных лексем, выражающих различные аспектуальные значения. Гнездо содержит своего рода ядро – морфологически наиболее простой глагол, как правило, это форма несовершенного вида, от которого далее образуются аспектуальные дериваты – и производные формы совершенного и несовершенного вида. Примером гнезда может служить набор

писать, написать, переписать, переписывать, записать... На основе тестов на синтаксическую сочетаемость с различными наречиями А. Лентовская выделяет 11 аспектуальных гнезд, засвидетельствованных в русском языке (правда, в итоговой таблице их приводится уже 12). Акциональная классификация итальянских предикатов заимствована из работы [Bertinetto 1997]. Основным результатом дальнейшего сопоставительного анализа становится вывод о соответствии между аспектуальным гнездом в русском языке и многозначным глаголом в итальянском языке (например, гнездо *плакать, поплакать, заплакать* соответствует одной итальянской лексеме *piangere*).

Оценивая первую часть рецензируемого сборника в целом, следует отметить, безусловно, достаточно высокий уровень статей, аккуратное обращение с языковым материалом, в частности отсутствие нередких (к сожалению, даже у русистов) ошибок в русскоязычных примерах. С точки зрения полученных результатов, однако, вряд ли можно говорить о каких-либо аспектологических открытиях; знакомство с перечисленными выше работами, вне всякого сомнения, пойдет на пользу начинающему лингвисту, но ни слависты, ни романисты, ни аспектологи «со стажем», как кажется, не найдут здесь для себя ничего нового. В рамках заявленной темы (славяно-романская сопоставительная лингвистика) наибольший интерес, по вполне понятным причинам, могли бы представлять данные румынского языка, но как раз ни одного упоминания о нем мы не встречаем. Более мелкий, но все же местами довольно ощутимый недочет – отсутствие унификации терминов. На качестве статей, впрочем, это никак не сказывается, скорее, этот упрек можно адресовать редакторам сборника. Понятно, что всякая область лингвистики – особенно специализирующаяся на исследовании какого-то одного конкретного языка или группы близкородственных языков – имеет свою устоявшуюся систему нотаций, но в рамках шести статей можно было бы попытаться привести терминологию к, так сказать, общему знаменателю.

Статьи **второй части** содержат, опять же, пользуясь выражением составителей, описания «логических и концептуальных принципов аргументации и языковых средств, позволяющих их реализацию» (с. 13). Раздел включает семь статей, шесть из которых написаны на русском языке и одна («Глаголы пропозициональной установки в итальянском и русском текстах», автор Р.А. Говорухо) – на итальянском.

Раздел открывается работой И.М. Кобозевой, посвященной функционированию различных коннекторов в русском языке. Коннек-

торами автор называет «слова и выражения, с той или иной степенью конкретности указывающие на ДСО [дискурсивное семантическое отношение], которым связаны две (или более) дискурсивные единицы (далее ДЕ)» (с. 108). В статье рассмотрены такие коннекторы, как *по причине того, что*, *в результате того, что*, *потому что*, *в связи с чем* и т.п. Список ДСО взят из работы [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009] и, соответственно, представляет собой расширенную версию списка риторических отношений, введенного в классических работах Манна и Томпсон (см., например, [Mann, Thompson 1987]). Основной задачей исследования является описание и структурирование семантических и формальных параметров варьирования коннекторов русского языка. К первым относятся, например, такие характеристики, как семантический потенциал коннектора (т. е. множество устанавливаемых им семантических отношений между ДЕ), характер связи, осуществляемой коннектором (симметричные или асимметричные отношения), и другие. Формальными параметрами варьирования являются «синтаксический статус» коннектора (т. е. его «однословность» или «многословность»), принадлежность (для однословных коннекторов) к той или иной части речи, контактность/дистантность расположения компонентов составных коннекторов и возможность опущения одного из них и ряд других. По ходу изложения автор также отмечает ряд связанных с классификацией коннекторов проблем, которые только ждут своего исследователя (к примеру, описание формальных свойств коннекторов, опирающееся на семантические факторы, можно признать одним из перспективных направлений дальнейшего развития описания коннекторов в русском языке).

Объектом изучения в статье Ф. Бьяджини являются целевые составные союзы русского языка, включающие элемент *чтобы* (например, *для того чтобы*, *ради того чтобы*, *с тем чтобы*, *во имя того чтобы*, *с целью того чтобы* и т.п.). Основная гипотеза относительно синтаксических свойств союзов состоит в том, что различия в их функционировании связаны с большей или меньшей степенью грамматикализации исследуемых языковых элементов или их частей. Автор предлагает набор из пяти параметров, на основе которых и определяется степень утраты автономности; например, сочетаемость с инфинитивом – если предложная группа, входящая в состав сложного союза, полностью грамматикализовалась, то невозможно ее предшествование инфинитиву. Ср.: *с целью получить* (большая степень автономности) vs. **во имя получить* (меньшая степень автономности). В оставшейся части

статьи на основании этих пяти параметров сравнивается поведение составных союзов *для того чтобы* и *с целью того чтобы* с простым союзом *чтобы*, а также с конструкцией *с желанием (чтобы)* + инфинитив.

О. Инькова сравнивает структуру русских и французских соотносительных предложений различных типов: сложноподчиненные предложения со сравнительными отношениями между главной и зависимой частями (*На ней то же платье, что и вчера*), сложноподчиненные предложения, характеризующие степень признака (*Она так устала, что не могла говорить*) и других. В результате сопоставительного анализа достаточно разнообразного языкового материала автор приходит к выводу, что наибольшее структурное расхождение между русскими предложениями и их французскими переводными эквивалентами наблюдается в случае сравнительных и определительных отношений между частями сложного соотносительного предложения. Также описаны интересные случаи разрешения омонимии при переводе с русского на французский; например, русскому *что* как союзу и *что* как местоимению во французском соответствуют различные лексические элементы (*que* и *ce que*), такая же ситуация и с русским *так* (*tellement* и *de telle façon*). С другой стороны, во французском нет возможности лексически выразить усилительную функцию русских демонстративов (различия между предложениями типа *Ты не поняла, что я сказала* и *Ты не поняла того, что я сказала* при переводе обычно утрачиваются).

Следующие две статьи – «Соединительные элементы в аргументативном дискурсе и показатели аргументативности в русском языке» М. Гатти и «Текстуальные и прагматические функции русских частиц: сопоставительный анализ русского и итальянского» А. Бонолы – выполнены в рамках теории конгруэнтности, особого «семантико-прагматического подхода к связности текста», разработанного группой швейцарских и итальянских лингвистов, в первую очередь Е. Риготти (основные этапы развития теории отражены в работах [Rigotti 1993; 2005; Rigotti, Rocci 2006] и некоторых других). Важным понятием теории конгруэнтности является понятие коннектива (его не следует путать с коннектором) – связующего, семантически и логически, предиката, имеющего в качестве аргументов говорящего, слушающего, высказывание B_0 (к нему предъявляются основные логико-семантические требования), так называемый «котекст» (высказывания B_{-2} , B_{-1} , B_{+1} и т.д., предшествующие или следующие за B_0) и контекст. Для ясности приведем пример, предлагаемый М. Гатти:

(1) А: Почему ты не заставил сына вести машину, если ты устал?

Б1: (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Ему десять лет.

Б2: (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Он женат.

«В отличие от первого примера, второй без включения в контекст особых ассумпций оказывается бессмысленным. В самом деле, высказывание (B₀) *Он женат* не является конгруэнтным, так как не отвечает на задание, порученное ему коннективом: дать каузальное объяснение факта или состояния вещей, изложенных высказыванием (B₋₁) *Мой сын не водит машину*, которое предшествует в контексте» (с. 164)². Применяя подобный метод описания, М. Гатти исследует аргументативные (т. е. направленные на убеждение собеседника в истинности некоего высказывания) речевые акты на материале русского языка.

Статья А. Бонолы посвящена русской частице *ведь* (одной из наиболее подробно описанных в русистике); выявлены основные условия употребления коннектива, выражаемого этой частицей, исходя из намерений говорящего. Это, например, контексты с репрезентативами (*Придется идти за водой на колодец. В колонке ведь воды нет уже с утра*), директивами (*Мама, дай-ка мне двойной мед и масло, я ведь утром проспала*), экспрессивами (*Приезжаю в редакцию. Узнаю, что Безуглов в командировке. А ведь говорил мне, что командировочные фонды израсходованы*), эллиптические контексты (*Мне ведь тоже надо было идти в отдел кадров!*) и некоторые другие (примеры позаимствованы из рецензируемой статьи, с. 178–180). Проводится также краткое сравнение с частицей *же*. В конце статьи приведена небезынтересная информация о соответствии между русским *ведь* в различных функциях и итальянскими переводными аналогами.

Две заключительные статьи сборника содержат сопоставительный анализ некоторых аспектов коммуникативной организации текста в

² Вариант ответа Б1, надо сказать, в реальности также слабо представим. На наш взгляд, тот факт, что спрашивающему известно, что а) адресат имеет сына и б) в момент времени t, когда ситуация имела место, адресат чувствовал усталость (вероятнее всего, сам же это и сообщил), свидетельствует о довольно близких отношениях между участниками речевого акта. Поэтому маловероятно, что спрашивающему неизвестен хотя бы примерный возраст сына. Впрочем, это замечание уже скорее из области прагматики и общих знаний о мире и не относится к логико-семантическим аспектам вопроса.

русском и итальянском. Р.А. Говорухо рассматривает контексты с пропозициональными предикатами эмотивного и ментального восприятия и с глаголами знания и речи. Исследование обнаруживает ряд нетривиальных различий между принципами организации итальянского и русского текста; основное из них заключается в том, что в итальянском языке пропуск модусного компонента крайне нежелателен, в то время как в русском подобные контексты если и не широко распространены, то по крайней мере вполне приемлемы. Ср. один из примеров автора (с. 198):

(2) Вся наша улица переживала – как будут развиваться события?

Tutta la nostra via stava in ansia a vedere come si sarebbero evoluti gli eventi.

М. Изола сосредотачивает внимание на вопросе актуального членения предложения, выражаемого порядком слов. На материале корпуса параллельных текстов («Собачье сердце» М.А. Булгакова и пять различных переводов повести на итальянский язык) подтверждается гипотеза о том, что для итальянского основным критерием, влияющим на выбор того или иного способа оформления тема-рематических отношений, является близость к базовому порядку слов (для итальянского это, как известно, SVO), что при переводе зачастую влечет за собой изменение исходной тема-рематической структуры русского текста. Не исключено, что свою роль здесь также играет и в целом более свободный по сравнению с итальянским порядок слов в русском языке.

Если говорить о работах второй части сборника в целом, то, безусловно, они представляются более интересными и, если угодно, более «живыми», чем работы первой части. Различие это, в общем, понятно: дискурсивные исследования в целом и изучение принципов организации текста в частности – сравнительно молодые области лингвистики, и это оставляет авторам больший простор для поиска нетривиальных фактов и формулировки оригинальных гипотез. Авторы статей из первой части находятся в гораздо более сложном положении: они имеют дело как с давно сформировавшейся научной традицией (аспектология), так и с очень хорошо изученным языковым материалом (распространенные и подробно описанные европейские языки). Кроме того, и сама постановка задачи – сопоставительное изучение романских и славянских языков – выглядит более интересной и многообещающей применительно к языковым явлениям «верхних» уровней (т.е. предложению и тексту), а также к таким задачам, как способы организации и структурирования высказываний, семантические связи между различными элементами дискурса и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик, Подлесская (ред.) 2009 – А.А. Кибрик, В.И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
- Bertinetto 1997 – P.M. Bertinetto. Il dominio tempo-aspettuale. Demarcazioni, intersezioni, contrasti. Torino, 1997.
- Janda 2007 – L.A. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. XXXI. 2007. 3.
- Klein 1994 – W. Klein. Time in language. London, 1994.
- Mann, Thompson 1987 – W.C. Mann, S.A. Thompson. Rhetorical structure theory: A theory of text organization. Los Angeles, 1987.
- Rigotti 1993 – E. Rigotti. La sequenza testuale. Definizione e procedimenti di analisi con

esemplificazioni in lingue diverse // L'analisi linguistica e letteraria. I. 1993.

- Rigotti 2005 – E. Rigotti. Congruity theory and argumentation // M. Dascal et al. (eds.). Studies in communication sciences, special issue: Argumentation in dialogic interaction. Lugano, 2005.
- Rigotti, Rocci 2006 – E. Rigotti, A. Rocci. Tema-rema e connettivo: la congruità semantico-pragmatica del testo // G. Globber, M.C. Gatti, S. Cigada (eds.). Syndesmoi: Connettivi nella realtà dei testi. Milano, 2006.

Кс.П. Семёнова

Сведения об авторе:

Ксения Павловна Семёнова
МГУ им. М.В. Ломоносова
lessful@gmail.com

Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.

В 2009 году в Санкт-Петербурге мизерным тиражом в 150 экземпляров вышел первый в лингвистической практике опыт словаря аффиксоидов русского языка (далее АРЯ). Инициатором создания словаря, его основным составителем, редактором выступил Е.А. Левашов, известный петербургский лексикограф, за плечами которого богатый опыт участия в различных словарных проектах как коллективных, так и индивидуальных. Одним из первых (еще в 1959 г.) в отечественную русистику термин «аффиксоид» ввел Н.М. Шанский. В толковой лексикографии аффиксоиды были интегрированы в структуру словаря наряду с толкуемой лексикой, но не служили объектом специального описания. Только в некоторых специализированных словарях аффиксоиды (списочным порядком с указанием ранее вышедших словарей) помещались в Приложения; так, например, в «Обратном словаре русского языка» (М., 1974; далее ОС) перечисление аффиксоидов (с дериватами) заняло довольно внушительный объем (с. 894–909), что свидетельствовало о том, что активность их в русском языке велика и назрела актуальность их вычленения в качестве отдельного объекта. Однако должно было пройти несколько десятилетий, прежде чем появился монографический словарь аффиксоидов.

Данный словарь относится к специальным (дифференциальным) словарям, описывающим единицы, находящиеся на стыке между лексикой и морфемами. Отличие от словарей морфем [Кузнецова, Ефремова 1986], словооб-

разовательных словарей [Тихонов 1985; Ефремова 1996] или словообразовательно-морфемного словаря [СМС 1997, 1998] в том, что здесь предлагается семантическая характеристика леммы с дробной семантической структурой, цитатным материалом, модельными образованиями, этимологией. Отличие АРЯ от списочного словника аффиксоидов в упомянутом ОС также явственное; например, префиксоид *авто...* в ОС дан с подтверждением 49 производных (без семантической дифференциации), в АРЯ этот префиксоид получил детальную семантическую разработку (выделено 5 «значений») с иллюстративным цитатным материалом. Поэтому по типу подачи материала АРЯ гораздо ближе к толковым (дескриптивным) словарям. Цель данного словаря определяется следующим образом: «сам словарь по неволе явится теоретическим и практическим исследованием русских аффиксоидов» [АРЯ 2009: 8]. Поскольку АРЯ заявлен как синтез теории и практики, мы также последуем этой концепции и постараемся прокомментировать как теоретические, так и практические аспекты реализации идеи. В теоретическом плане мы считаем необходимым кратко рассмотреть концепцию аффиксоидов на более широком, не только русском, фоне, чтобы яснее и объемнее представить масштаб выполненной работы и проблемы, возникшие в процессе создания АРЯ.

Аффиксоиды в теории словообразования часто рассматриваются в зоне таких словообразовательных категорий, как *сложные слова*,

унификсы, конфиксы, радикалоиды, инфиксы, блендинг, композиционные дериваты, элементы переходной зоны, молодые аффиксы, псевдоаффиксы и т.п. Таким образом, в национальных лингвистиках идет активный поиск ниши для такого словообразовательно-лексического феномена, как аффиксоиды. Их исследование ведется активнее в лингвистике тех языков, где словообразование имеет давние и богатые традиции изучения, где оно уже выделилось в самостоятельный раздел языкознания. Например, во французской лингвистике словообразование – это часть лексики / лексикологии, где десемантизированные лексические элементы, ставшие актуальными словообразовательными средствами, рассматриваются в первую очередь с точки зрения пополнения фонда французской лексики [Лопатникова, Мовшович 2001; Lehman, Martin-Berthet 2002; Thiry et al. 2002].

В русской и немецкой лингвистиках, напротив, словообразование уже давно и прочно «отвоевало» себе место среди ярусов языкознания, и поэтому изучение аффиксоидов среди смежных явлений, их типология, структура представляют популярную и актуальную проблематику исследований. В то же время в нидерландской, шведской, датской национальных школах эта тема является явно периферийной, а в финской, пожалуй, эта категория вообще «спрятана» в категории сложных слов. Если аффиксоиды в немецкой лингвистике – это «часто полемически дискутируемая тема» (oft polemisch diskutiertes Thema), то в Нидерландах до сих пор она даже не является серьезно от-рефлексированной и представляет скорее терминологическую тонкость, нежели самостоятельный языковой феномен ([Thema] wird auch wenig über die Terminologie nachgedacht), несмотря на то, что языки дают много сходного в аффиксоидных дериватах [Leuschner, Wante 2009].

Шведские лингвисты пытаются создать теорию аффиксоидов с опорой на немецкую традицию и научную литературу, используя для анализа данные корпуса немецкого языка (созданного в Мангейме) и шведского языка (в Гётеборге). В результате сопоставления большого корпуса примеров составлены списки словесных пар сравниваемых языков: 1) пары-когнаты (однокоренные слова, имеющие общее происхождение и сходное звучание), 2) семантические пары, 3) пары без соответствия, причем слова с суффиксоидами входят только в первую и вторую группу и показывают большую близость двух языков; напротив, слова с префиксоидами являются национально-специфичными – и в немецком, и в шведском они часто экспрессивно окрашены [Ascoop 2005].

Разумеется, обостренный интерес или отсутствие такового среди лингвистов не в последнюю очередь основывается на грамматической структуре языка: если английский и французский, например, предпочитают выражать понятия скорее при помощи словосочетаний, чем сложных слов (например, франц. *machine à écrire* ‘пишущая, печатная машинка’), то финский напоминает больше немецкий и шведский (то же понятие выражается в них схожим в структурном отношении образом: фин. *kirjoituskone*, нем. *Schreibmaschine*, швед. *skrivmaskin*). Даже и в близкородственных языках отличия в образовании слов могут быть значительными: в эстонском в сложных словах в первой части намного чаще употребляется генитивная форма, в финском – начальная, исходная: эст. *päevakava* «распорядок, режим дня» (не **päevkava*), фин. *päiväohjelma* (< *päivä* ‘день’, *ohjelma* ‘программа’, где оба элемента агглютинируются в одно сложное слово в исходной форме) [ISK 2004: § 398–402]. В таком случае и грамматическая квалификация слов в близкородственных языках будет, разумеется, различной. Вернемся к немецкому: процесс формирования аффиксоидов на базе корней в немецком языке в наше время не нов, он продуктивен уже достаточно длительное время. Ш. Балли полагал, что современный немецкий «старается сохранить это промежуточное состояние» [Балли 2001: 334], поэтому и не прекращаются дебаты среди лингвистов о статусе таких «промежуточных» (между корнем и аффиксом) элементов.

Обсуждение проблемы аффиксоидов тесно соприкасается, как ни покажется это странным на первый взгляд, с областью не совсем «лингвистической», оно связано с метаязыковым представлением о языке (как «наивных» носителей языка, так и специалистов). Кроме того, эта метаязыковая проблематика в наше время глобализации мотивирована и педагогической практикой. Дериваты с аффиксоидами, модели их формирования могут быть достаточно прозрачными для носителей языка, однако для иностранцев использование аффиксоидов (даже интернациональных) представляет одну из трудных зон, поскольку почти невозможно объяснить прихотливость комбинаторики тех или иных элементов в составе слова. Неслучайно исследователями подчеркивается мысль, что в процессе образования слов с аффиксоидами различия в оттенках дериватов «не всегда лежат на поверхности их значения»: ср., например, весьма тонкие отличия немецких существительных на *-zeug* (например, *Schreibzeug*) и *-werk* (*Schreibwerk*), прилагательных на *-gemäß* (*schulgemäß*) и полной (автосемантической) формы *gemäßig*. Суффиксоиды в немецком,

которые сохраняют в языковом сознании этимологическую связь с корнем, имеют намного больше шансов стать активными, чем иноязычные суффиксоиды, такой смысловой «подпитки» лишенные [Нарыкова 2006]. Один из пионеров в сфере изучения аффиксоидов в русском языке Н.М. Шанский также подчеркивал: «аффиксоиды, употребляясь как аффиксы, <...> продолжают оставаться и четко осознаваться (выделено нами. – А.З.) корневыми морфемами или основами, сохраняющими свои семантические и генетические связи с соответствующими корнями...» [Шанский 1968: 16].

Одна из самых трудных теоретических и практических проблем – выделение аффиксоидных единиц, их отграничение от сходных словообразовательных феноменов, обоснование их самостоятельного лингвистического статуса. Так, если немецкие лингвисты Й. Эрбен [Erben 1993], Г. Велльманн [Wellmann 1975] такие морфемы, как *-voll*, *-reich*, *-arm*, *frei*, *-leer* (при образовании имен прилагательных), *-werk*, *-zeug*, *-wesen*, *-gut* (при образовании имен существительных) однозначно относят к элементам сложных слов, то В. Фляйшер, напротив, безусловно относит их к аффиксоидам [Fleischer 1982]. Аналогичная ситуация наблюдается и в русском языке, однако для ее подробного обсуждения здесь нет необходимости, поскольку для читателя не составит труда заглянуть в литературу предмета. В европейской лингвистике предлагаются дробные, детализированные сетки для вычленения аффиксоидов [Grammatikalisierung 2005], есть также иные методики отграничения аффиксоидов от элементов композитной деривации (Kompositionsgliedern), аффиксоидов от аффиксов [Elsen 2009], разрабатываются тесты на проверку степени «аффиксоидности» словообразовательного элемента [Stevens 2005]. Подчеркнем здесь лишь то, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий в германоязычной лингвистике (где эта тема традиционно очень популярна и актуальна) строятся, отвергаются, модернизируются, конкретизируются различные методики выделения аффиксоидов.

Один из инициаторов возобновления научной дискуссии об аффиксоидах в российской (советской) лингвистике в начале 1980-х годов Э.А. Григорян предлагал такую модель ступеней (или даже лучше сказать – степеней) «аффиксоидности»: нулевая (0), первая (1), вторая (2); центральным критерием при отграничении ступеней является наличие в элементе «количества» конкретного и абстрактного содержания (чем дальше аффиксоид от семантики корневой, базовой, лексемы, тем «больше» у него абстрактного содержания) [Григорян 1981]. Однако как практически (да и теоретически)

«измерить» эту «содержательную количественность», вообще – «содержание» в языковом элементе? Неслучайно в современном русском словообразовании существуют диаметрально противоположные взгляды на признание/непризнание того или иного элемента, например, «чистым» суффиксом или суффиксоидом.

Некоторые специалисты в 1970–1980-е годы стали выступать за более свободное, широкое (семантическое) понимание словообразовательного форманта по сравнению с узким и довольно статичным, кодифицированным в «Русской грамматике» (1980). В частности, Р.С. Манучарян предпочитал говорить о словообразовательном значении «обычного» аффикса как «относительном словообразовательном» значении (содержащем в себе отношение к другому значению, модифицируемому). Надо учитывать не просто аффиксальные (традиционные) способы словообразования, но нужно принимать во внимание мощно растущий класс сложных слов, композитов, блендов, где словообразующий элемент отличается от «привычных» аффиксов *-ик*, *над-*, *под-*, *-ан* и т.п., составляющих своеобразный «центр» словообразовательной системы [Манучарян 1974; 1976]. «Периферия» словообразовательной системы стала намного смелее вторгаться в ее «центр», произошло перераспределение границ, стирание жестких граней и формирование переходных явлений (как, в частности, в случае с аффиксоидами). Обсуждение теории аффиксоидов напрямую затрагивает лексикографическую практику.

В теории и практике лексикографии в национальных филологических традициях уже давно обсуждается вопрос о структуре и месте аффиксоидных феноменов, способах их подачи, приемах семантического описания, отражения вариативности и т.п. Например, в немецкой лексикографии описание аффиксоидов как лемм (т.е. заголовочных слов в словаре) стало интересовать лингвистов уже в середине 1980-х годов, и эта проблематика является одной из активно дискутируемых в немецкой лексикографии по крайней мере уже на протяжении почти 30 лет. Еще в 1985 г. появилась обзорная статья Э. Телленбах, рассматривавшей способы подачи целой группы (в некоторых аспектах) схожих и взаимопересекающихся понятий/терминов: «аффикс», «префикс», «суффикс», «аффиксоид», «префиксоид», которые по-разному давались в наиболее авторитетных немецких словарях: «Wörterbuch der Deutschen Gegenwartssprache» (Berlin, 1964–1977), «Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (Berlin, 1984), «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden» (Mannheim, 1976–1981). В этой же

статье она предлагала критерии адекватного представления, в частности, такого сложного (в теоретическом и практическом плане) объекта описания, как аффиксы и аффиксоиды для будущих изданий толковых словарей немецкого языка [Tellenbach 1985]. Однако среди немецких лексикографов все-таки преобладает сдержанная позиция: строгая классификация разных переходных явлений и тяготения некоторых единиц к корню «с точки зрения практического лексикографического эффекта» не вполне разумна в словаре, поскольку в языковом континууме аффиксоиды уподобляются обычным аффиксам [Mugdan 1984].

Немецкие лингвисты изучали аффиксоидную проблематику, в частности, и опираясь на современную им советскую лексикографию; в результате анализа МАС-1 и МАС-2 оказалось, что дериваты с элементом *-образный*, *-видный* подаются в словарях по тому же принципу, что и слова с аффиксоидами типа *авто-*, *фото-* [Birkenmeier 1998: 1720]. Вывод был таков: в российской (советской) лингвистике и лексикографии еще не произошло отмежевания этих словообразовательных феноменов друг от друга. Любопытно, что в АРЯ аффиксоиды *-видный*, *-образный* вообще не регистрируются, очевидно, на том основании, что с точки зрения выбранной в АРЯ концепции они представляют собой аффиксоиды усложненной структуры. Даже этот небольшой пример хорошо иллюстрирует трудность формирования достаточно полного списка аффиксоидов в русском языке и показывает различие теоретических позиций составителей.

В лексикографии отношение к аффиксоидам именно как к промежуточной (синтетической, между «центром» и «периферией») сфере заставляет составителей / редакторов чаще всего избегать этой проблемной зоны, помещать дериваты с такими словообразующими элементами в привычные разряды, классы, тем самым выводя из лемматизируемого материала; в частности, десяти томный словарь казахского языка (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Под рук. А. Искакова. Алматы, 1974–1986) отказался от включения в словник многих сотен производных с аффиксоидными элементами *-бай*, *-бек*, *зада*, *-нама*, *-тану*, *-хана*, *-құмар*, *-аралық* [Касым 2007].

Очевидно, достаточно осторожное отношение лексикографов в традиционной (толковой) лексикографии к выделению новых словообразующих единиц не в последнюю очередь обусловлено (профессионально-осторожным) языковым чутьем составителей словаря и наличием словарным / языковым обеспечением. Лексикограф часто не осмеливается выделить частотный элемент, не укладывающийся в

рамки привычных словообразовательных таблиц и элементов, в качестве самостоятельного (автосемантического) компонента (неизвестно, как поведет себя элемент даже в ближайшем будущем), в результате чего многие аффиксоиды оказываются «спрятанными» в категории сложных слов (композигов). Дихотомические кандалы «компонент сложного слова ↔ аффикс» часто не давали простора «родиться» аффиксоиду как самостоятельной лемме в словаре, поскольку, как образно выразилась одна из активных участников обсуждения данной темы Э. Доналис, аффиксоид – это уже «больше не слово (Nicht-mehr-Wort), но еще и не аффикс (Noch-nicht-Affix)» [Donalies 2005: 25]. Большую роль играет и количественный параметр. Так, один из специалистов-англистов предлагает дифференциацию терминов и понятий «полусуффикс» и «суффиксоид» провести на базе количественного критерия: полусуффикс – это формант, 1) используемый по меньшей мере 100–200 производных (sic! – А.З.), 2) имеющий четкое словообразовательное значение, 3) частично сохраняющий лексическое значение, 4) способный употребляться самостоятельно, 5) немного длиннее суффикса; суффиксоид – это формант, 1) давший 32–50 производных (sic! – А.З.), 2) обладающий слабым словообразовательным значением, 3) имеющий хорошо сохранившееся лексическое значение, 4) фонетически близкий к среднему английскому слову (3–5 фонем) [Бартков 1980]. Исследовательский вопрос, даже с такими точными и скрупулезными выкладками, тем не менее остается: может ли количественный фактор (к тому же изменчивый и даже весьма прихотливый, зависящий порой от языковой моды) даже в синхроническом плане быть одним из ведущих инструментов при «измерении» степени аффиксоидности и разведении терминов «полуаффикс» и «суффиксоид», а если и может, то как исчислить его нижнюю и верхнюю границы?

Английский лингвист Г. Кэннон, изучавший процентное соотношение неологизмов в английском в диахронии, полагал, что в английском языке появление слов идет в основном за счет аффиксальных производных: используется 103 суффикса, 127 аффиксоидов (напомним, его подсчеты относятся к 1980-м годам). Есть среди них, конечно, как и в каждом языке, свои «герои» и «модники»; среди префиксоидов: *eco-*, *mini-*, *taxi-*, *mega-*, *cine-*; среди суффиксоидов: *-oholic*, *-gate*, *-natcher*, *-mansship* [Cannon 1987].

Как заявлено в предисловии, базой АРЯ послужили «источники массового чтения», а также толковые, орфографический, обратный, инверсионный диалектный словари [АРЯ 2009: 7].

В результате сбора материала из разных словарей и подсобных картотек, хранящихся в ИЛИ РАН, АРЯ фиксирует 684 префиксоида и 183 суффиксоида, данных как заголовочные толкуемые леммы; очевидно явное преобладание префиксоидов в русской словообразовательной системе. Рассмотрим проблемы, возникшие при формировании словника.

Первая проблема. Основанием для включения элемента в словник служит по меньшей мере два зафиксированных употребления с аффиксоидом [АРЯ 2009: 6], позволяющих говорить о некоторой укорененности слова в языке; иногда дериватов оказываются десятки. Кроме того, в АРЯ принято положение, что аффиксоиды «являются морфемами и не могут содержать в себе никаких других компонентов», таким образом – «морфемное членение» [АРЯ 2009: 7] оказывается тем «скальпелем филолога», который отсекает вторичные дериваты (т.е. то, что «больше морфемы»): в АРЯ помещаются дериваты с компонентом *...вер* (*старовер*, *легковер*), но отсутствуют с осложненным компонентом *...верка* (*староверка*, *легковерка*) как дериваты второй ступени (напомним: возможно, по этой причине в АРЯ не попали и аффиксоиды на *-образный*, *-видный*). Однако на этом пути составителей подстерегают теоретические трудности как в синхронном, так и в диахроническом плане. Возможно ли установить в синхронном плане первичную и вторичную производность среди таких суффиксоидов, как *...крат* и *...кратия*? что появилось в современном массмедийном языке сначала – ряд типа *партократия*, *коммунокрания*, *сталинокрания*, *дерьмокрания*, *ельцинокрания*, *путинокрания* (ряд можно продолжать) или слова с суффиксоидом *...крат* (этот суффиксоид разработан в АРЯ)? Не произошло ли в новейшем русском языке так, что производные на *...крат* и *...кратия* относились к разным словообразовательным моделям: суффиксоид *...крат* пришел в русский язык от новейших «европейских» заимствований типа *еврократа* (англ. *eurocrat*), а слова на *...кратия* возникли (на потребу дня) по модели давно освоенных русским языком политических терминов типа «демократия», «бюрократия», где (согласно словообразовательным словарям) выделяется суффикс *uj(a)* (от мотивирующих основ *демократ*, *бюрократ*) и в этом случае их следует рассматривать не как вторичные производные от *...крат* с «наращенным» суффиксом *-uj(a)*? Не произойдет ли так, что, признав одноморфемность аффиксоида важнейшим мерилом, мы потеряем (в дескриптивном описании и систематизации аффиксоидов русского языка) некоторые группы аффиксоидов, возникшие: одни – в результате заимствования, другие –

автохтонно, уже на почве русского языка? Если же обратиться к диахроническому материалу, то и тут не все просто: в АРЯ дан суффиксоид *...дцать* (из числительного *десять*) [АРЯ 2009: 88] в составе числительных; кроме того, приведена лексикализованная форма в образном употреблении (*на ...дцать лет*, *на ...дцать килограммов*). Но разве можно смешивать явную лексикализацию и аффиксоидность? Мы полагаем, что в данном вопросе нужна серьезная теоретическая проработка этой сложной темы, где сходятся сразу несколько словообразовательных проблем: соотносительности аффиксоидов, хронологии их появления, синхронической и диахронической деривативности, членимости дериватов.

Вторая проблема формирования словника заключается в следующем. В предисловии указано, что не признаются аффиксоидами «единичные по употребительности, не повторяющиеся в речевом потоке аффиксоподобные компоненты» [АРЯ 2009: 6] типа *заксобранье* (однако в российской прессе используется другое производное – *закпалата*), *машбюро* (однако есть *машмастерская*), *стабфонд* (однако есть *стабденьги*, *стабзаём*), *пухизделие* (но есть *пухматериал*), *футзал* (но есть *футспорт*) и другие аффиксоиды. Ясно, что упомянутых здесь лемм АРЯ в своем словнике недосчитался, но сколько их могло бы быть еще?

Третий аспект – состав словника. В целом перевес в сторону общелитературных и научно-книжных производных в АРЯ дериватов очевиден, но в словаре фиксируются, например, некоторые слова не специального, а вполне повседневного бытования: диалектные (*-бай*: *баскобай*, *гладкобай*, *сладкобай*), разговорно-сниженные (2. *...ворот*: *рыловорот*, *мордоворот* (приведено только 2 деривата, хотя можно добавить грубые разговорные номинации *носоворот*, *хареворот*) и даже попал локализм (*-фак*: *фрейдфак* (в образном употреблении) – психологический факультет СПбГУ). Невольно рождается вопрос: каковы критерии отбора и помещения в словарь дериватов из сниженных регистров (просторечие, разговорный пласт лексики, жаргон) и почему упомянутому петербургскому локализму «повезло» больше, чем другим, ведь слова с аффиксоидами обильно представлены, например, в словарях разговорной и региональной речи [ССРГ 2003; Химик 2004], многочисленных словарях разных видов жаргона.

Наконец, четвертый аспект объема словника. В АРЯ приведены некоторые префиксоиды, как: *лен...* (ленинградский), *мос...* (московский), *сиб...* (сибирский), *уз...* (узбекский), *укр...* (украинский) и т.п. Почему в нем не ока-

залось, например, лемм *баш...* (башкирский), *тат...* (татарский), *удм...* (удмуртский) и подобных? Насколько полно словарь аффиксоидов русского языка должен отражать оттопониические производные? Каковы критерии отбора топонимических аффиксоидов в словарь? Ответов на эти вопросы в предисловии, к сожалению, нет.

Итак, рассмотрение некоторых аспектов формирования словника рождает главный вопрос: не окажется ли в таком случае, что в реальном русском языковом пространстве функционирует больше аффиксоидов, чем отражено в АРЯ? По нашему мнению, при составлении словаря аффиксоидов:

1) необходима самостоятельная картотека, фиксирующая подобные промежуточные единицы, с предварительной выработкой цельной и достаточно непротиворечивой теории;

2) в силу промежуточности статуса аффиксоидов в языке, их сильной зависимости от модных (сиюминутных) деривативных процессов необходима тщательная (пере)проверка наличного фонда аффиксоидов с целью мобильной регистрации инноваций.

Проблема вычленения аффиксоидов – трудный теоретический вопрос, не имеющий однозначного решения как на базе русского материала, так и других языков, где активно обсуждаются аффиксоидные проблемы. Бурный поток, шквал иноязычной лексики в последние два десятилетия ввел в русский язык многие сотни слов, бытовавших ранее в европейских языках. Вопрос заключается в следующем: какую роль в вычленении аффиксоида играет русское языковое чутье и каким образом оно корреспондирует с профессионально-лингвистической процедурой вычленения аффиксоида как словообразующего регулярного элемента? Многие приведенные в АРЯ дериваты являются заимствованными, оформленными в морфологическом отношении «по-русски». Приведем несколько примеров: в словаре выделен префиксоид 2. *арм...* (из англ. *arm* ‘рука’, однако в АРЯ дано, что этот аффиксоид выделился из слова *армрестлинг*) и приведены дериваты, однако все они – или прямые заимствования, или кальки: *армрестлинг* (англ. *armrestling*), *армспорт* (англ. *arm sport*), *армстол* (англ. *arm table*), *армшоу* (англ. *arm show*). Другой популярный ныне префиксоид *боди...* дан уже как заимствование из англ. *body* (кстати, почему тогда 2. *арм...* дано от *армрестлинг*, а не от *arm*?) и приведены «русские» производные, но без указания иностранных соответствий: *бодимассаж* (англ. *body massage*), *боди-арт* (англ. *body art*), *боди-шоу* (англ. *body show*), *бодиперсинг* (sic!; англ. *body piercing*; кажется, в узусе чаще используется другая форма: *боди-*

пирсинг). Такие же вопросы и сомнения возникают по поводу многих выделенных аффиксоидов: *бис...*, *блок...*, *гейт...*, *гомо...*, *дактило...*, *...дром*, *евро...*, *квали...*, *комби...*, *...ман*, *пси...*, *уни...*, *уро...*, *...фаг*, *эрто...* и др. Насколько оправданно видеть в них аффиксоиды? Если выделены эти, то почему остались в тени, в частности, такие: *...кар* (*автокар*, *спорткар*, *грузокар*, *VELOкар*, *аэрокар*), *интим...* (*интим-услуги*, *интим-бар*, *интим-телефон*, *интим-парень*, *интим-герл*, *интим-игра*, *интим-игрушка*, *интим-салон*) и проч.? Не является ли префиксоидом старый элемент *статс...* (*статс-секретарь*, *статс-советник*, *статс-дама*; из нем. *Staat* – «государственный»), который отсутствует в АРЯ? Что делать с такими компонентами в псевдозаимствованиях типа *брейн.../брэйн...* (от англ. *brain* ‘мозги’), (*брейн-ринг*, *брейн-совернование*, *брейн-игра*, *брейн-бои*); эти слова кажутся иноязычными, но на самом деле созданы на базе русского языка с использованием иноязычных моделей, например, термины «джерман дог» (рулет с франкфуртской сосиской), «слайс-бар» (место, где продают пиццу ломтиками) [Dunn 2000]. Компонент *брейн/брэйн* – скорее всего получил активизацию после своего родоначальника *брейн-ринг* (от англ. *brain* «мозги»), которое, в свою очередь, является авторским языковым продуктом Б. Бородин, О. Балазанова, М. Белоцерковского, А. Рубина (г. Днепропетровск, 1987 г.) (такая справка приведена в [НСЗ-90: 224]).

Спецификой деривации в языке нашего времени является появление в узусе сразу целой группы слов; особенно это касается актуальных и часто эксплуатируемых понятий в массмедийном пространстве. Значит ли это, что лексикографам сразу же надо выделять аффиксоид в заимствованных словах, хотя на русской языковой почве этот элемент встречается только в составе новозаимствованных слов, является ли такой новорожденный аффиксоид полноценной морфемой в русском языке? То, что в русском языке появились такие заимствования, как *отель*, *мотель* (старые заимствования) и *флайтель* (гостиница при аэропорте), *ротель* (новейшее заимствование, значит ‘гостиница на колесах’, англ. *rotel*, сокращ. от *rolling hotel*, или нем. *Rotel – das rollende Rotel*), значит ли это, что требуется выделять «русский» аффиксоид *...tel*? (Поскольку эти лексемы функционируют в английском дольше, чем в русском, английские лингвисты уже предлагают рассматривать данный элемент как суффиксоид. Ясно, что глобализация многократно ускоряет процессы языкового взаимодействия, уже ближайшее время покажет, можно ли будет признать в русском этот аффиксоид и, следовательно, лемматизировать в словаре.)

Вариантность аффиксоидов – реальность языковая, требующая адекватного лексикографического отражения. В лингвистике часто различают термины «вариантность» (то, что уже существует в языке) и «вариативность» (потенциальные формы). В АРЯ зафиксированы аффиксоиды, которые уже «состоялись» в русском языке, но существуют в виде вариантов: ...арий (океанарий) и ...ариум (океанариум), интра... (интраверсия) и интро... (интроскопия), лесби... (лесби-опыт) и лесбо... (лесбосемейство). Реальная языковая практика дает, однако, больше вариантных форм, чем отмечено в АРЯ. Приведем их небольшой перечень, причем разных типов:

1. Фонематические варианты: ауто... и авто... (аутотренинг и автотренинг), данс... и дэнс... (дансплощадка и дэнсплощадка), зиц... и зитц... (зицпредседатель и зитцпредседатель), ипто... (иппотерапия) и гипто... (гиппотерапия), ...ленд (Диснейленд) и ...лэнд (Диснейлэнд), ман... (суперман), мен... (супермен) и ...мэн (супермэн) и др.

2. Графические варианты: индо- и индо..., иудео- и иудео... лайт- (лайт-напиток) и лайт... (лайтнапиток), нано- (нано-продукт) и нано... (нанотехнологии), масс- (масс-культура) и масс... (масскультура), невро... (невролог) и нейро (нейролог) и др.

Если словарь претендует на роль «наиболее полного словаря русских аффиксоидов» [АРЯ 2009: 8], то ему следует серьезно отнестись к проблеме вариантов, их теоретическому обоснованию, лексикографической презентации.

Кроме того, с этим же связан вопрос о структуре подачи аффиксоида. В АРЯ разведены в две словарных статьи леммы комс... и комсо... (с одинаковой производностью: от комсомольский), но в первом случае префиксоид существует как усечение, а во втором – с интерфиксом (соединительной гласной о), но каковы тогда мотивы их разграничения? Следует ли аффиксоид с интерфиксом рассматривать как отдельную лемму в словаре или все же отнести эту усложненную морфему (аффиксоид) в базовую лемму, в данном случае – в словарную статью комс... (не будем обсуждать эту тему, но укажем, что в теории словообразования есть разные позиции по данному вопросу)? Внимание к вариантам должно быть особенно повышенным, так как в русском языке в наши дни появляется довольно много элементов, которые претендуют на роль аффиксоидов, стремятся попасть в их репертуар. Ведь именно при помощи вариантов и происходит вхождение, адаптация, проверка их в русской графико-орфографической и фонетической (фонематической) системе русского языка.

Также не стоит пренебрегать возможностью лексикографической отсылки аффиксоидов друг к другу: в АРЯ дан префиксоид 1. ин... (иностранный) [АРЯ 2009: 104] и 2. ино... (иностранный) [АРЯ 2009: 106]. Если дается дистантное расположение аффиксоидов с тем же значением и схожей структурой, то для читателя было бы полезно поместить отсылочную справку.

Семантическая разработка словарной единицы – всегда нелегкая задача. Выделение «значений» в данном типе языковых формантов единиц достаточно условно, потому что мы имеем дело с единицами как словообразовательного, так и лексического уровня, и главная проблема заключается в необходимости выработки такой дефиниции, которая бы была нацелена на показ именно словообразовательного (обобщенного) значения, на которое, несомненно, «давит» значение лексической базовой единицы. В АРЯ не ранжированы «значения» под номерами (что совершенно справедливо), а помещены за «тире Срезневского»; например, этот знак в «Словаре русского языка XVIII в.» употребляется в функции «аспект значения или применение». Семантизация леммы, распадающейся на ряд значений, границы между которыми зачастую текучи, подвижны, – всегда один из труднейших этапов лексикографической работы. Кажется, что в этом трудном деле АРЯ в целом достойно выдержал испытание. Укажем, однако, на несколько проблемных пунктов, привлечших наше внимание.

Разумеется, совсем нелегко при таком специфическом («промежуточном») материале решить: в какой лемме доминирует лексическое (более детализированное), в какой – словообразовательное (более абстрактное) значение, однако то, что в лексикографируемом материале степень аффиксоидности («лексичности») оказывается различной, не подлежит сомнению. Именно поэтому далеко не всегда можно отграничить одно «значение» (более лексичное) от другого (более абстрактного, с затушеванной лексичностью). Например, в АРЯ выделен префиксоид гетеро... с общим толкованием «основанный на различии, разности, непохожести» [АРЯ 2009: 65], суффиксоид ...ген «тот, который имеет своим происхождением то, что указано в слове ранее» [АРЯ 2009: 64] и др., но в то же время префиксоид граф... «раздроблен» даже на три «значения», среди которых первые два очень близки по словообразовательной семантике «прибор для записи, регистрации» и, на наш взгляд, едва ли требуют отграничения на основании дифференциальных признаков; в противном случае мы вступаем уже в сферу лексической семантики корневой леммы [АРЯ 2009: 74]. «Значения»

слова *мини...* и *миди...* поданы по-разному: в *миди...* на первом месте идет «значение» «средней длины (о верхней женской одежде)» (например, *миди-пальто*), на втором месте – более абстрагированное «характеризующийся средними, умеренными показателями» (например, *миди-ралли*) [АРЯ 2009: 151]. В то же время в *мини...* на первом месте «значение» «небольшой по физическим размерам» (например, *мини-трактор*) и только на последнем, четвертом, – «очень короткий по длине (*об одежде*)» (например, *мини-юбка*) [АРЯ 2009: 153–154]. Для читателя остаются неясными мотивы и критерии такого размещения «значений» схожих слов/аффиксоидов в рамках специализированного словаря.

Таким образом, разграничение лексической и словообразовательной семантики представляет труднейшую и актуальнейшую проблему: если в толковом словаре такие дефинитивные шероховатости достаточно легко маскируются в общем фонде лексикографируемого материала основных разрядов слов (имена существительные, глаголы, прилагательные, числительные и др.), то здесь все на виду, каждая лемма как на лобном месте. Очевидно, потребуется свести в классы, парадигмы, группы аналогичные дериваты и попытаться выделить в них некоторый общий словообразующий (формализованный) компонент, который, с одной стороны, базировался бы на лексическом значении, но с другой – «возвышался» над ним как элемент иного, деривативного, порядка. Пример: в АРЯ приведен префиксоид *библио...* с толкованием «относящийся к книгам»; на первый взгляд может показаться, что такая дефиниция слишком обобщенна, абстрактна и способна к семантическому развертыванию, например: «относящийся к книгам и их собиранию, хранению, транспортировке, изучению и т.п.» [АРЯ 2009: 38]. Это толкование выглядит особенно «куцым», если мы сравним толкования других аффиксоидов с порой весьма развернутыми формулировками, например: 1. *арт...* «относящийся к артиллерийскому огню, к стрельбе из орудий» [АРЯ 2009: 25] (а таких примеров можно привести сотни). Как поступить в этом последнем случае? Давать ли дефиницию предельно обобщенно, указывая только семантическую архисему в аффиксоиде (*библио...*) или же добавлять в толкование некоторые дополнительные, вспомогательные, дифференциальные признаки, «заимствуя» их из лексического значения исходного слова? Достаточно ли информации (словообразовательной и лексической) в толковании префиксоида *групп...* «относящийся к группе» (*группком, группкомсорг*) [АРЯ 2009: 75], не требуется ли здесь добавки семантически релевантных дифференциальных сем «о

людях»? Вопрос о соотношении лексичности и деривативности в структуре аффиксоида, его лексикографировании открыт и требует дополнительного изучения.

В АРЯ предложена этимологическая справка как для славянской, так и для иноязычной лексики, послужившей источником аффикса. Этимон понимается в первую очередь как мотивирующее слово, помогающее объяснить семантику аффиксоида. Справедливым представляется такое решение составителей АРЯ: префиксоид *мото...* «разведен» на три омонима и к каждому приведен свой, характерный для него «этимон»: 1. *Мото...* (< мотор, моторный), 2. *Мото...* (< моторизованный), 3. *Мото...* (< мотоциклетный) [АРЯ 2009: 158–159]. «Этимон» в этом случае действительно помогает читателю увидеть пути специализации элемента *мото...* в русской словообразовательной системе и формирование трех самостоятельных рядов дериватов, где встречается формант *мото...* Для заимствованных из иностранных языков аффиксоидов (*ихтио...*, *морфо...*, *...план* и др.) выбран верный путь: дан греческий, латинский, немецкий, английский и т.д. первичный и/или вторичный источник (в случае, если его возможно установить). Но есть и многие проблемные зоны. Аффиксоид – это такой лексико-словообразовательный элемент, который вычленяется в языке как достаточно регулярная словообразовательная морфема и дает пучок производных. Однако, что считать этимоном, например, дериватов на *...гейт*: в словаре дан «этимон» *Уотергейт* «политический скандал в США» [АРЯ 2009: 61]. По нашим наблюдениям, этот аффиксоид получил развитие в русском языке в 1980–1990-е годы, когда на страницах прессы появились иноязычные обозначения с этим элементом, причем сначала он был осмыслен как словообразующий аффиксоид в европейских языках, а затем уже был трансплантирован в составе дериватов в русский язык. Для сравнения: в АРЯ приведен целый ряд слов с суффиксоидом *...бург*: Бранденбург, Люксембург, Маренбург [АРЯ 2009: 45], показывающих действительное вычленение в русском языке модели на *...бург*; суффиксоид *...тлон* (< англ. *aquathlon, diathlon, triathlon*) [АРЯ 2009: 244], а вот *...гейт* оказался в словообразовательном одиночестве. Итак, вопрос о том, какой элемент признать «этимоном» для выделенного аффиксоида *...гейт* – английский аффиксоид *-gate* (по нашему мнению, именно его) или русифицированную форму *Уотергейт* (от единичного наименования, промелькнувшего на страницах советских газет в 1970-е годы и приведенного в АРЯ) – также требует теоретического прояснения.

Не менее важен вопрос о том, давать ли в качестве «этимона» иноязычное начальное, базовое значение или же переносные? В частности, к префиксоиду *фельд...* дан немецкий «этимон» *Feld* «поприще» [АРЯ 2009: 257], в то время как исходным (неметафорическим, прямым) значением немецкого слова является «поле»; кстати, приведенный в АРЯ «этимон» слабо объясняет целую группу дериватов типа *фельдмаршал*, *фельджандармы*, *фельдполиция*.

Много неясностей и разнобоя в приведении старославянских/церковнославянских «этимонов»: если 1. *хладо...* в АРЯ приведено с «этимонем» *холод* [АРЯ 2009], то *младо...* – от «младой» (почему не *молодой*?), *лже...* – от «лживый» [АРЯ 2009: 154], префиксоид *любо...* – от «любовь» (разве не от древнерусского *любый* «любимый»?) [АРЯ 2009: 138], префиксоид *досто...* – от «древнерусской частицы *досто*» [АРЯ 2009: 85] (разве в древнерусском была такая частица? Разве аффиксоид может рождаться также из частиц, а не только от корней, как теоретически определено в предисловии АРЯ?). Надо быть внимательным к приведению «этимона» из родственных языков: «этимонем» суффиксоида *роб...* (хлебороб, землероб) объявляется в АРЯ разговорно-просторечное слово «робить», но, очевидно, этот аффиксоидный элемент (да и само слово *хлебороб*) – из украинского языка (такая отсылка уже есть в «Словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (Т. 4. Стб. 1152), где у слова *хлебороб* есть пометы – *укр.[аинское]* и *книжн.[ое]*). Префиксоид *зауряд...* (зауряд-прапорщик, зауряд-дипломат) имеет «этимон» *зауряд* [АРЯ 2009: 98], что у читателя также рождает вопросы: что это такое? какое значение имеет? показан ли здесь процесс историко-этимологического «склеивания» существительного с предлогом?

Не следует ли унифицировать подачу таких совершенно однородных (с точки зрения «этимона») префиксоидов, как *мини...* и *миди...*: в *мини...* дан «этимон» – «< англ. *mini*, < лат. *minimus* – наименьший» [АРЯ 2009: 153], а в *миди...* только – «англ. *mid* – средний» [АРЯ 2009: 151], надо ли сюда добавить также латинский первоисточник *medius*, а не «бросать» этимон на полдороге? В аффиксоиде *...éда* (костоеда, ногтееда) просто приведен этимон *ядать* (без каких-либо комментариев) [АРЯ 2009: 91], в то же время в явно этимологически родственном аффиксоиде *...яд* (птицеяд, змееяд) дано: «старослав. *ясти*» [АРЯ 2009: 288]. Разумеется, здесь мы сталкиваемся также с одним из «вечных» вопросов толковых словарей, дающих при слове этимологическую справку: на какую этимологическую глубину сле-

дует «опускаться» – ограничиться ли «ближней» или «дальней» этимологией, приводить ли всю этимологическую цепочку или давать этимологические звенья выборочно? Насколько объясняющей значение слова должна быть этимологическая справка, должна ли она быть непременно «говорящей» или может быть даже «глухой», как в данном случае: 2. *гамма-* (< греч. *gamma* – третья буква греческого алфавита) (гамма-железо, гамма-глобулин) [АРЯ 2009: 61]? Ясно, что решение проблемы упирается в вопрос о соотношении лингвистической и энциклопедической информации, их границ в структуре вспомогательных (факультативных) зон словарной статьи. Вызывают серьезные сомнения и возражения те случаи, когда предложенная этимология отнесена ко всем «значениям» аффиксоида; например, ... *бой* (< убой) с такими «значениями»: «тот, кто занимается убоем животных, указанных в первой части слова, и обработкой их туш»; «тот, кто производит непрерывные удары по чему-л. или чем-л., указанным в первой части слова, с целью получения производственного результата»; «то, что связано с ударами, битьем, уничтожением того или тем, что указано в слове ранее» [АРЯ 2009: 42–43].

Поскольку аффиксоиды – промежуточная категория «между» лексическим инвентарем и словообразовательным, то здесь особенно трудно маркировать аффиксоидные элементы со стилистической точки зрения. Очень уместны пометы при некоторых устаревших дериватах с аффиксоидами: *бриг...* (< бригадный) Устар. [АРЯ 2009: 44]; *унтер...* Устар. [АРЯ 2009: 252] и др., поскольку показывают диахроническую картину изменения аффиксоидов (и целой лексической группы слов) в языке. В то же время в дериватах с *благо...* (благовоспитанный, благомыслящий) [АРЯ 2009: 41], *любо...* (любомудрие) [АРЯ 2009: 138] помет нет, цитаты, приведенные в АРЯ, кончаются XIX в., хотя в современном дискурсе эти аффиксоиды обрели «второе дыхание». Слабо поставленная и практически не решенная проблема (и теоретически, и конкретно-лексикографически не только в АРЯ, но и в других словарях) заключается в функционально-стилистической квалификации и природе пометы: она в аффиксоиде «лексична» (маркирует все слово) или является собственной характеристикой аффиксоида? Стилистическая нестройность наблюдается в АРЯ даже в близких, соседних словах: если в префиксоиде 1. *бета...* пометы нет (*бета-излучение*, *бета-распад*, *бета-активность*), то в омониме 2. *бета...* стоит помета «в проф. речи» (*бета-каротин*, *бета-железо*) [АРЯ 2009: 37]. Нужна ли помета в дериватах с *сурдо...* (*сурдоперевод*, *сурдопсихо-*

логия) [АРЯ 2009: 233], в то время как в других дериватах той же лексико-понятийной сферы с тифло... (тифлографика, тифлопсихолог) помета «в проф. речи» есть?

С большим сожалением надо отметить, что в АРЯ очень много опечаток (например, на с. 27: *М. Начкиной* вместо правильной формы *М. Нечкиной* и десятки других, которые я здесь просто не привожу); цитирование источников (в цитатах) не унифицировано во многих местах (на с. 84 дан источник: Metro (Пб). 13.06.2006, а на с. 86 – Метро (СПб) 24.11.2003 и мн. др.); в цитатах путаются точки и точки с запятой, иногда они просто пропущены; во многих местах не соблюдены короткие и длинные тире; не всегда выверена разрядка в этимологических справках и внутри словарных статей (например, на с. 144 в аффиксоиде *мега-ло...*; на с. 171: *олимп...* и др.); местами отсутствуют закрывающие скобки. Это, разумеется, снижает удовольствие от увлекательной работы со словарем, но также и от самого процесса чтения этого новаторского лексикографического продукта.

Вышедший словарь «Аффиксоиды русского языка» – новое явление в русской лексикографии дифференциальных словарей, он нацелен на описание языковой информации своеобразного лексико-словообразовательного фонда, который пополняется быстрыми темпами. Основной заслугой АРЯ следует признать сам факт привлечения серьезного исследовательского внимания к такому языковому инвентарю в пределах строгой и достаточно формализованной процедуры представления и описания (в рамках словаря). Это, во-первых, помогло обнажить теоретические проблемы и заострить на них внимание, во-вторых, показало трудности конкретно-практического лексикографирования и, в-третьих, заявило о необходимости выработки своей, лексикографически релевантной теории. Можно надеяться, что выход АРЯ придаст новый импульс совершенствованию методики (или даже методик) выявления этого семантико-деривационного феномена, с учетом специфики его «промежуточного» характера (между лексикой и словообразованием), целенаправленной работы по составлению банка (фонда) таких дериватов и отслеживания их реальной языковой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АРЯ 2009 – *Е.А. Левашов* (отв. ред.). Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.
- Балли 2001 – *Ш. Балли*. Французская стилистика. М., 2001.
- Бартков 1980 – *Б.И. Бартков*. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма) // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1980.
- Григорян 1981 – *Э.А. Григорян*. Суффиксоиды в системе современного русского языка (на материале сложений со вторым глагольным компонентом): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Ефремова 1996 – *Т.Ф. Ефремова*. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
- Касым 2007 – *Б.К. Касым*. Проблемы и методологии исследования композитообразования современного казахского языка // http://www.rusnauka.com/4_SVMN_2007/Philologia/18516.doc.htm
- Кузнецова, Ефремова 1986 – *А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова*. Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов. М., 1986.
- Лопатникова, Мовшович 2001 – *Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович*. Лексикология современного французского языка. М., 2001.
- Манучарян 1974 – *Р.С. Манучарян*. К типологии словообразовательных значений // ИАН СЛЯ. 1974. Т. 33. № 6.
- Манучарян 1974 – *Р.С. Манучарян*. Словообразовательное значение в различных аспектах // Русский язык. Вопросы теории и методики. Ереван, 1976.
- Нарыкова 2006 – *Н.А. Нарыкова*. Субсуффиксальное словопроизводство в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.
- НСЗ-90 – *Т.Н. Буцева* (отв. ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1: А–К. СПб., 2009.
- СМС 1997, 1998 – *К.Р. Галиуллин* (ред.). Словообразовательно-морфемный словарь русского языка (3 000 слов). Казань, 1997, 1998.
- ССРГ 2003 – *Б.И. Осипов* (ред.). Словарь современного русского города. М., 2003.
- Тихонов 1985 – *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
- Химик 2004 – *В.В. Химик*. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Шанский 1968 – *Н.М. Шанский*. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Ascoop 2005 – *K. Ascoop*. Affixoid-Starved? «Skitbra!» The status and use of affixoids in German and Swedish // Germanistische

- Mitteilungen Zeitschrift für Deutsche Sprache, Literatur und Kultur. Brüssel, 2005. № 62.
- Birkenmeier 1998 – *W. Birkenmeier*. Die Fachlexik im vierbändigen Wörterbuch der Akademie der Wissenschaften: Slovar' russkogo jazyka (1957–1961) // H. Steger, H.E. Wiegand (Hrsg.). Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin; New York, 1998. Bd. 14. Halbteil 2.
- Cannon 1987 – *G. Cannon*. Historical change and English word-formation. Recent vocabulary. New York, 1987.
- Donalies 2005 – *E. Donalies*. Die Wortbildung des Deutschen. Tübingen, 2005.
- Dunn 2000 – *J.A. Dunn*. The role of English in the development of modern Russian // L.N. Zybatov (Hrsg.). Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2000.
- Elsen 2009 – *H. Elsen*. Affixoide: Nur was benannt wird, kann auch verstanden werden // Deutsche Sprache. 2009. № 37.
- Erben 1993 – *J. Erben*. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3., neu bearb. Auflage. Berlin, 1993.
- Fleischer 1982 – *W. Fleischer*. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1982.
- Grammatikalisierung 2005 – *T. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot* (Hrsg.). Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin, 2005.
- ISK 2004 – Iso suomen kielioppi. Suomen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004.
- Lehman, Martin-Berthet 2002 – *A. Lehman, F. Martin-Berthet*. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. Liège, 2002.
- Leuschner, Wante 2009 – *T. Leuschner, E. Wante*. Personale Suffixoide im Deutschen und Niederländischen. Methode und Ergebnisse einer vergleichenden Korpusstudie // Germanistische Mitteilungen Zeitschrift für Deutsche Sprache, Literatur und Kultur. Brüssel, 2009. № 70.
- Mugdan 1984 – *J. Mugdan*. Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung // H.E. Wiegand (Hrsg.). Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. Hildesheim; Zürich; New York, 1984 (= Germanistische Linguistik 1-3/83).
- Stevens 2005 – *Ch. Stevens*. Revisiting the affixoid debate: On the grammaticalization of the word // T. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot (Hrsg.). Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin, 2005.
- Tellenbach 1985 – *E. Tellenbach*. Wortbildungsmittel im Wörterbuch. Zum Status der Affixoide // Linguistische Studien Reihe A 122/ZISW. Berlin, 1985.
- Thiry et al. 2002 – *P. Thiry, J.-J. Didier, Ph. Moreau, M. Seron*. Vocabulaire français. Bruxelles, 2002.
- Wellmann 1975 – *H. Wellmann*. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen der in der Gegenwartssprache II: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.

A.B. Зеленин

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Зеленин
Тамперский университет
aleksandr.zelenin@uta.fi

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий 2010–2011 годов

Конференции

В 2010 году было проведено тринадцать конференций, два постоянно действующих семинара и один симпозиум, которые получили поддержку РГНФ в виде грантов на проведение научных мероприятий. Организаторами выступили научно-исследовательские центры и институты, а также региональные университеты и вузы Москвы и Санкт-Петербурга.

С тематической точки зрения конференции делятся на именные (например, «Девятые Шмелевские чтения»), связанные с функционированием русского языка, посвященные проблемам общего и частного языкознания, а также внешней лингвистики: лингвистическим вопросам, рассматриваемым в контексте более общих социокультурных и коммуникативных ситуаций. Коротко обрисуем основные проблемы и результаты проведенных мероприятий в хронологическом порядке.

24–26 февраля 2010 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН прошла международная конференция «Проблемы лексической семантики» (Девятые Шмелевские чтения). Конференции, посвященные памяти этого выдающегося ученого, проводятся уже более десяти лет. Они стали традиционными и привлекают внимание широкой научной общественности. Девятые чтения были посвящены проблемам лексической семантики. Тема чтений была выбрана не случайно: она созвучна научным интересам Д.Н. Шмелева, который внес значительный вклад в развитие теоретической семантики. Всего прослушано 52 доклада, из них 24 на пленарных и 28 на секционных заседаниях. Среди участников чтений были многие известные лингвисты, специалисты в области лексической семантики (Л.П. Крысин, А.С. Герд, Е.В. Падучева, Т.М. Николаева, М.Я. Гловинская, В.Е. Гольдин, И.Т. Вепрева, Н.Б. Мечковская, Е.Л. Бе-

резович, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев). В конференции приняли участие ученые из Финляндии, Белоруссии, Украины, Литвы, а также из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Красноярска, Екатеринбурга, Перми и др.

Актуальность тематики VI Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст», состоявшейся 25–27 марта 2010 г. в Томском государственном педагогическом университете, обусловлена антропоцентризмом и текстоцентризмом современной лингвистической парадигмы в русистике, необходимостью изучения русской речевой культуры и ее отражения в тексте как форме коммуникации. Очное и заочное участие в конференции приняли 88 ученых из 20 городов России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Германии, Чехии, Китая. Результаты их исследований отражены в 82 статьях сборника, изданного по итогам конференции. Всего в работе трех пленарных заседаний конференции и восьми секционных участвовал 201 человек, включая студентов, аспирантов и магистрантов разных факультетов томских вузов (Томского государственного педагогического университета, Томского государственного университета, Томского политехнического университета) и учителей г. Томска. Доклады участников научной конференции были посвящены динамике и современному состоянию русской речевой культуры, новым направлениям в изучении текста, исследованию русской картины мира и ее отражению в тексте, анализу разных дискурсивных практик, обобщению имеющегося опыта обучения текстовой деятельности в современной методике преподавания русского языка как родного и иностранного. Решения конференции направлены на усиление внима-

ния лингвистической общественности и преподавателей русского языка к исследованию различных аспектов русской речевой культуры, к формированию лингвокультурной грамотности и риторической этики, совершенствованию навыков комплексного анализа текста.

22–24 апреля 2010 г. в Лесосибирском педагогическом институте (филиале Сибирского федерального университета) были проведены очередные, пятнадцатые, Филологические чтения им. Р.Т. Гриб. Филологические чтения, посвященные памяти первого профессора кафедры русского языка Р.Т. Гриб (1928–1995), проводятся ежегодно с 1996 г. по инициативе кафедры русского языка. В 2010 г. для участия в Чтениях были приглашены ученые из-за рубежа (из Австрии, Польши, Китая, Казахстана, Киргизии и др.), что позволяет говорить о международном статусе данного научного мероприятия. В Чтениях приняли участие российские ученые из Москвы, Красноярска, Кемерово, Абакана, Иркутска, Новокузнецка, Томска, Бийска, Лесосибирска и ряда других городов. Организаторами Чтений выступили кафедра русского языка и лаборатория речевой коммуникации филологического факультета Лесосибирского пединститута. В проведении этого мероприятия финансовую поддержку, кроме Российского государственного научного фонда, оказали руководство Лесосибирского пединститута и «Благотворительный фонд культурных инициатив» (Фонд Михаила Прохорова). Филологические чтения 2010 г., в которых приняли участие 104 исследователя, тематически обозначены достаточно широко: «Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте». Чтения носили ярко выраженный междисциплинарный характер с привлечением к обсуждению лингвистических проблем культурологов, психологов, литературоведов и представителей других гуманитарных направлений. На это же была ориентирована работа круглого стола «Русский язык в современном мире» и следующих секций: национальная специфика языковой картины мира в тексте и дискурсе; культурный компонент в лексике и грамматике; социолингвистика, психолингвистика и лингвокультурология: точки соприкосновения; теория и методика преподавания филологических дисциплин в их лингвокультурологическом аспекте.

Международная научная конференция «Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного» прошла в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 20–22 мая 2010 г. В конференции приняло участие около 90 ученых из России и зарубежных стран (США, Японии, Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Изра-

ля, Венгрии, Польши, Украины, Казахстана). Российские участники представляли ведущие научные учреждения и университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Калининграда, Чебоксар, Махачкалы, Орла. Конференция проводилась совместно с Институтом языкознания РАН и МПГУ. Специально была предусмотрена секция для молодых ученых (12 докладов). Конференция показала, что особо актуальными являются проблемы, связанные с взаимодействием глубинного и поверхностного уровней текста, со способами создания и выявления имплицитного языка, внутреннего фона, на основании которого создается собственно литературный текст. В рамках данной конференции были намечены новые ракурсы изучения подтекста как широко понимаемого имплицитного знания. Это в первую очередь исследование таких парных понятий, как имплицитность и суггестия, имплицитность и избыточность, имплицитность и эвфемия. Многие докладчики затрагивали также тему фоновых знаний и полноты/неполноты коммуникации, пытаясь ее разрешить на разных уровнях лингвопоэтического исследования (например, на тропеическом уровне или уровне когнитивного авторского тезауруса). Рассмотрение различных уровней внутритекстового и межтекстового взаимодействия привело к идее их глубинного пересечения, собственно и порождающего сферу имплицитного, на базе которой рождается когерентность текста. Докладчики пришли к выводу, что иррадирующими уровнями становятся метрический и фонетический, которые в обычном естественном языке не относят к «смысловым». Особое место принадлежит грамматическому уровню, создающему, по мысли М. Эпштейна, свою особенную «импликосферу». Кроме теоретических проблемных докладов на конференции были представлены исследования индивидуально-авторских систем выдающихся прозаиков и поэтов XIX–XX вв. (среди них Л. Толстой, Н. Гоголь, И. Гончаров, В. Набоков, Б. Поплавский, Б. Пастернак, М. Цветаева, И. Бродский), современные прозаики (В. Аксенов, В. Пелевин, Т. Толстая, Л. Улицкая, Н. Габриэлян и др.), драматурги (Л. Петрушевская) и поэты (Г. Айги, Т. Кибиров, Б. Кенжеев и др.). Ряд докладов был посвящен характеристике общекультурного контекста разных эпох начиная с 1970-х гг., когда отмечалось особое тяготение литературы к эзопову языку и к ориентации на создание «шифрованных текстов», и кончая самой современной постмодернистской литературой, демонстрирующей снятие всех запретов, что ведет к пересмотру границы между имплицитностью и эксплицитностью художественного высказывания.

21–22 мая 2010 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина состоялся II Международный симпозиум «Терминология и знание», организованный Терминологическим центром Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и кафедрой общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, в котором приняли участие около 50 специалистов из Белоруссии, Литвы, России, Финляндии, Швеции. Сопредседателями симпозиума были руководитель проекта ректор Государственного Института русского языка им. А.С. Пушкина Ю.Е. Прохоров и директор Института русского языка им. В.В. Виноградова А.М. Молдован.

Программа этого научного форума охватывала широкий круг тем, включающий следующие вопросы:

1. Философия термина: основные имена и идеи.
2. Научная картина мира сквозь призму терминологии: имеются ли национальные особенности?
3. Национальные терминологические ресурсы в бумажной и электронной формах.
4. Основные лингвистические результаты изучения терминологии за последние 25 лет.
5. Связь терминологии и научной теории.
6. Особенности терминологии гуманитарных наук.
7. Особенности лингвистической терминологии по сравнению с терминологией других наук – гуманитарных и негуманитарных.
8. Семантика термина и семантика нетерминологических единиц – что общего и что различного?
9. Терминология и другие классы специальной лексики – профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, квазитермины, предтермины, прототермины, терминоиды и т. п.
10. Существует ли терминологическая лексика вне сфер профессиональных занятий?
11. Прикладное терминоведение: состав, современное состояние, перспективы.
12. Книжная и компьютерная лексикография: состояние и ближайшие перспективы.
13. Что нового дало науке о терминах когнитивное терминоведение?
14. Принципиальные идеи автоматизированного извлечения терминов из текста.
15. Роль терминологии в формализованном представлении научного знания.

С 21 по 26 июня 2010 г. в Москве проходила международная конференция «Язык и общество в современной России и в других странах», которая была подготовлена и проведена Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. В работе конференции приняли участие 123 ученых, экспертов по языковым вопросам из 27 стран мира, в том числе 75 участников из России и СНГ, 46 из дальнего зарубежья. Участники конференции представляли следующие страны: Ав-

стралию, Австрию, Белоруссию, Бельгию, Великобританию, Венгрию, Германию, Израиль, Индию, Италию, Казахстан, Кипр, Киргизию, Латвию, Литву, Мексику, Монголию, Россию, США, Таджикистан, Узбекистан, Украину, Финляндию, Францию, Хорватию, Швейцарию, Эстонию, Японию. Значительное влияние на процессы функционирования языков оказывает глобализация, которая преимущественно касается мировых языков, их соперничества в разных сферах коммуникации в разных странах мира. Влияние этого процесса на отдельные языковые пространства требует особых исследований. В двадцатом столетии наиболее значительные изменения в соотношении общества и языка произошли после распада СССР: перестраиваются языковые общности стран бывшего Советского Союза, идет юридическая перестройка, переориентация с одних языков на другие, смена языковой компетенции. В связи с этим стали неизбежными открытые и латентные языковые конфликты. На конференции были рассмотрены следующие основные проблемы: социолингвистика XXI века как междисциплинарная наука; методы социолингвистических исследований; новые технологии и их роль в развитии социальной лингвистики; языковая ситуация, языковая политика и языковое законодательство в разных странах мира; языковые общности; языки малочисленных народов; взаимодействие языков, влияние языков международного общения на другие языки; язык и культура; роль языка в национально-языковых конфликтах; развитие и сохранение национальных языков в современном мире. В рамках конференции работали секции по указанной проблематике, а также два круглых стола: «Евролингвистика во внутриевропейской и глобальной перспективе» и «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в русском и других языках: история и современность».

С 21 по 23 июня 2010 г. в Институте лингвистических исследований РАН прошли очередные международные ежегодные чтения, посвященные памяти И.М. Тронского. К началу конференции были изданы материалы, включавшие более 70 докладов¹. В чтениях приняли участие российские ученые из Москвы, Петербурга, Волгограда, Саратова, Ярославля, а также их за-

¹ «Индоевропейское языкознание и классическая филология–XIV (чтения памяти И.М. Тронского)». Материалы междунар. конф., проходившей 21–23 июня 2010 г. В двух частях / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2010. Публикация доступна на сайте ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru>).

рубежные коллеги из Австрии, Италии, США, Испании, Сербии, Хорватии, Литвы, Украины, Казахстана, Молдавии. Первое пленарное заседание было посвящено остро дискутируемым проблемам индоевропейских и неиндоевропейских языков во II тыс. до н. э. Хайнрих Айхнер из Венского университета выступил с большим докладом «Тирренские языки: ретский, этрусский, лемносский», в котором рассказал слушателям о своих последних исследованиях этой недавно выделенной группы языков, которые территориально охватывали Эгеиду (Лемнос), Аппенинский п-ов (Этрурия), Альпы и явно не являлись членами индоевропейской языковой семьи. Н.Н. Казанский в докладе «Возможные следы ликийского языка в линейном письме А» выдвинул предположение о том, что создатель линейного письма А был носителем индоевропейского языка (ликийского), в котором начальный ларингальный переходил в заднеязычный. В следующих трех докладах обсуждались отдельные греческие и латинские этимологии. Дальнейшая работа конференции проходила в форме тематических секционных заседаний.

Следующие Чтения памяти И.М. Тронского, прошедшие с 20 по 22 июня 2011 г. в ИЛИ, также были поддержаны грантом РГНФ.

Постоянно действующий семинар «Варьирование в языке и культура речи» был проведен 25–27 июня 2010 г. в Национальном исследовательском Томском политехническом университете. Цель мероприятия заключалась в осмыслении и подведении итогов научно-практической деятельности преподавателей и сотрудников высшей школы, преимущественно молодых ученых, аспирантов, соискателей в различных сферах лингвистики (методологии, социолингвистике, вариантологии, теории нормы и ортологии, риторике и культуре речи, стилистике, текстоведении, лексикологии, лексикографии, когнитивной лингвистике и др.), связанных с вопросами варьирования, а также в соединении отечественного и зарубежного опыта в этой области. На обсуждение были вынесены такие проблемы, как: варьирование современных языков и проблема нормы; модификация языковых и речевых единиц и культура речи; лексикографическая интерпретация явления варьирования в словарях русского, английского, немецкого и других языков; аспекты, способы изучения переменных единиц языка, речи. Семинар проводился под общим руководством научного отдела Энергетического института ТомПУ (директор Ю.С. Боровиков), научного управления Томского политехнического университета (проректор В.А. Власов). Программа научного

мероприятия включала два пленарных заседания, одно секционное заседание, семинар по обсуждению стендовых докладов, аспирантский семинар, проблемную лекцию, цикл занятий и круглый стол «Культура речи молодого поколения».

Международная научная конференция «Язык, культура, общество. Российско-Британские исследования» проводилась 18–22 июля 2010 г. в Москве, в Президиуме Российской академии лингвистических наук в рамках ставшей традиционной Международной научной конференции «Язык, культура, общество», которая проходит раз в два года. Работа конференции осуществлялась в семи секциях: исследования в области русского и английского языков, исследования в области англистики, теоретические вопросы лингвистики, вопросы социолингвистики, российское и британское литературоведение, лингводидактика, история книги: прошлое и настоящее, актуальные вопросы развития общества. В рамках первой секции были проведены презентации английского тезауруса, изданного Джейн Робертс, и «Словаря истории русских слов», созданного под руководством Э.Ф. Володарской.

На факультете иностранных языков Таганрогского государственного педагогического института с 15 по 17 сентября 2010 г. прошла научная конференция «Наука о языке и Человек в науке», посвященная памяти выдающихся романистов В.Г. Гака и Л.М. Скредлиной. В адрес оргкомитета поступило 125 статей, которые составили два тома сборника научных трудов конференции, опубликованного к ее началу, в том числе и в электронном виде. Работу конференции открыл проректор по научной работе ТГПИ А.В. Федоров. С приветственным словом к участникам конференции обратился руководитель проекта – завкафедрой французского языка А.М. Червонный, который в своем выступлении рассказал о жизненном и научном пути В.Г. Гака и Л.М. Скредлиной. На пленарном заседании было заслушано семь докладов: акад. РАЕН В.М. Лейчика, завотделом индоевропейских языков Института языкознания РАН И.И. Челышевой, завкафедрой общего языкознания ТГПИ П.В. Чеснокова, завкафедрой французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета А.В. Алферова и др.

С 30 сентября по 8 октября 2010 г. на территории филиала Института искусств и информационных технологий (г. Зеленоград) был проведен международный семинар «Перевод пророческих текстов Ветхого Завета» в рамках постоянно действующего семинара «Проблемы библейского перевода»

(рук. Е.П. Чельшев). В семинаре приняли участие переводчики, редакторы, координаторы и консультанты из разных проектов Института перевода Библии и партнерских организаций. Также в нем приняли участие иностранные специалисты по различным областям перевода Библии, административные координаторы и другие сотрудники из московского офиса ИПБ. Перевод пророческих книг Ветхого Завета представляет существенные проблемы самого разного характера, и это определяет актуальность избранной на 2010 г. темы, ее теоретическую значимость и практическую новизну. Многие аспекты переводческих методик, касающиеся пророческих книг, могут быть применены в том или ином виде и к другим библейским текстам, а также к иным книгам, которые переводятся на языки народов Российской Федерации. В ходе семинара обсуждался широкий спектр вопросов, связанных с переводом пророческой литературы. Вначале делались презентации по темам, затем следовали дискуссии о ситуации с переводами на конкретные языки, представленные на семинаре. Каждый доклад сопровождался оживленной дискуссией, также проводились практикумы по переводу на родные языки участников семинара.

Следующий семинар в рамках данного проекта «Перевод посланий Нового Завета», запланированный на 2011 год, также поддержан грантом РГНФ этого года.

VI Международная научная конференция «Фонетика сегодня», организованная отделом фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, проходила 8–10 октября 2010 г. в Звенигороде. На пленарных и секционных заседаниях было представлено и обсуждено более 60 докладов, которые были прочитаны учеными – представителями многих стран мира: Великобритании, Греции, Казахстана, Нидерландов, России, Франции. В конференции приняли участие как всемирно известные ученые-фонетисты, так и представители молодого поколения – аспиранты и студенты, для многих из которых это был первый опыт участия в международной конференции такого уровня. Работа конференции была организована по следующим направлениям: сегментная фонетика, просодия, фонология, орфоэпия, современные методы фонетических исследований, диалектная фонетика и лингвогеография.

На современном этапе развития лингвистической науки, как показывает анализ докладов, остро актуальным является фиксирование живых изменений в современной звучащей речи, выявление и описание подвижных участков русской фонетической системы и определение причин и условий протекания этих изменений.

Сосуществование как минимум двух хронологических производительных социолингвистических подсистем – «старшей» и «младшей» нормы – естественная форма эволюции звукового строя языка, при этом характер, способы и скорость протекания процесса замены одного языкового стандарта другим специфичны в различных социумах и в различные эпохи существования языка. Во многих докладах были продемонстрированы результаты новых наблюдений над изменениями в фонетическом строе русского языка. При этом многие докладчики в своих исследованиях отошли от традиционно фиксировавшихся фактов и схем, описывающих уже реализованные закономерности, и сосредоточились на изучении только зарождающихся сдвигов в отдельных фрагментах как сегментной, так и просодической системы.

19–20 октября 2010 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета прошла Всероссийская научная конференция «Ларинские идеи и современная лексикография», посвященная 50-летию юбилею Межкафедрального словарного кабинета, созданного на филологическом факультете Ленинградского университета по инициативе Б.А. Ларина и носящего сегодня его имя. Межкафедральный словарный кабинет был задуман Б.А. Лариным как научная лаборатория по составлению экспериментальных словарей различных типов, по изучению функционирования слова в разных сферах его применения. МСК стал базой новаторских лексикографических работ и научных исследований по ряду теоретических проблем (семасиологии, истории и диалектологии русского языка, фразеологии, стилистике художественной речи). За 50 лет работы МСК им. Б.А. Ларина опубликовано около 50 томов фундаментальных толковых словарей; на базе МСК издается ряд межвузовских сборников. Юбилейная конференция была сфокусирована на актуальных проблемах современной лексикографии в свете идей Б.А. Ларина. Основные темы были представлены следующими направлениями: региональная лексикография и лексикология, историческая лексикография и лексикология, словарь писателя и теория художественной речи, фразеологические словари и проблемы фразеологии, русская разговорная речь, паремиология и жаргонология. В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Вологды, Иванова. Работа заседаний была организована тематически. Темой докладов на пленарном заседании стали наиболее новаторские, дискуссионные ларинские идеи и их воплощение учеными-лексикографами из Санкт-Петербурга, Пскова, Саратова. Председатель оргкомитета А.С. Герд

(СПбГУ) в своем вступительном слове «50 лет Межкафедральному словарному кабинету им. проф. Б.А. Ларина» очертил основные направления деятельности кабинета за прошедшие годы.

Третья международная конференция по самодистике, которая прошла 26–28 октября 2010 г. в Институте филологии Сибирского отделения РАН, продолжает традицию проведения международных научных конференций, посвященных изучению самодийских языков, находящихся под угрозой исчезновения: языков ненцев, энцев, селькупов и нганасан, проживающих в приполярных областях РФ. В докладах участников были представлены результаты исследования языков самодийских народов в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, диалектной лексикографии, охарактеризованы особенности текущей социолингвистической ситуации, ареальные контакты с другими языками Сибири, вопросы самодийского субстрата в алтайских языках, специфика самодийских языков на фоне других языков данного ареала, а также типологически и ареально обусловленные черты сходства. Во время конференции особое внимание было уделено истории и перспективам изучения лесного диалекта ненецкого языка в связи со 100-летием со дня рождения одного из первых специалистов по ненецкому языку Г.Д. Вербова, а также 75-летием Я.Н. Поповой, издавшей труд Г.Д. Вербова и подготовившей словарь лесного диалекта ненецкого языка. В докладах участников нашли отражение новые подходы к документации исчезающих языков; были охарактеризованы архивные материалы по самодийским языкам, условия и принципы сбора языковых данных, хранения и обеспечения доступа к ним. В конференции приняли участие ученые-самодисты из России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Дудинка, Салехард), Германии (Лейпциг, Мюнхен, Гамбург, Берлин), Венгрии (Сегед), Эстонии (Тарту), Польши (Щецин), а также специалисты по тюркским, тунгусо-маньчжурским, монгольским, чукотско-корякским, юкагирским и др. языкам из Горно-Алтайска, Читы, Иркутска, Улан-Удэ, Кызыла, Якутска, Новокузнецка, Междуреченска, Абакана, Уфы и др., в докладах которых были охарактеризованы ареальные контакты с самодийскими языками, субстратные явления, получающие объяснение только на основе взаимодействия алтайских и др. языков с самодийскими языками в глубокой древности.

Кафедра финно-угорской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова провела с 17 по 19 ноября 2010 г. международную научную конференцию «А к-

туальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков и литератур». Конференцию поддержали все посольства стран изучаемых языков. Для участия в конференции была подана 41 заявка от научных исследователей и преподавателей вузов Российской Федерации и зарубежных научно-исследовательских центров. В работе конференции приняли участие также сотрудники научно-исследовательских центров Москвы (Институт языкознания РАН, Институт славяноведения РАН). Зарубежные участники были представлены преподавателями Тартуского университета, вузов Венгерской Республики, учеными из Финляндии, исследователем-литературоведом из Словацкой Республики. На конференции звучали все изучаемые языки: венгерский, финский, эстонский и, конечно, русский. Были открыты три секции: финно-угорское языкознание; литература и фольклор финно-угорских народов и преподавание финно-угорских языков.

Конференция показала, что проблема изучения уральских языков остро стоит не только перед отечественными, но и перед зарубежными исследователями. Обсуждение докладов представителей региональных вузов РФ обнаружило в первую очередь острую потребность в проведении мероприятий подобного рода именно в центре (в Москве), что дает возможность активизировать обмен научными идеями и создавать совместные научно-исследовательские проекты. Кроме того, были выявлены острые проблемы в языковой политике регионов страны. Недостаточное финансирование национальных языковых центров стало причиной свертывания исследований национальных языков. Миграционные потоки, имеющие центростремительные характер, выявили проблемы в преподавании национальных языков в общеобразовательных школах. Отмечается снижение престижности изучения национальных языков и культур в регионах и одновременно повышенный интерес к ним в центральном регионе страны. В настоящее время в попытке противостоять явлению глобализации усилился интерес к изучению национальных языков и культур в ведущих вузах (Москва, Санкт-Петербург, Тарту). В ходе дискуссий были выявлены приоритетные направления научных исследований в области финно-угроведения. Ими являются изучение национальных языков (вепский, водский, самодийский, мордовский), многим из которых грозит исчезновение; сопоставительное-типологическое изучение уральских языков (лексический и грамматический строй); литературоведческие исследования, изучение истории переводов национальных литератур. Еще

одним недостаточно разработанным направлением научных исследований является лингвокультурология.

Международная конференция «Функционирование русского языка в условиях двуязычной образовательной среды» проходила в Санкт-Петербурге с 8 по 12 декабря 2010 г. на базе ЗАО «Златоуст». В конференции приняли участие зарубежные специалисты из 16 стран (Белоруссии, Украины, Финляндии, Швеции, Шотландии, Италии, Испании, Франции, Грузии, Эстонии, Литвы, Латвии, Швейцарии, Бельгии, Казахстана, Китая), работающие в двуязычных образовательных учреждениях или в ситуации использования русского языка как языка обучения в иноязычном окружении, а также их коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга и шести национальных субъектов Федерации, которых интересуют проблемы билингвального образования (всего 128 участников). Один из круглых столов конференции был организован при участии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Конференция предполагала очное и заочное участие (при условии получения развернутого доклада), ряд участников выступил через сеанс видеосвязи или прислал готовые видеоматериалы, почти все доклады вошли в опубликованный к началу конференции сборник материалов. Докладчики первого пленарного заседания осветили участие России в международных образовательных проектах Совета Европы, познакомили участников с новыми тенденциями в преподавании иностранных языков, развиваемыми Советом Европы (К.М. Ирисханова, МГЛУ). Декларируемый в европейском образовательном пространстве переход от социокультурной к межкультурной компетенции вызвал правомерные сомнения аудитории на фоне усиливающихся конфликтов на этнической почве, противоречий в поддержке приобретенного двуязычия в ущерб естественному, очевидно-го краха деклараций десятилетней давности о поддержке всех европейских языков и культур в связи с финансовыми проблемами, с одной стороны, и непредвиденными процессами в интеграции мигрантов, с другой. Большой интерес вызвала группа докладов, связанных с тестированием по русскому языку граждан зарубежных стран и лиц без гражданства.

В 2011 году РГНФ поддержал проведение тринадцати конференций и одного постоянно действующего семинара. География этих мероприятий по-прежнему ориентирована на Москву (3 конференции и 1 семинар) и Санкт-Петербург (4 конференции). Помимо этого конференции пройдут в Астрахани, Омске, Кемерове (2 конференции) и Благовещенске.

В апреле 2011 г. в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова прошла XIII Международная конференция «Текст. Структура и семантика». Прикладная значимость проекта заключается во введении и в высшее и в школьное образование, наряду с традиционными, инновационных методик и практик изучения текста произведения, перевода текста и создания словарей языка писателя.

Весной 2011 г. исполнилось 50 лет со дня создания А.А. Холодовичем в ЛО ИЯ АН СССР группы типологического изучения языков. За прошедшие годы группа (ныне Лаборатория типологического изучения языков ИЛИ РАН) превратилась в один из признанных научных центров в области теоретической лингвистики в мире и является организационным ядром Петербургской типологической школы. Международная конференция, которая была приурочена к юбилею Петербургской типологической школы, прошла с 25 по 28 мая 2011 г. и была посвящена проблемам, разрабатывавшимся в течение 50 лет ее истории: типология грамматических категорий, теория диатез и залогов, глагольные конструкции в разноструктурных языках.

13–15 июня 2011 г. в Благовещенске прошла Международная конференция «Фонетика без границ», посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Цель конференции состоит в развитии международной коммуникации специалистов в различных областях фонетики и фонологии. Интеграция России в глобальное образовательное пространство предоставляет широкие возможности для обмена знаниями и опытом, обсуждения результатов фонетических исследований и способов их оптимального внедрения в обучение в высшей школе. Проведение конференции вносит вклад в решение ряда проблемных вопросов в обозначенных областях исследования и будет способствовать развитию международного сотрудничества ученых дальневосточного региона.

Вторая международная научная конференция «Речевая коммуникация в современной России» прошла 27–30 июня 2011 г. в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского. Конференция ставит своей целью широкое научное обсуждение проблем речевой коммуникации в различных социальных сферах: в политике, бизнесе, СМИ, рекламе, связях с общественностью и т. д. Необходимо отслеживать и прогнозировать развитие дискурсивных практик и создаваемые в них новые социальные импульсы. В обсуждении принимают участие не только ученые, но и практики: работники органов государствен-

ного и муниципального управления, специалисты по связям с общественностью и рекламе, журналисты.

С 30 июня по 3 июля 2011 г. в Кемеровском государственном университете прошла VII Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования». Ее целью было познакомить студентов, аспирантов и преподавателей вузов сибирского региона с современными проблемами науки о языке, испытывающей на сегодняшний день радикальные изменения в методологии и онтологии своего объекта. Работа конференции шла по следующим направлениям: 1) семиотика; 2) когнитивная лингвистика и когнитивное словообразование; 3) системная лингвистика; 4) лингвопрагматика; 5) лингвистика дискурса и текста.

Вслед за этим мероприятием, 1–4 июля 2011 г., там же, в Кемеровском государственном университете, прошла IV Международная научная конференция «Молодежь России и славянского мира: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике», продолжающая традиции международных научных конференций, посвященных русской и шире славянской концептуальным системам, которые проводились в 2006, 2009, 2010 гг. На конференции обсуждались такие вопросы, как теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований; концептуальная система и ментальность народа; языковая, обыденная (наивная), индивидуально-авторская картины мира; концептуальная система и язык; сопоставительная концептология; концепт и культура; методика исследования и типология концептов; лингвокультурная теория дискурса; лингвистическая персонология; лингвокультурная концептология; проблемы структуры сознания и структуры языкового сознания; языковое сознание и ментальный лексикон; экспериментальные методы исследования языкового сознания.

Международная научная конференция «Славянская диалектная лексикография», прошла 19–23 сентября в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Практически вслед за этим, с 25 сентября по 1 октября, под Москвой состоялась Международная конференция «Русские диалекты в общеславянском контексте», организованная Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Конференция дала возможность научного общения диалектологам, лингвогеографам и славистам разных научных школ из многих регионов России и зарубежья. Тематика конференции позволила

объединить усилия академической и университетской науки, а также привлечь к работе молодое поколение исследователей – аспирантов и студентов.

В Астраханском государственном университете с 13 по 15 октября 2011 г. прошла Всероссийская конференция с международным участием «Язык в социокультурном пространстве и времени». Конференция была посвящена проблемам взаимодействия языка и литературы в контексте эволюции общества. Соединение в рамках одной конференции проблем лингвистики, текстологии и литературоведения не случайно. Социокультурные факторы являются объединяющим началом и для исследования изменений в языке, и для изучения новых тенденций в литературе.

Конференцию «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы» провели в Московском государственном лингвистическом университете 17–18 ноября 2011 г. Этот международный научный форум был посвящен проблемам дискурса как способа реализации и воспроизводства социальных отношений, его цель – вовлечение в обсуждение проблем дискурсивной деятельности человека, находящейся на стыке многих дисциплин, экспертов-ученых из разных областей гуманитарного знания. Приоритетными для конференции являлись следующие направления: дискурс как воспроизводство социальных практик; особенности институциональной коммуникации в современном мире; виды и жанры институционального дискурса; роль и влияние новых медийных технологий на институциональное общение; профессиональная личность на стыке культур; стратегии профессионального поведения и коммуникации в разных культурах; гендерные аспекты коммуникации; когнитивная прагматика, методика и социолингвистика.

Международная научная конференция III Новиковские чтения «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем», посвященная 80-летию Л.А. Новикова, прошла в Российском университете дружбы народов 24–25 ноября 2011 г. На конференции велось обсуждение актуальных вопросов языковой семиотики и функциональной семантики, а также методов их изучения. Спектр проблем охватывал традиционные лексическую, грамматическую и сопоставительную семантику, начиная с более мелких языковых единиц и заканчивая дискурсом и текстом. Особый акцент делался на синтаксические, прагматические, коммуникативные, символические аспекты функционирования языка и его единиц.

9–12 ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге состоялась Третья всероссийская конференция «Кодификация современного русского языка: результаты и проблемы». Организаторы ставили своей задачей отозваться на насущную необходимость перейти от рассмотрения частных лингвистических феноменов и от полемических выступлений о порче языка к объективному описанию русской языковой системы и ее функционирования, а также к оценке многообразия изданий, фиксирующих происходящие новации, и на основании экспертных оценок достигнутых результатов предложить научные рекомендации для образовательного стандарта высшей школы третьего поколения.

Лингвистические экспедиции

В 2010 г. было осуществлено шесть экспедиционных проектов, поддержанных Фондом. Из них три продолжаются в 2011 г. Все они являются частью долгосрочных и многоаспектных исследований диалектов и говоров русского языка, других языков России и ареальных взаимодействий.

В 2010 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН завершился очередной этап многопланового проекта «Полевые исследования русских говоров России и зарубежья», возглавляемого Л.Л. Касаткиным. В ходе его реализации диалектологи ИРЯ РАН организовали и провели двенадцать экспедиций: девять российских и три зарубежных. Проведены полевые исследования говоров, находящихся на территории Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Ярославской областей, в старообрядческих поселениях Эстонии и Украины. Обследованы архаичные славянские говоры Хорватии, акцентуация которых представляет интерес для праславянской акцентной реконструкции. За время полевых исследований сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью более 270 часов. Для сбора материала использовались авторские вопросники по всем уровням языка. Полученные записи, отражающие языковые особенности русских говоров ряда диалектных групп, дополнили созданную в ИРЯ уникальную базу данных звучащей речи. Развитие этого проекта поддержано и в рамках конкурса РГНФ 2011 года.

Близкая к предыдущей тема является содержанием проекта комплексной экспедиции «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки» под руко-

водством О.Г. Ровновой (ИРЯ). Основная цель экспедиции в Бразилию заключалась в выполнении аудиозаписей бесед со старообрядцами на темы, согласующиеся с комплексным характером экспедиции. Участниками экспедиции выполнено более 110 часов аудиозаписей (опрошено свыше 50 человек в возрасте от 90 до 9 лет). Содержание аудиоматериалов соответствует трем направлениям обследования старообрядческих общин. В продолжение этого проекта в конкурсе 2011 года поддержана комплексная экспедиция под тем же руководством «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки (Аргентина, Уругвай)».

Другая многолетняя и многоплановая экспедиционная программа связана с исследованиями различных (в первую очередь малых и угрожаемых) языков России под общим руководством А.Е. Кибрика (заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). В 2010 г. был осуществлен проект «Экспедиции по сбору данных уральских и кавказских языков». В рамках проекта состоялась экспедиция в Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа по изучению обско-угорских языков и языка коми в с. Теги, где были проведены исследования по языкам обско-угорской группы (мансийскому и хантыйскому), а также в пгт. Березово, где были проведены исследования социолингвистической ситуации в мансийском, хантыйском и языке коми. Помимо работы по сопоставительному изучению ряда грамматических категорий хантыйского и мансийского языков проводилась работа по документации языков. Также состоялась экспедиция в с. Даргавс (РСО–Алания) по изучению иранского диалекта осетинского языка. В задачи экспедиции входили уточнение и перепроверка материалов, собранных творческим коллективом проекта в 2007–2009 гг. в рамках экспедиций, финансируемых РГНФ, а также проверка теоретических выводов, полученных в результате анализа данного материала.

В 2011 г. в рамках данного проекта будут проведены экспедиции по сбору данных уральских и алтайских языков, а именно проведение полевого исследования хантыйского языка и мишарского диалекта татарского языка, относящегося к тюркской группе алтайской семьи.

Проект под руководством Т.Ю. Игнатович (руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическое краеведение Забайкалья» Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского) «Исследование

современного состояния русских говоров Восточного Забайкалья» состоялся в виде экспедиции в села Нерчинского, Чернышевского и Шилкинского районов в июле–августе 2010 г. Была осуществлена диктофонная запись речи местных жителей в объеме 20 часов звучания. Собранный диалектный материал и его анализ дополнили системные представления о современном состоянии русских говоров северорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья.

Под руководством А.А. Сюрюн (ИЛИ РАН) с июня по сентябрь 2010 г. прошла экспедиция по изучению тувинского и тофаларского языков. За это время на территории Тувы были обследованы села Аржаан, Уюк, Хадын, город Туран Пий-Хемского района, село Хандагайты Овюрского района, село Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района, село Шуи Бай-Тайгинского района, село Мугур-Аксы Монгун-Тайгинского района, села Тоора-Хем, Ий, Адыр-Кежиг Тоджинского района. Участникам экспедиции удалось зафиксировать центральный, западный, а также два своеобразных, особенно труднодоступных, изолированных от других разновидностей тувинского языка, тоджинский диалект и терехольский говор. В целом записано около 130 часов аудиозаписей с 85 носителями языка.

Проект «Комплексная экспедиция по сбору материала по языкам, фольклору и традиционному искусству народов Дагестана» был осуществлен в 2010 г. под руководством М.И. Магомедова (директора Института языка литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН). Были собраны, проанализированы и систематизированы материалы по диалектным особенностям карахского, хунзахского и салатавского диалектов аварского языка, а также материалы по диалектным особенностям северного диалекта табасаранского языка с параллельным сбором топонимического материала по территории распространения данных диалектных единиц.

В 2011 г. РГНФ поддержал еще три экспедиционных проекта. Первый – это «Экспедиционное исследование сойкинско-го диалекта ижорского языка» под руководством Т.Б. Агранат (Институт языкознания РАН). В рамках проекта планируется выезд в места проживания носителей говоров сойкинско-го диалекта ижорского языка – несколько деревень, расположенных на Сойкинском полуострове (Кингисеппский район Ленинградской обл.) и сбор данных по всем языковым уровням, включая сбор и расшифровку корпуса текстов. До настоящего времени сохранилось только два диалекта ижорского языка, оба

являются вымирающими. Все носители – люди старшего поколения, в такой ситуации полевое исследование идиома и его документирование становится неотложной задачей.

Второй проект «Экспедиция к верхнетолькинским селькупам в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа» под руководством О.А. Казакевич (НИВЦ МГУ) направлен на продолжение работы по документации северного наречия селькупского языка. В ситуации стремительно развивающегося среди селькупов процесса языкового сдвига (перехода с этнического языка на русский) сделать новые качественные записи звучащей речи на верхнетолькинском говоре необходимо как можно скорее, пока еще имеется достаточное число его носителей. Все сделанные во время экспедиции аудиозаписи и расшифровки текстов, а также аудиозапись словарных и грамматических материалов будут перенесены на электронные носители и пополнят мультимедийный компьютерный архив говоров северных селькупов.

Третий поддержанный проект под руководством А.Н. Соболева (Институт лингвистических исследований РАН) направлен на изучение вопроса об общих (для Евразии) и специальных для Балкан процессах языковой и культурной конвергенции и дивергенции, исследование которых ценно для получения научного представления о современных поликультурных и многоязычных обществах. Планируется введение в научный оборот материалов экспедиций 1996–1999 и 2009 гг., финансировавшихся РГНФ, а также материалов экспедиций 2010 г. путем архивации и создания электронной базы данных. Предполагается продолжить сбор материала в центральных регионах Балканского полуострова, в которых наблюдаются наиболее интенсивные межэтнические и лингвистические контакты, но одновременно убыстренными темпами проходит разрушение старого диалектного ландшафта и этнической структуры. Наконец, планируется предпринять обследование наиболее репрезентативных дакорумынских диалектов в Румынии.

Издательские проекты

РГНФ финансирует в 2011 г. издание словарей, диалектологических атласов, монографий, коллективных монографий и переводов памятников.

Словари, атласы, энциклопедии

1) *Словарь русского языка XVIII века. Вып. 19.* Руководитель проекта – Е.Д. Коноплина. В словаре представлено систематическое описание лексики русского языка в период

формирования в России нового литературного языка на национальной основе.

2) *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 4.* Руководитель проекта – Е.И. Зиновьева. Словарь, замысел которого принадлежит Б.А. Ларину (1960-е гг.), содержит систематическое описание лексики и фразеологии обиходного русского языка XVI–XVII вв., начального периода формирования национального русского языка, по материалам группы памятников литературно-письменного языка на народно-разговорной основе. Исследовано около 200 источников, созданных в Москве и других областях Московской Руси, также в корпус Словаря вошли данные российских региональных исторических словарей русского языка XVI–XVII вв., опубликованных за последние 20 лет.

3) *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29.* Руководитель проекта – В.Б. Крысько. Проект предполагает публикацию 29 выпуска Словаря, в который входят словарные статьи конца буквы «С» (сулежь–сящийся) и половина материала по букве «Т» (т–тольмиже). В 29 выпуске, базирующемся на данных Картотеки ДРС Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и широкого круга опубликованных и неизданных памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. и среднерусской письменности XV–XVII вв., учитываются также электронные словники к отдельным источникам и приняты во внимание последние исследования в области истории русского языка. Материал исторических словарей XIX в. подвергнут в том же последовательной верификации по рукописям.

4) *Большой академический русско-монгольский словарь. Т. I (А–Д).* Руководитель проекта – Г.Ц. Пюрбеев. Настоящий Словарь содержит около 70 000 слов и выражений современного русского языка с переводом их на монгольский. Он включает общеупотребительную лексику русского языка различных стилевых сфер, а также разговорные и просторечные формы, термины по разным отраслям знаний, в том числе и узкоспециального характера. Наряду с ними широко представлены устойчивые словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки. В Словаре получили отражение иноязычные слова и термины, которыми пополнился русский язык за последние 20 лет.

5) *Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 5.* Руководитель проекта – О.В. Белова. Словарь «Славянские древности» – первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов, обобщающий результаты более чем веково-

го изучения славянских языков, фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства. В том включена также сводная библиография источников и архивных материалов по всем пяти томам словаря. Издание предполагается проиллюстрировать архивными фотоматериалами.

6) *Словарь говоров Русского Севера. Т. 5: Ка–Коняшка.* Руководитель проекта – М.Э. Рут. Данное издание является пятым томом издаваемого впервые многотомного «Словаря говоров Русского Севера», представляющего собой итог более чем тридцатилетних полевых сборов экспедиций Уральского университета на территории двух северных областей – Архангельской и Вологодской. Особенность словаря в широком представлении в нем народной терминологической лексики (географической, метеорологической, охоты и рыболовства, лесного хозяйства, народных ремесел и т. п.), а также заимствований из живых и субстратных языков, взаимодействовавших с русскими говорами на данной территории. Словарь позволит создать наиболее подробную картину бытования лексики в говорах одного из центров традиционной русской культуры.

7) *Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье.* Руководитель проекта – А.П. Майоров. Задача данного проекта – представить лексикографическую разработку уникального словарного состава забайкальского региолекта XVIII в., отражавшего становление лексических норм национального языка и особенности формирования лексической системы региолекта Забайкалья. В лексике забайкальской деловой письменности XVIII в. отражаются как общие черты словарного состава национального языка, так и специфика словаря регионального узуса. Становление лексических норм проявляется в том, что в документах определенных жанров книжно-славянские средства и европейские заимствования употреблялись в качестве терминов специальных сфер общения. С другой стороны, в языке забайкальской деловой письменности находит отражение самобытный пласт разговорной лексики регионального характера. В основном это слова северновеликорусского происхождения и локальные заимствования из языков коренного населения Сибири.

8) *Русский этимологический словарь. Вып. 4 (Боле–Бтарь-). Вып. 5 (Буба I–Вакиштаф).* Руководитель проекта – А.Е. Аникин. Словарь содержит систематизированный в виде статей свод этимологии русской лексики, включая топонимический материал. Не являясь тезаурусом, данный свод претендует на большую полноту, нежели другие лексикографические труды по русской этимологии, главным обра-

зом за счет широкого привлечения диалектных и древне-(старо-)русских слов.

9) *Этимологический словарь иранских языков. Т. 4.* Руководитель проекта – Д.И. Эдельман. Словарь является первым в иранском языкознании систематизированным сводом этимологии исконных слов всех живых и вымерших языков иранской семьи, зафиксированных в Иране, Афганистане, Таджикистане, Узбекистане, Пакистане, России и других странах. Каждая словарная статья включает древнейший реконструированный общеиранский прототип (и его праарийские и индоевропейские истоки) и его продолжения в разных иранских языках – живых и вымерших. Особое внимание уделено лексике «малых» живых бесписьменных языков, хранящих зачастую следы более архаичных слов и форм, чем те, что содержатся в древних памятниках. Это позволяет ввести новый материал в общеиранский и индоевропейский этимологический фонд.

10) *Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 6. Рефлексы *е.* Руководитель проекта – Т.И. Вендина. Лингвогеографическая интерпретация рефлексации гласного *е в пределах славянского континуума позволила уточнить содержание изоглосс, традиционно приписываемых отдельным ареальным языковым фрагментам континуума. Это касается как диахронического, так и структурно-типологического значения изоглосс. Материалы тома вводят в научный оборот новую информацию о сходствах и различиях славянских диалектов в области исторической фонетики, что дает возможность по-новому представить диалектную дифференциацию лингвистического ландшафта современной Славии.

11) *Русский идеографический словарь «Мир человека и человек в окружающем его мире» (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека).* Руководитель проекта – А.С. Белоусова. Словарь – опыт создания лексикографического труда нового жанра, в котором на основе принципиально новой теоретической концепции, разработанной академиком РАН Н.Ю. Шведовой, описывается понятийно-языковое ядро русской лексики, представленное ключевыми концептами, в опоре на идеи, принадлежащие самому языку, организующие его и скрепляющие его внутреннее строение. Идеи языковых смыслов и идеи концептуальных знаний представляются как неотъемлемое свойство лексической системы языка.

12) *Языки мира: Новые индоарийские языки.* Руководитель проекта – Л.И. Куликов. Цель энциклопедического издания «Языки мира» –

представить материал генетически, географически и типологически разнородных языков в сопоставимом виде. Описания выполняются в соответствии со специально разработанной типологически ориентированной схемой, которая имеет четыре модификации. Помимо собственно структурного лингвистического описания схема включает разделы, специально посвященные социолингвистическим и историческим сведениям о языке, а также составу его диалектов. Задачей данного проекта является издание очередного тома энциклопедии – «Языки мира: новые индоарийские языки», посвященного современным индоарийским языкам, входящим (наряду с мертвыми языками) в индоарийскую группу индоевропейской языковой семьи. В данный том, помимо описаний крупных языков, включены очерки, касающиеся средних и малых индоарийских языков и диалектов, в том числе бесписьменных и вымирающих.

Монографии

1) А.А. Зализняк. *Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель.* Книга содержит два словаря-указателя: общий и специальный, посвященный именам собственным. Они отражают, во-первых, весь древнерусский и старовеликорусский материал, обсуждаемый в книге А.А. Зализняка «Труды по акцентологии», и во-вторых, дополнительный акцентологический материал, извлеченный непосредственно из нескольких десятков рукописей. Словари-указатели совмещают функцию обычного указателя с функцией акцентологического словаря, который непосредственно дает сведения о древнем ударении каждого учтенного слова и его последующей эволюции.

2) А.В. Бондарко. *Категоризация в системе грамматики.* В книге рассматриваются взаимосвязанные аспекты категоризации: а) грамматические, лексико-грамматические и функционально-семантические единства; б) семантические функции; в) полевые структуры: центр и периферия; прототипы; континуальность; пересечения системных объектов; членения с элементами неоднородности (естественные классы); межкатегориальные связи; взаимодействие системы и среды; г) коррелятивность грамматических категорий (соотносительность их компонентов); д) языковые значения и смысловое содержание; категории грамматики и намерения говорящего; е) инварианты в системе категориальных значений. В связи с теоретическими проблемами категоризации анализируются (на материале русского языка) элементы полей аспектуально-

сти, темпоральности, таксиса, временной локализованности, персональности и залоговости. В заключительной главе рассматривается система видовых значений, а также (в связи с проблематикой аспектологии текста) семантика категории временного порядка. Книга отражает современный этап разработки теории функциональной грамматики.

3) Е.М. Верещагин. *Остромирово евангелие. Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания*. Монография состоит из диахронического и синхронического разделов. В первом выясняется специфика Остромирова евангелия на фоне других древних славянских евангелий и показывается его особая близость к первопереводу свв. Кирилла и Мефодия. Во втором разделе аргументированно устанавливается, что по качеству перевода и языка Остромирово евангелие не только может, но и должно стать образцом в общенациональном деле поновления славянской и русской версий Евангелия, называемых синодальными. Четыре примененных исследовательских метода указаны в подзаголовке монографии. Издание включает уникальные цветные иллюстрации.

4) Е.С. Копорская. *Славянизмы в русской языковой картине мира (истоки, история, современность)*. На большом фактическом материале автор прослеживает роль и место славянизмов в процессе развития национальной языковой картины мира, репрезентируемой языковой системой языка. Основное внимание в исследовании уделяется периоду становления национального русского литературного языка, взаимовлиянию русского и церковнославянского языков. Рассматривается роль славянизмов в формировании словарного состава языка и системных отношений в лексике, а также тех семантических и стилистических процессов, которые определили современный статус славянизмов как ключевых слов, отражающих русское национальное сознание и мировосприятие.

5) С.М. Толстая. *Категории времени и пространства в языке и культуре*. Книга продолжает серию исследований основных категорий символического языка славянской народной культурной традиции и посвящена фундаментальным онтологическим категориям пространства и времени, семантике, символике и оценке пространственных и временных единиц, их ритуальным функциям в обрядах и повседневном поведении, категоризации места и времени в языке и устной народной культуре и связанным с ними мифологическим представлениям славян, а также соотношению локативного и темпорального кодов культуры друг с другом и с другими параметрами и кон-

цептами культурной традиции. Публикуемые статьи основаны на богатом материале разных славянских языков и традиций (в том числе архивном), относящемся к разным сторонам народной культуры.

6) И.С. Улукханов. *Историческое словообразование. Историческая лексикология*. В книге сделана попытка продемонстрировать новые возможности изучения истории русского языка, открывающиеся благодаря беспрецедентному расширению базы источников – изданию фундаментальных исторических, этимологических и диалектных словарей, открытию многих памятников древнерусской письменности. Используя этот новый материал, автор описал эволюцию многих единиц русского словообразования и лексикологии; создал функционально-генетическую типологию словарного состава Древней Руси, которая может быть положена в основу исторической лексикологии русского языка. Использование новых источников позволило внести существенный вклад в решение центрального вопроса истории русского литературного языка – славянизмов и народно-разговорных элементов в его развитии.

Коллективные монографии

1) *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Руководитель проекта – Анна А. Зализняк. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении слов и выражений того или иного языка, складывается в единую систему взглядов, которую, сами того не замечая, принимают все носители данного языка. Реконструкции такой системы представлений, заложенной в русском языке, посвящена данная книга. В книгу вошли написанные в период с 1994 по 2009 год работы трех авторов (Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев), в которых исследуется русская языковая картина мира, ее устойчивые и изменчивые участки. Анализируются изменения, которые претерпели некоторые культурно значимые слова русского языка, в том числе за последние десятилетия. При этом показано, что эти изменения во многом обусловлены изменением той картины мира, которая стоит за языковыми выражениями. Например, в смене оценочного потенциала слов *карьера*, *амбициозный*, *агрессивный*, в появлении сочетания *успешный человек* отражается изменение отношения к категории успеха.

2) *Язык и дискурс СМИ в XXI веке*. Руководитель проекта – М.Н. Володина. Монография создана авторским коллективом филологов, философов, психологов, социологов и журналистов, поскольку глубокое изучение языка

СМИ возможно только на междисциплинарном уровне. Авторами книги являются представители МГУ им. М.В. Ломоносова, других университетов России, Казахстана и Украины, а также Института языкознания РАН. В создании коллективной монографии принимали участие видные ученые и молодые исследователи. Целью проекта является продолжение разработки концепции комплексного междисциплинарного исследования языка СМИ в аспекте восприятия и продуцирования текста. В книге освещаются общие и частные проблемы исследования языка и дискурса СМИ, которые представляются наиболее актуальными в настоящее время. К ним относятся информационно-языковая экология общества, методология анализа дискурса СМИ, механизмы воздействия СМИ на массовое и индивидуальное сознание, используемые в политическом, рекламном и других видах дискурса. Особое внимание уделяется рассмотрению речевой практики СМИ в ее отношении к языковой норме, а также исследованию активных процессов в развитии русского литературного языка, проявляющихся в текстах СМИ. Анализируются разные модусы и жанры медийного дискурса, представленные в прессе, на телевидении и в Интернете, с учетом национальной и региональной специфики их функционирования.

3) *Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий.* Руководитель проекта – И.И. Халеева. Монография представляет собой исследование различных аспектов языкового творчества с позиций семиотики и когнитологии. На основании анализа структуры и особенностей лингвосемиозиса предложено широкое понимание лингвокреативности как континуума, в котором сосуществуют разнообразнейшие акты творчества – от обыденного общения до поэтического искусства. В когнитивном плане лингвокреативность рассматривается как способность коммуникантов конструировать новый образ объекта с помощью создаваемых вербальных единиц и выражений, а также устоявшихся языковых средств, используемых в новых контекстах. В монографии описываются процессы гибридизации в «хеджах», номинализациях и именах собственных, а также в жанрах художественной литературы и маркетингового дискурса, в полимодальных текстах инструкций, газетно-публицистических статей и искусствоведческих комментариев. Явления интертекстуальности и переключения языкового кода анализируются с точки зрения процессов концептуальной интеграции, которые трактуются как когнитивное основание семиотических смешений.

4) *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и*

функциональный подходы. Руководитель проекта – А.И. Кузнецова. Издание представляет собой коллективную монографию по четырем финно-угорским языкам. В течение десяти лет участники настоящего проекта принимают участие в экспедициях, проводимых отделением Теоретической и прикладной лингвистики МГУ под руководством А.И. Кузнецовой. Экспедиции ставили целью описание неизученных особенностей фонетики, морфологии, синтаксиса и лексической семантики финно-угорских языков. С 2000 по 2010 г. были проведены поездки в лугово-восточный вариант марийского языка (новоторъяльский говор), печорский и ижемский диалекты коми-зырянского языка, бесермянский вариант удмуртского языка и шокшинский диалект эрзя-мордовского языка. Синтаксис и грамматическая семантика рассматриваемых идиомов достаточно сильно отличаются от литературной нормы. В издании подробно освещаются следующие темы: конструкция именной группы; дифференцированное маркирование прямого дополнения; система локативных падежей и отыменных послелогов; вариативность в оформлении числовых групп; преобладание нефинитного типа полипредикации над союзным типом. Подробное освещение данных тем позволит более полно охарактеризовать место изучаемых идиомов в типологических картах и описаниях.

5) *Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия.* Руководитель проекта – В.Ю. Михальченко. В коллективном труде представлена разработка общих принципов и методов социолингвистической типологии, установление функциональных типов языков и функциональных доминант, т. е. наиболее социально значимых и наиболее интенсивно функционирующих сфер общения. Основной предмет изучения – языки разных регионов (России и Монголии) и их функционирование в различных социальных сферах. В исследовании разработана социолингвистическая классификация языков разных регионов (на примере языков России и Монголии) на основе объема их социальных функций, измерения интенсивности их функционирования в разных сферах общения, а также исследование динамики языковых ситуаций в многонациональных регионах мира.

7) Издание монографии В.П. Недялкова, Г.А. Отаиной «Синтаксис нивхского языка». Руководитель проекта – Э.Ш. Генюшене. Подготовленная к печати книга «Синтаксис нивхского языка» представляет собой первое издание четырех работ выдающегося российского лингвиста В.П. Недялкова (1928–2009), написанных им в соавторстве с известным специа-

листом в области нивхского языка (и одновременно носителем этого языка) Г.А. Отаиной. Эти работы находились в архиве В.П. Недеялкова. Из них две большие работы никогда не публиковались (монография «Синтаксис нивхского языка» и большая статья «Выражение мультипликативности, дистрибутивности, итеративности и узитативности в нивхском языке»), а еще две статьи («Типы деривационных гнезд нивхских глаголов» и «Стативы от интранзитивов в нивхском языке») были опубликованы в малотиражных и практически недоступных изданиях. Огромный научный интерес, который представляет данная книга, посвященная описанию грамматического строя одного из малоизученных и исчезающих языков народов России, определяется тем, что над ее созданием работали вместе один из наиболее выдающихся российских лингвистов-теоретиков и специалист, для которого нивхский язык был родным.

8) Издание книги Н.А. Кожевниковой «Стиль Чехова». Руководитель проекта – З.Ю. Петрова. Н.А. Кожевникова – выдающийся ученый-филолог, известный специалист по исследованию языка русской художественной литературы, автор многих книг и статей, посвященных языку русских писателей XIX–XX вв. и целых литературных направлений – символизма, орнаментальной прозы, литературы русского зарубежья. В предлагаемой работе впервые предпринята попытка рассмотреть прозу и драматургию Чехова как единый текст с определенными законами построения и показать через слово мир писателя. Внимание в основном сосредоточено на двух общих проблемах: структуре повествования и типах повтора. В работе охарактеризованы средства создания плана персонажа, система точек зрения и оценок, способы передачи чужой речи. Особый раздел посвящен слову в драматургии Чехова. Кроме того, в книгу включены разборы нескольких произведений, на примере которых показаны общие закономерности построения фабульных и бесфабульных текстов.

Дмитрий Кантемир «Описание Молдовы» (*Principis Moldaviae, Descriptio antiquae et hodierni status Moldaviae*). 1714–1716. Руководитель проекта – Н.Л. Сухачев. В рамках настоящего проекта предполагается издать новый перевод с латинского языка с историко-филологическим комментарием труда господаря Молдовы Дмитрия Кантемира. В качестве основы издания использован наиболее полный список авторского оригинала, находящийся в рукописном отделе Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького. Работа, написанная в годы пребывания Д. Кантемира в России, ранее издавалась на румынском языке в переводе с немецкого (использовался перевод Бюшинга), во вторичном переводе с румынского языка она неоднократно переводилась и на русский. Данный труд Д. Кантемира является одним из основных источников по истории княжества Молдова до начала XVIII в., по исторической географии и политическому устройству этого Дунайского княжества и важным памятником научной мысли этого времени. Содержащиеся в трактате Д. Кантемира сведения являются важным свидетельством многовековых контактов народов России и Молдавии. В процессе перевода и подготовки указанного архивного списка к изданию выявлены его разночтения с двумя писцовыми списками того же труда, хранящимися в отделе рукописей Института восточных рукописей РАН. Прослежена двухвековая история публикаций труда Д. Кантемира в Германии, России, Румынии и Молдавии. Это первая в истории российской науки публикация «Описания Молдавии» на языке оригинала с параллельным переводом на русский и приложением факсимиле списка рукописи.

М.Б. Бергельсон

Сведения об авторе:

Мира Борисовна Бергельсон
МГУ им. М.В. Ломоносова
mirabergelson@gmail.com

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. **Рукописи** представляются в двух экземплярах. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. К рукописи прилагается **договор о передаче авторского права**. Текст договора см. на сайте Издательства «Наука» www.naukaran.ru. Подписывая договор, укажите, пожалуйста, Ваши паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан), почтовый адрес, телефоны, E-mail адрес.

1.2. В **состав электронной версии** статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации.

1.3. **Подготовка электронной версии основного текста.**

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Arial). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта – 11.

1.4. **Подготовка электронной версии графического материала.**

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;

- векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: Adobe Illustrator (до версии), и сделанные в других программах сохранять в формате EPS;

- для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате EPS.

2. **Примеры** в журнале принято давать курсивом, а значения их в кавычках.

3. **Библиография** в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

- «Код работы» (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа «и др.» или «et al.».

- Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:
Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

- Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – Н.С. Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

- Если это сборник или иное аналогичное издание, то «кодом» является одно из двух:

- а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием «ред.» (для других языков – ed., hrsg. и т.п.);

- б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – J. Greenberg (ed.). Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. В **тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию.

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

БЕ	–	Български език
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВИ	–	Вопросы истории
ВСЯ	–	Вопросы славянского языкознания
ВФ	–	Вопросы философии
ВЯ	–	Вопросы языкознания
ЕИКЯ	–	Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО	–	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ	–	Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ	–	Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС	–	Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ	–	Иностранные языки в школе
РЯНШ	–	Русский язык в нац. школе
РЯШ	–	Русский язык в школе
СбНУ	–	Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС	–	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ	–	Советская тюркология
ТОДРЛ	–	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН	–	Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW	–	Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh	–	Archiv für slavische Philologie
AGL	–	Archivio glottologico Italiano
AKGW	–	Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL	–	Acta linguistica
AmA	–	American anthropologist
ANF	–	Arkiv för nordisk filologi
AO	–	Archív orientální
APAW	–	Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC	–	Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ	–	Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP	–	Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS	–	Bullétin of the School of Oriental studies
BzNf	–	Beiträge zur Namenforschung
CAJ	–	Central Asiatic journal
CFS	–	Cahiers F. de Saussure
CJ	–	The classical journal
FPhon	–	Folia phoniatrica
FuF	–	Finnisch-ugrische Forschungen
GL	–	General linguistics
HR	–	Hispanic review
IF	–	Indogermanische Forschungen
IJ	–	Indo-Iranian journal
IJAL	–	International journal of American linguistics
JA	–	Journal asiatique
JASA	–	Journal of the Acoustical society of America
JEGPh	–	Journal of English and Germanic philology
JL	–	Journal of linguistics
JP	–	Język polski
JRAS	–	Journal of the Royal Asiatic society

JSFOu	– Journal de la Société finno-ougrienne
JФ	– Южнословенски филолог
KZ	– Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LaPh	– Linguistics and Philosophy
Lg	– Language
LIn	– Linguistic Inquiry
LM	– Les langues modernes
MM	– Maal og minne
MSFOu	– Mémoires de la Société finno-ougrienne
MSLP	– Mémoire de la Société de linguistique de Paris
MSOS	– Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
NSS	– Nysvenska studier
NTS	– Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
PBB	– Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PMLA	– Publications of the Modern Language Association of America
RES	– The Review of English studies
RÉG	– Revue des études grecques
RÉSI	– Revue des études slaves
RF	– Romanische Forschungen
RKJL	– Rozprawy Komisji językowej Łódźk. t-wa naukowego
RKJW	– Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
RLing	– Russian linguistics
RLR	– Revue de linguistique romane
RO	– Rocznik orientalistyczny
RS	– Rocznik slawistyczny
SaS	– Slovo a slovesnost
SDAW	– Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SL	– Studia linguistica
SMS	– Sbomik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
SPAW	– Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
StO	– Studia orientalia
SWAW	– Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
TA	– Traduction automatique
TCLC	– Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
TCLP	– Travaux du Cercle linguistique de Prague
TIL	– Travaux de l'Institut de linguistique
TPhS	– Transactions of the Philological society
UAJb	– Ungarische Jahrbücher
VR	– Vox Romanica
WW	– Wirkendes Wort
ZAS	– Zentralasiatische Studien
ZCPh	– Zeitschrift für celtische Philologie
ZDA	– Zeitschrift für deutsches Altertum
ZDMG	– Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
ZDPh	– Zeitschrift für deutsche Philologie
ZMaF	– Zeitschrift für Mundartforschung
ZNS	– Zeitschrift für neuere Sprachen
ZPhon	– Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPH	– Zeitschrift für romanische Philologie
ZSL	– Zeitschrift für Slavistik
ZSLPh	– Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

Igor' A. Mel'čuk (Montreal). Dependencies-2011: Dependency in language and linguistics; Elena V. Padučeva (Moscow). Indefinite-personal sentence and its implicit subject; Vera I. Podlesskaja (Moscow). Structural, linear and prosodic integrity of NPs: Coordinate and comitative constructions with 1st sg personal pronouns in Russian (a corpus-based study); Marina V. Dacišina (Moscow). Language as an instrument of oppression: German on the temporarily occupied Soviet territories, 1941–1944; Natal'ja M. Bičurina (St. Petersburg). Minor Romance languages: Metalinguistic discourse and language policy in France (Occitan / Provençal and Arpitan / Savoyard); Radmila R. Nagapetova (Moscow). Romansch of Graubünden: Sociolinguistic tendencies (from Switzerland censuses of 1880–2000); **Reviews:** Petr M. Arkad'ev (Moscow). *A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie* (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comparative handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010; Nina R. Dobrušina (Moscow). *B. Rothstein, R. Thieroff* (eds.). Mood in the languages of Europe. Amsterdam: John Benjamins, 2010; Natal'ja L. Šibasova (Moscow). *V. Hasko, R. Perelmutter* (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: John Benjamins, 2010; Ksenija P. Semenova (Moscow). *A. Bonola, O. Inkova* (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi. Milano: EDUCatt, 2011; Alexandr V. Zelenin (Tampere). *N.A. Kozulina, E.A. Levašov, E.N. Šagalova*. Russian affixoids. A reference dictionary. St. Petersburg: Nestor-History, 2009; **Scientific life:** Mira B. Bergel'son (Moscow). A survey of linguistic projects supported by RFH (РГНФ) in 2010–2011.

Сдано в набор 18.10.2011	Подписано к печати 21.12.2011	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0 Усл.кр.-отт. 9,0 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5 Бум.л. 5,0
Тираж 678 экз. Зак. 2053		

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6